

Содержание

Предисловие [М.М. Розенталь]	3
------------------------------	---

Глава первая.

Диалектическое и метафизическое понимание конкретного

Определение конкретного у Маркса	5
Об отношении представления к понятию	13
Понятие «человек» и некоторые выводы из его анализа	29
Конкретное и диалектика общего и единичного	38
Конкретное единство как единство противоположностей	58

Глава вторая.

Единство абстрактного и конкретного – закон мышления

Абстрактное как выражение конкретного	72
Диалектическое и эклектически-эмпирическое понимание всесторонности рассмотрения	77
Спиралевидный характер развития действительности и ее теоретического отражения	87
Научная абстракция (понятие) и практика	101

Глава третья.

Восхождение от абстрактного к конкретному

К постановке вопроса	112
Гегелевское понимание конкретного	128
Взгляд Маркса на процесс развития научного познания	139
Материалистическое обоснование способа восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса	148

Индукция Адама Смита и дедукция Давида Рикардо. Точки зрения Локка и Спинозы в политической экономии	160
Дедукция и проблема историзма	178

Глава четвертая.
Логическое развитие и конкретный историзм

О различии логического и исторического способов исследования	186
Логическое развитие как выражение конкретного историзма в исследовании	192
Абстрактный и конкретный историзм	197

Глава пятая.
**Способ восхождения от абстрактного к конкретному в
«Капитале» Маркса**

Конкретная полнота абстракции и анализа как условие теоретического синтеза	209
Противоречие как условие развития науки	221
Противоречия трудовой теории стоимости и их диалектическое разрешение у Маркса	225
Противоречие как принцип развития теории	244

Эвальд Васильевич Ильенков
Диалектика абстрактного и конкретного
в «Капитале» Маркса

*Утверждено к печати
Институтом философии
Академии наук СССР*

* * *

**Редакторы издательства В.В. Давыдов, Н.С. Злобин
Переплет художника Г.Ф. Вильфорта
Технический редактор С.Г. Маркович**

*** * ***

**РИСО АН СССР № 56-105В. Сдано в набор 17/X 1959 г.
Подписано к печати 13/II 1960 г. Формат 84×108¹/32
Печ. л. 9(18). Уч.-издат. л. 14,8. Усл. печ. л. 14,76
Тираж 6000 экз.**

Цена 9 р. 90 к.

*** * ***

**Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10.**

Предисловие

Настоящая книга принадлежит молодому научному работнику, посвящающему свои исследования вопросам диалектической логики. Нет нужды здесь специально останавливаться на значении разработки этой важной области марксистской философской науки. Как запросы дальнейшего развития естествознания и общественных наук, так и потребности современной общественной практики настоятельно выдвигают проблемы диалектической логики на один из первых планов. На это указывал еще В.И. Ленин, требуя от философов-марксистов максимального внимания к этим проблемам. Ленин же в своих «Философских тетрадах» и других трудах оставил ценнейшие указания относительно того, по каким линиям должна вестись эта работа.

Среди ленинских указаний большое значение имеют его мысли о максимальном использовании для дальнейшего развития диалектической логики и теории познания «Капитала» К. Маркса. Как известно, Ленин считал, что это великое произведение научного социализма представляет собой логику «с маленькой буквы», т.е. что Маркс применил к исследованию политической экономии капитализма и обоснованию неизбежности революционного преобразования общества диалектику во всем ее богатстве. И Ленин настойчиво рекомендовал всесторонне исследовать диалектику

«Капитала» – этот классический образец того, как надо понимать и применять марксистский метод познания.

В книге Э.В. Ильенкова исследуется одна из наиболее существенных и интересных сторон диалектического метода, которую сам Маркс охарактеризовал как способ [3] восхождения от абстрактного к конкретному. На наш взгляд, проделанная автором работа заслуживает внимания читателей, интересующихся марксистской философией, и займет свое место в литературе, исследующей философское значение «Капитала».

При общем правильном подходе к проблеме диалектики абстрактного и конкретного в книге содержатся и такие положения, которые требуют дальнейшего обсуждения. Да едва ли и сам автор книги претендует на полную непогрешимость всех своих высказываний. К сожалению, до недавнего времени вопросы диалектической логики недостаточно привлекали наше внимание, вследствие чего они не подвергались необходимому обсуждению. Творческие споры и научные дискуссии по этим вопросам на базе изучения великого наследия классиков марксизма-ленинизма и современных данных естествознания и общественной практики будут несомненно весьма полезными и окажут благотворное влияние на дальнейшее развитие диалектической логики.

Профессор М. Розенталь

[4]

Глава первая

Диалектическое и метафизическое понимание конкретного

Определение «конкретного» у Маркса

Известно, что Маркс определяет конкретное как «единство многообразного» 1. С точки зрения традиционной формальной логики это определение может показаться парадоксальным: ведь сведение чувственно-данного многообразия к единству представляется на первый взгляд задачей выработки не конкретного, а как раз наоборот, абстрактного знания о вещах. С точки зрения этой логики, осознать единство в чувственно воспринимаемом многообразии явлений – значит выявить то абстрактно-общее, одинаковое, которым обладают все эти явления.

Это абстрактно отвлеченное единство, зафиксированное в сознании с помощью общего термина, и представляется на первый взгляд тем самым «единством», а котором только и может идти речь в логике.

Действительно, если понимать переход от живого созерцания и представления к понятию, от чувственной ступени познания к рациональной, только как процесс сведения чувственно-данного многообразия к простому абстрактному единству, то определение Маркса обязательно покажется выражением, неоправданным с точки зрения «логической» терминологии. [5]

Все дело, однако, в том, что взгляды Маркса опираются на совершенно иные представления о мышлении, о его цели и задачах, нежели те, на основе которых строила свою теорию старая, недиалектическая логика. Это отражается не только в существе решения логических проблем, но и в терминологии. И это неизбежно: «В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию и в ее технических терминах» 2.

Если Маркс определяет конкретное как единство многообразного, то здесь предполагается диалектическое понимание и единого, и многого, и их отношения друг к другу. Единство в диалектике понимается прежде всего как связь, как взаимосвязь и взаимодействие различных явлений в составе некоторой системы, совокупности, а вовсе не как абстрактное подобие этих явлений друг другу. Это диалектическое значение термина «единство» и предполагается определением Маркса.

Определение конкретного, данное Марксом, означает, если несколько развернуть его афористически краткую формулу, буквально следующее: *конкретное, конкретность* – это прежде всего синоним реальной связи явлений, сцепления и взаимодействия всех сторон, моментов предмета, данного человеку в созерцании и представлении. Под конкретным понимается тем самым внутренне расчлененная совокупность различных форм существования предмета, неповторимое сочетание которых характерно только для данного предмета. Единство, понимаемое так, осуществляется не через подобие явлений друг другу, а как раз наоборот, через их различие и противоположность.

Такое понимание единого во многом (или конкретности), очевидно, не только не совпадает с тем пониманием, из которого исходила старая логика, но и прямо ему противоположно. Оно сближается здесь по смыслу с понятием целостности, и Маркс часто в качестве синонима конкретности употребляет также термин «тотальность», которому в русском языке как раз и соответствуют слова «целостность», «целокупность». К этому термину Маркс

прибегает в тех случаях, когда ему приходится охарактеризовывать предмет как единое, связанное во [6] всех его многообразных проявлениях целое, как «органическую систему» взаимообуславливающих друг друга явлений в противоположность метафизическому представлению о нем, как о механическом агрегате неизменных составных частей, связанных между собой лишь внешне, более или менее случайно.

Самое важное в Марксовом определении конкретного заключается в том, что оно оказывается прежде всего объективной характеристикой предмета, рассматриваемого совершенно независимо от всех тех эволюций, которые происходят в познающем субъекте. Конкретен предмет сам по себе, «в себе», независимо от того, достигается ли он мышлением или воспринимается органами чувств. Конкретность не создается в процессе отражения предмета в субъекте ни на чувственной ступени этого отражения, ни на рационально-логической.

Иными словами, «конкретное» – это прежде всего такая же предметная, объективная категория, как и любая категория материалистической диалектики, как «необходимое», или «случайное», как «сущность» или «явление». Она выражает собой всеобщую форму развития и природы, и общества, и мышления. В системе взглядов К. Маркса «конкретное» ни в коем случае не есть синоним чувственно-наглядного, непосредственно-созерцаемого.

Поскольку «конкретному» противопоставляется «абстрактное», это последнее трактуется Марксом также прежде всего предметно. Для Маркса это ни в коем случае не синоним лишь «чисто-мыслимого», лишь продукта умственной деятельности, лишь субъективно-психологического феномена, имеющего место только под черепной крышкой индивидуума. Маркс сплошь и рядом использует этот термин в качестве характеристики реальных, вне сознания существующих явлений и отношений, независимо от того, отражены они в сознании или нет.

Так, например, Маркс говорит в «Капитале» об «абстрактном труде». Здесь «абстрактность» выступает как объективная характеристика той формы, которую человеческий труд приобретает в развитом товарно-капиталистическом производстве. Автор «Капитала» настойчиво подчеркивает, что сведение различных видов труда [8] к лишенному различий, однородному, простому труду – «...это – абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно». Это – «...не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух» 3.

В определении золота как «материального бытия абстрактного богатства» также выражается его специфическая функция в организме товарно-капиталистической формации, а вовсе не в сознании теоретика или практика.

Такое употребление термина «абстрактное» отнюдь не есть терминологическая прихоть Маркса: оно связано с самым существом его логических воззрений, с диалектическим пониманием отношения форм мышления и форм предметной, объективной реальности, с пониманием практики (чувственно-предметной деятельности) как критерия истинности абстракций мышления.

Еще меньше это словоупотребление можно объяснить как «атавизм гегельянства»: именно против Гегеля направлено известное положение Маркса о том, что «простейшая экономическая категория, например меновая стоимость... не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого» 4.

«Абстрактное» в подобном, очень часто встречающемся у Маркса, контексте приобретает смысла «простого», неразвитого, одностороннего, фрагментарного, «чистого» (т.е. не осложнённого деформирующими воздействиями). Само собой понятно, что в этом смысле «абстрактное» вполне может выступать в качестве объективной характеристики реальных явлений, а не только явлений сознания.

«Чистота (абстрактная определенность), с которой древнем мире выступают торговые народы – финикийцы, карфагеняне, – дана как раз самим преобладанием земледельческих народов» 5 – и, уж конечно, не преобладанием «абстрагирующей силы мысли» [8] финикийцев или ученых, пишущих историю Финикии. «Абстрактное» в данном смысле вовсе не есть продукт и результат мыслящей деятельности. От мышления этот факт зависит так же мало, как и то обстоятельство, что «абстрактный закон размножения существует только для растений и животных».

Согласно Марксу, «абстрактное» (как и его противоположение, «конкретное») есть категория диалектики, как науки о всеобщих формах развития природы, общества и мышления, а уже на этой основе – также и категория логики, ибо диалектика и есть Логика марксизма.

Такое предметное толкование категории абстрактного направлено своим полемическим острием против всевозможных разновидностей неокантианской логики и гносеологии, грубо метафизически противопоставляющих «чистые формы мышления» –

формам объективной реальности. Для этих школ в логике «абстрактное» – это только форма мысли, в то время как «конкретное» – форма чувственно-наглядного образа. Это узкогносеологическое толкование, характерное для всех представителей юмистско-миллевской и кантианской традиций в логике (например, Челпанов и Введенский в России), совершенно чуждо и враждебно самой сути диалектики как логики и теории познания.

В современной буржуазной философии узкогносеологическая (т.е. в конце концов, по существу психологическая) интерпретация категорий абстрактного и конкретного утвердилась прочно. Вот свежий пример – определение «Философского словаря» Макса Апеля и Петера Людца:

«АБСТРАКТНОЕ: изъятое из некоторой данной взаимосвязи и рассматриваемое само по себе (*für sich allein*). Таким образом, абстрактное имеет смысл понятийного, мыслимого в противоположность наглядно созерцаемому.

АБСТРАКЦИЯ: логическое действие, посредством которого через опускание признаков поднимаются от наглядно-созерцаемой данности к общему представлению и от данного понятия к обобщающему. Абстракция обедняет содержание и расширяет объем. Противоположность абстракции – детерминация».

«КОНКРЕТНОЕ: непосредственно, наглядно созерцаемое. Конкретные понятия обозначают созерцаемое, [9] отдельные объекты созерцания. Противопонятие – абстрактное (см.)» 6.

Это одностороннее определение (абстракция, конечно – и умственное отвлечение, но ни в коем случае не сводится к нему) с незначительными вариациями кочует из словаря в словарь, к какой бы разновидности идеализма ни принадлежал его составитель. Оно отшлифовалось в десятках изданий и стало общепринятым среди буржуазных философов. Это, разумеется, вовсе не свидетельствует о его правильности. Свидетельствует это только о том, насколько чужда диалектика современной буржуазной философии и логике.

«Конкретное понятие» сводится этими дефинициями к «обозначению» наглядно-созерцаемых единичных вещей, к простому знаку, символу. В мышлении, иными словами, «конкретное» присутствует лишь номинально, лишь в качестве «обозначающего имени». С другой стороны, «конкретное» превращено в синоним неосмысленной, неопределенной «чувственной данности». Ни конкретное, ни абстрактное согласно этим дефинициям нельзя применять в качестве характеристик теоретического знания по его реальному предметному содержанию.

Они характеризуют лишь «форму познания», – «конкретное» – форму чувственного познания, а «абстрактное» – форму мысли, форму рационального познания. Иными словами, они относятся к разным сферам психики, к разным предметам. Там, где есть конкретное – нет абстрактного, и наоборот. Вот и вся премудрость этих дефиниций.

Совсем по-иному вопрос об отношении абстрактного к конкретному выглядит с точки зрения Маркса, с точки зрения диалектики, как логики и теории познания.

Этот вопрос лишь на первый взгляд кажется только «гносеологическим» вопросом, вопросом об отношении умственного отвлечения к чувственно-воспринимаемому образу. На самом деле он гораздо шире и глубже по своему, реальному содержанию, и в ходе анализа неизбежно оборачивается совсем другой проблемой, – проблемой отношения предмета к самому себе, т.е. [10] отношения различных моментов предметной реальности друг к другу в составе некоторого конкретного целого. Поэтому и решается этот вопрос в первую очередь в плане объективной диалектики, – в плане учения о всеобщих формах и закономерностях развития природы, общества и самого мышления, – а не в узкогносеологическом плане, как у неокантианцев, как у позитивистов.

Поскольку же речь заходит у Маркса о гносеологическом аспекте проблемы, постольку под абстрактным, понимается любое одностороннее, неполное, однобокое отражение предмета в сознании, – в противоположность конкретному знанию, как знанию развитому, всестороннему, исчерпывающему. При этом совершенно безразлично, в какой субъективно-психологической форме это знание «переживается» субъектом – в форме чувственно-наглядного образа или же в словесно-отвлеченной форме. Логика (диалектика) Маркса и Ленина устанавливают свои различия не с точки зрения субъективной формы переживания, а с точки зрения объективного, предметного смысла и значения знания. В виде наглядного образа может быть усвоено знание бедное, тощее, однобокое. Логика в этом случае должна будет квалифицировать его как «абстрактное» знание, несмотря на всю его наглядность. И наоборот, в словесно-отвлеченной форме, на языке формул, прекрасно может быть выражено знание богатое, развитое, глубокое и всестороннее, – то есть конкретное.

«Конкретность» не есть ни синоним, ни привилегия чувственно-образной формы отражения действительности в сознании, так же как «абстрактность» не есть специфическая характеристика рационально-теоретического познания. Конечно, мы сплошь и рядом говорим о конкретности чувственного образа и об абстрактном мышлении.

Но, по справедливому замечанию глубокомысленного Козьмы Пруткова,

**«Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону».**

Чувственный образ, образ созерцания, столь же часто может быть и весьма абстрактным. Достаточно вспомнить геометрический чертеж или произведение абстрактной живописи. И наоборот, мышление в понятиях не [11] только бывает, но и должно быть конкретным в самом полном и строгом значении этого слова. Известно, что «абстрактной истины нет», что «истина всегда конкретна». И это вовсе не значит, что истинным может быть только чувственно-наглядный образ, созерцание отдельной вещи.

Конкретное в мышлении и выступает, по определению Маркса, в форме сочетания (синтеза) многочисленных определений. Логически связанная система определений как раз и есть та «естественная» форма, в которой осуществляется в мышлении истина. Каждое из определений входящих в эту систему, отражает, само собой разумеется, лишь частичку, фрагмент, момент, сторону конкретной действительности, – и, потому само по себе, взятое отдельно от других определений, оно абстрактно. Иными словами, конкретное в мышлении осуществляется через абстрактное, через свою собственную противоположность, и без него невозможно. Но и диалектике это вообще не исключение, а правило. Необходимость находится в точно таком же отношении со случайностью, сущность с явлением и т.д.

С другой стороны, каждое из многочисленных определений, входя в состав системы понятий конкретной науки, утрачивает в ней свою абстрактность, наполняется смыслом и значением всех, других, связанных с ним определений. Отдельные абстрактные определения взаимно дополняют друг друга, благодаря чему и преодолевается абстрактность каждого из них, взятого порознь. Коротко говоря, в этом и заключается диалектика отношения абстрактного к конкретному в мышлении, отражающем конкретное в действительности. Диалектика абстрактного и конкретного в процессе теоретической обработки данных живого созерцания, в процессе переработки созерцания и представления в понятие и является предметом исследования в предлагаемой работе.

Разумеется, мы не можем претендовать на исчерпывающее раскрытие проблемы абстрактного и конкретного на всех ступенях процесса познания вообще, во всех формах отражения. В ходе образования чувственно-наглядного образа вещи тоже имеется своя, и очень сложная диалектика абстрактного и конкретного, тем более – при образовании представления, [12] связанного с речью, со

словом. Память, также играющая колоссальную роль в процессе познания, включает в своем составе не менее сложное отношение абстрактного к конкретному. Относятся эти категории и к процессу художественного творчества. Все эти аспекты мы вынуждены оставить без внимания, как предмет специального исследования.

Путь познания, путь, ведущий от живого созерцания к абстрактному мышлению, и от него – к практике, – это очень сложный путь. В каждом его звене совершается сложный диалектически-противоречивый процесс превращения конкретного в абстрактное и абстрактного в конкретное. Даже ощущение «огрубляет» конкретную действительность, даже в процессе непосредственного восприятия имеется момент перехода от конкретного в действительности – к абстрактному в сознании. И переход от живого созерцания к абстрактному мышлению – это вовсе не то же, что движение «от конкретного к абстрактному». К этому моменту он никоим образом не сводится, хотя этот момент в нем всегда присутствует. Одно и то же это только для того, кто конкретное понимает как синоним непосредственного наглядного образа, а абстрактное – как синоним мысленного, понятийного. Но в наши дни на этой точке зрения застряли только пошлые школки неокантианства и позитивизма. [13]

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 12. Госполитиздат, 1959, с. 727.

2 Маркс К. Капитал, т. 1. Госполитиздат, 1955, с. 29.

3 Маркс К. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, с. 15.

4 Там же, с. 214.

5 Там же, с. 222.

6 Philosophisches Wörterbuch. D-r M. Apel, D-r P. Ludz. Berlin, 1958, S. 4-5, 162.

Об отношении представления к понятию

Домарксистская логика, чуждая диалектическому взгляду на отношение чувственно-эмпирической и рациональной ступеней (форм) познания, не смогла, несмотря на все свои старания, дать четкого решения вопроса об отношении представления к понятию.

Понятие определялось то как словесное обозначение общего в ряде простых идей (представлений), как имя-термин (Локк, Гоббс), то просто как любое «представление о вещи в нашем мышлении» (Х. Вольф), то как «нечто противоположное созерцанию, так как оно

есть некоторое общее представление или представление о том, что является общим для многих объектов созерцания» (И. Кант), то как представление с определенным, [13] однозначным, устойчивым и зафиксированным в речи общепринятым значением» (Х. Зигварт), то как «представление о представлении» (А. Шопенгауэр). Широко, распространено и ныне определение понятия как просто «смыслового значения термина», что бы тот ни обозначал. Неопозитивисты часто вообще отказываются решать вопрос об отношении понятия к представлению, переходя в план чисто формальных определений понятия – квалифицируя понятие как «функцию высказывания», «пропозициональную функцию» и т.п. В современной буржуазной философии и логике этот вопрос вообще остался крайне запутанным. Чрезвычайно типичным является взгляд, выраженный в «Философском словаре» Г. Шмидта. Понятие здесь определяется как «смысловое содержание слов», а в более строгом «логическом смысле» как такое смысловое содержание слова, «которое очищено от всего того, что принадлежит единичному восприятию, а потому может быть перенесено на другие восприятия в качестве их обозначения» 1. В «Словаре основных философских понятий» Кирхнера-Михаэля делается следующая неуклюжая попытка уйти от отождествления понятия с представлением: «Понятие не есть просто усовершенствованное представление, так как оно возникает из представлений только путем их приравнивания и вычленения общего в них...» 2.

Русский логик-кантианец А. Введенский исходит из того, что представление отличается от понятия, не «психологическим способом переживания», а тем, что в представлении вещи мыслятся, «со стороны каких угодно», в понятии же – лишь «со стороны существенных признаков». Однако на следующей же странице он сам снимает это разграничение характерным рассуждением на тему о том, что «с одной точки зрения существенно одно, а с другой точки зрения – совсем другое». Но вопрос о «существенности» или «несущественности» тех или иных признаков решается за пределами логики, как формальной дисциплины, где-нибудь в «гносеологии», в этике или другой подобной дисциплине. Поэтому, де, логика вправе, [14] не мудрствуя лукаво, рассматривать как понятие любое словесно зафиксированное «общее», любой термин со стороны его смысла.

Подобные (крайне типичные для немарксистской, антидиалектической логики) рассуждения приводят, в конце концов, более или менее окольными путями к одному и тому же финалу: под названием «понятия» рассматривается любое словесно выраженное «общее», любая терминологически закрепленная абстракция от чувственно-данного многообразия, любое представление о том, что является общим для многих объектов непосредственного созерцания.

Иными словами, все антидиалектические версии «понятия» в конце концов восходят к одному и тому же классическому первоисточнику – к локковско-кантовскому определению, а иногда и еще дальше – к определению средневекового номинализма, вообще не различавшего «слово» и «понятие».

Принципиальная слабость локковско-кантовской концепции заключается в том, что она в своих попытках различить представление как форму, чувственно-эмпирического знания от понятия как формы рационального познания прочно стоит на почве гносеологической робинзонады. Субъект познания для нее – это отдельный, вырванный из сплетения общественных связей, противостоящий «всему остальному», человеческий индивидуум. Поэтому отношение сознания к предметной реальности здесь и понимается крайне узко, – только как отношение многократно повторенного индивидуального сознания ко всему, что находится вне этого сознания, не зависит от его существования и произвола.

Однако вне и независимо от сознания и воли *индивидуума* находится не только материальная природа, но и сложнейшая исторически сложившаяся сфера материальной и духовной культуры *человечества*, общества. Пробуждаясь к сознательной жизни внутри общества, индивидуум застаёт вокруг себя готовую «духовную среду», предметно-воплощенную духовную культуру. Последняя противостоит индивидуальному сознанию как особый предмет, который он должен усвоить, считаясь с его природой, как с чем-то вполне объективным. Система форм общественного сознания (в самом широком смысле, [15] включая формы политической организации общества, права, морали, повседневного быта и пр. и пр., а также формы и нормы действий в сфере мышления, грамматически-синтаксические правила словесного выражения представлений, эстетические вкусы и т.д.) с самого начала организует развивающееся сознание и волю индивидуума, формирует, его по своему образу и подобию. В итоге каждое отдельное чувственное впечатление, возникающее в индивидуальном сознании, всегда есть продукт преломления внешних воздействий сквозь сложнейшую призму усвоенных им форм общественного сознания. Эта своеобразная «призма» есть продукт общественно-человеческого развития. Индивид наедине с природой ее лишен, и из анализа отношений изолированного индивида к природе ее понять нельзя.

Гносеологическая же «робинзонада» пытается понять механизм производства сознательных представлений и понятий как раз из такого сказочного положения. Общественная природа любого, самого элементарного акта производства сознательных представлений здесь игнорируется с самого начала, и дело представляется таким образом, что индивидуум сначала

испытывает единичные чувственные впечатления, затем индуктивно отвлекает от них нечто общее, наименовывает его словом, а затем становится в позицию «рефлексии» к этому общему, рассматривает свои собственные умственные действия и их продукты – «общие идеи» (т.е. зафиксированные речью общие представления) – как особый объект исследования. Короче говоря, дело начинает представляться так, как его и изобразил в своем «Опыте о человеческом разуме» Джон Локк, классик и систематизатор этого взгляда.

Но общественно-человеческая природа индивидуального сознания, не впущенная этой теорией через дверь, проникает в нее через окно. «Рефлексия», т.е. рассмотрение продуктов умственной деятельности и операции с ними (силлогистические умозаключения, рассуждения, опирающиеся только на «понятия»), сразу же обнаруживает, что в этих продуктах заключается некоторый результат, принципиально не объяснимый из узкого личного опыта. Поскольку же общественно-человеческий опыт здесь толкуется только как многократно повторенный [16] личный опыт, как простая сумма отдельных опытов (а не как история всей человеческой культуры), постольку все формы сознания, вызревшие в трудном и противоречивом развитии культуры, начинают казаться вообще из опыта не объяснимыми, доопытными – «априорными». Из индивидуального опыта они никак с необходимостью не выводятся, и, однако, активнейшим образом детерминируют этот опыт, задают форму его протекания.

Это представление в итоге и отливается в учение о «единстве трансцендентальной апперцепции» И. Канта, в связи с которым Кант и дает свое определение «понятия», как «общего представления или представления о том общем, что свойственно многим объектам созерцания». Разумеется, учение Канта о понятии не сводится к этой простой дефиниции; однако она лежит в основе всех его построений и органически с ними связана. На первый взгляд, это определение совпадает с односторонне-эмпирическим толкованием понятия у Локка. Это действительно так. Но узкий эмпиризм неизбежно дополняется своей противоположностью, представлением о внеопытном, неэмпирическом происхождении целого ряда важнейших понятий рассудка, категорий. Категории рассудка, представляющие собой сложный продукт тысячелетнего развития культуры человеческого мышления, уже не истолкуешь просто как общие представления, как представления о том общем, что имеется между многими объектами, данными в созерцании человеческим индивидуумам.

Всеобщие понятия, категории (причина, качество, свойство, количество, возможность, необходимость и т.д.) относятся не ко «многим», а ко всем без исключения объектам созерцания. Стало

быть, они должны заключать в себе гарантию всеобщности и необходимости, гарантию на тот счет, что никогда в будущем в поле зрения человека не попадет и не может попасть противоречащий случай («беспричинное» явление, или вещь, которая была бы лишена «качеств», «свойств» и не поддавалась бы количественному измерению, и т.п.). Эмпирически-индуктивное отвлечение, естественно, такой гарантии в себе заключать не может, – оно всегда находится под угрозой той неприятности, которая произошла с суждением «все лебеди белы». [17]

Поэтому на деле Кант для подобных понятий принимает принципиально иное определение, толкуя их как априорные формы трансцендентальной апперцепции, а вовсе не как «общие представления». Трещина дуализма проходит, таким образом, и через самое «понятие понятия». На деле тут два взаимоисключающих определения. С одной стороны, понятие просто отождествляется с общим представлением, а с другой стороны, между понятием и представлением фиксируется ничем не заполненная пропасть. «Чистая» («трансцендентальная») форма понятия, категория рассудка, оказывается всецело априорной, а обычное понятие сводится просто к общему представлению. Это – неизбежное возмездие за грех узколобого эмпиризма, от которого не может уйти ни одна школка в логике, отождествляющая понятие со смыслом любого термина, со значением слова.

Материалистическая диалектика Маркса, Энгельса и Ленина прекрасно разрешила трудности, связанные с определением понятия и его отношения к представлению, выраженному в речи, поскольку полностью учла общественно-человеческий, общественно-исторический характер всех форм и категорий познания, включая формы эмпирической ступени познания.

Благодаря речи индивид «видит» мир не только и не столько своими собственными глазами, сколько миллионами глаз. Поэтому под представлением Маркс и Энгельс всегда понимают не удержанный в индивидуальной памяти чувственный образ вещи, а нечто иное. Представление, с точки зрения гносеологии, исходящей из общественного индивида, – это реальность опять-таки общественная. В состав представления входит то, что удержано в общественной памяти, в формах этой общественной памяти. А такой формой является прежде всего речь, язык. И если индивид приобрел представление о вещи от других непосредственно созерцающих ее индивидов, то он приобрел только такую форму сознания о ней, какую бы он получил в том случае, если бы сам, собственными глазами, созерцал этот факт, эту вещь. Обладать представлением – это значит обладать общественно осознанным (т.е. выраженным или могущим быть выраженным в речи) созерцанием. От того, что я – посредством речи – созерцаю вещь

глазами другого индивида или другой индивид [18] созерцает вещь моими глазами – от этого ни я, ни другой индивид не приобретаем еще понятия об этой вещи. Мы взаимно обмениваемся представлениями. Представление и есть словесно выраженное созерцание, «словесное бытие» предмета, как выражается Маркс.

Созерцание и представление тем самым и выступают как категории, выражающие общественно-исторический характер чувственности, эмпирической формы познания, а не психологические состояния индивида. В состав представления всегда входит только то, что я в моем индивидуальном созерцании воспринимаю общественным образом, т.е. могу через речь сделать достоянием общественного сознания другого индивида, а тем самым и для самого себя как общественно созерцающего индивида. И суметь выразить чувственно-созерцаемые факты в речи – это значит суметь перевести индивидуально созерцаемое в план представления как общественного сознания.

Но, это еще никак не совпадает с умением, со способностью вырабатывать *понятие*, с умением совершать логическую переработку созерцания и представления в понятие. Это еще не означает умения перейти от первой, чувственной ступени познания к ступени логического усвоения.

Когда речь идет о процессе теоретической обработки чувственных данных, то Маркс в качестве этих данных имеет и виду, конечно, не только и не столько то, что индивид, совершающий эту логическую обработку, непосредственно *видел* своими глазами или *ощупывал* пальцами. Маркс всегда имеет в виду всю *совокупность фактических, эмпирических сведений, общественно совершаемое созерцание*. Перед теоретиком в качестве материала логической деятельности, в качестве чувственных данных лежит не только и не столько то, что он, как индивид, непосредственно созерцал, сколько все то, что он знает о предмете от *всех других* людей. От других же людей он может знать все это только благодаря речи, благодаря тому, что миллионы созерцаемых фактов уже нашли свое выражение в общественном представлении.

Этим устанавливается другой разрез в понимании и процесса познания, нежели тот, который можно установить с позиции номиналистического понимания мышления и его отношения к чувственности: созерцание и [19] представление для Маркса составляют лишь первую, *чувственную* ступень познания. И это резко отличается от толкования чувственной ступени познания, характерного для последователей Локка и Гельвеция. Последние неизбежно – в силу их позиции, исходящей из абстрактно-антропологического представления о субъекте познания – относят

ту форму сознания, которую Маркс именует представлением, к рациональной, логической ступени отражения.

Впервые четко, и притом с точки зрения логики (чего не мог сделать никто до него), различие между понятием и общим представлением, выраженным в слове, установил диалектик Гегель. И сделал он это именно потому, что его исходной точкой зрения в логике является не отдельный индивид, а человечество в целом, в развитии.

Гегель не раз отмечает, что если процесс познания рассматривать с психологической точки зрения, т.е. в том его виде, в каком он осуществляется в голове отдельного индивида, то он выйдет так, что «мы начинаем с чувств и созерцаний и что рассудок из всего их многообразия извлекает некоторую всеобщность или некоторое абстрактное...» 3

Этот отрезок пути Гегель и называет переходом от созерцания к представлению, т.е. к некоторой устойчивой форме сознания, к абстрактно-общему образу, получающему соответствующее наименование, выражение в речи, в термине.

Однако для мышления, постигающего истину, эта форма сознания вовсе не является ни целью, ни результатом, а только предпосылкой, только материалом его специфической деятельности. Старая логика, отмечает Гегель, постоянно путает психологические предпосылки понятия с самим понятием, принимает за понятие любое абстрактно-общее представление, поскольку оно нашло свое выражение в термине, в слове, в речи.

Для последней любое абстрактно-общее представление, зафиксированное в слове, есть уже понятие, есть уже форма рационального познания вещей. Для Гегеля это – лишь предпосылка действительного *понятия*, т.е. [20] такой формы сознания, которое выражает действительную (диалектическую) природу вещей.

«...В наше время *никакому* понятию не приходилось так жестоко страдать, как самому понятию понятия, само по себе взятому. Ибо под понятием обыкновенно понимают некую абстрактную определенность и односторонность представления или рассудочного мышления, с помощью которой, разумеется, не может быть мыслительно осознана ни целостность истины, ни конкретная по своей природе красота» 4.

Понятие, разъясняет Гегель, толкуется, этой логикой крайне однобоко, односторонне, а именно: рассматривается лишь с той стороны, которая одинаково свойственна и понятию, и общему представлению.

При таком подходе к проблеме понятие по существу приравнивается к простому общему представлению, а все те особенности, благодаря которым оно оказывается способным выразить конкретную природу предмета, остаются вне поля зрения старой логики.

«То, что иногда также называют понятиями, например человек, дом, животное и т.д., суть простые определения и абстрактные представления, суть абстракции, заимствующие от понятия лишь момент всеобщности и опускающие особенность и единичность; они, таким образом, не получают развития в направлении этих моментов и, следовательно, абстрагируются как раз от понятия» 5.

Это различие, как нетрудно убедиться, теснейшим образом связано с гегелевской критикой метафизики в логике, в теории познания. Отнюдь не отрицая того очевиднейшего факта, что понятие всегда есть нечто абстрактное по сравнению с чувственно-конкретным образом вещи, Гегель вместе с этим показывает всю поверхностность взгляда, который сводит понятие к простому выражению абстрактно-одинакового, абстрактно-общего, целому ряду явлений свойства, признака или отношения. Такое сведение ровно ничего не объясняет в его [21] способности постигать природу предмета глубже, вернее, полнее, нежели созерцание и представление.

«Конечно, если та сторона конкретного явления, которую мы, согласно рассматриваемому воззрению, вбираем в понятие, должна служить лишь *признаком* или *знаком*, то она и в самом деле может быть тоже каким-нибудь лишь чувственным, единичным определением предмета...» 6

Различие между образом живого созерцания и понятием сводится, таким образом, к чисто количественному различию. Понятие выражает, точнее, обозначает лишь одно из чувственных качеств явления, в то время как чувственный образ содержит в своем составе целый их ряд. Понятие в итоге рассматривается лишь как нечто более бедное, нежели образ живого созерцания, – только как абстрактное, одностороннее выражение этого образа.

Переход от образа созерцания к понятию рассматривается, таким образом, только как разрушение чувственно-данной конкретности, как устранение массы чувственно-воспринимаемых свойств ради одного из них.

«Абстрактное, – говорит по этому поводу, Гегель, – считается в таком случае по той причине менее значительным, чем конкретнее, что из него, дескать, опущено так много указанного рода материи. Абстрагирование получает, согласно этому мнению, тот смысл, что

из конкретного вынимается (лишь для нашего субъективного употребления) тот или иной признак, ...и лишь немота рассудка приводит, согласно этому взгляду, к тому, что ему невозможно вобрать в себя все это богатство и приходится довольствоваться скудной абстракцией» 7.

Переход от конкретного созерцания к абстракции мышления предстает в итоге только как отход от действительности, данной непосредственному созерцанию, лишь как проявление «немоты», слабости мышления. Неудивительно, что Кант, отпаваясь от этого понимания, приходит к выводу о неспособности мышления достигать объективной истины.

Ленин, тщательно конспектируя приведенное гегелевское рассуждение, записывает по его поводу: [22]

«Гегель вполне прав *по существу* против Канта. Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит – если оно *правильное* (NB) (а Кант, как и все философы, говорит о правильном мышления) – *от истины*, а подходит к ней» 8.

Иными словами, если понятие и есть нечто абстрактное по сравнению с чувственно-воспринимаемой конкретностью, то вовсе не в этом заключается его сила, его преимущество перед созерцанием. Восхождение от чувственно-созерцаемой конкретности к абстрактному ее выражению – это только форма, в которой осуществляется более содержательный процесс, – процесс достижения истины, которую созерцание схватить не в состоянии. Ленин, комментируя Гегеля, и отмечает, что научные, – т.е. правильные, серьезные, не вздорные, – абстракции отражают природу не только глубже, не только вернее, чем живое созерцание и представление, *но и полнее*. А полнее на языке диалектической логики означает не что иное, как конкретнее.

«Поэтому, – продолжает Гегель в цитируемом Лениным отрывке, – абстрагирующее мышление должно рассматриваться не просто как оставление в стороне чувственной материи, которая при этом, дескать, не терпит никакого ущерба в своей реальности; оно, скорее, есть снятие последней и сведение ее, как простого явления, к существенному, проявляющемуся только в понятии» 9.

Конкретное при этом вовсе не утрачивается, как думает Кант вместе с эмпириками, а, напротив, выявляется мышлением в его действительном значении и содержании. Поэтому-то Гегель и рассматривает переход от чувственно-созерцаемой конкретности к понятию как форму движения от явления к сущности, от следствия – к его основанию.

Понятие, по Гегелю, выражает сущность созерцаемых явлений. А эта сущность ни в коем случае не сводится к тому абстрактно-одинаковому, что имеют различные явления, к тому одинаковому, что наблюдается в каждом из явлений, взятых порознь. Сущность предмета всегда [23] заключается в единстве различных и противоположных моментов, в их сцеплении и взаимообусловленности. Поэтому-то Гегель и говорит о понятии: «Что касается природы понятия как такового, то следует указать, что оно не есть в самом себе абстрактное единство в противоположность различиям, характеризующим реальность, а уже как понятие оно есть единство различных определенностей и, стало быть, конкретная целостность. Так, например, представления «человек», «синий» и т.д. должны прежде всего называться не понятиями, а абстрактными общими представлениями, и эти представления становятся понятиями лишь в том случае, когда мы показываем относительно них, что они содержат в себе различные стороны в единстве, так как это последнее, в самом себе определенное единство, составляет понятие» 10.

И если мышление человека просто сводит чувственно-конкретный образ предмета к абстрактно-одностороннему определению, то оно производит не понятие, а только общее представление. Понятие как переход от созерцания к представлению – это совершенно естественный и закономерный процесс. Но если его принимают не за то, что он есть на самом деле, а именно – за переход к понятию, то он не объясняет в этом переходе самого важного.

Ленин не раз подчеркивал справедливость той мысли Гегеля, что переход от представления к понятию следует рассматривать в логике прежде всего с той точки зрения, что это есть переход от менее глубокого знания к знанию более глубокому, полному и верному.

«Предмет, каков он без мышления и без понятия, есть некоторое представление или даже только название; только в определениях мышления и понятия он *есть* то, что он есть», – говорит Гегель, и Ленин записывает на полях:

«Это верно! *Представление и мысль, развитие обоих, Nil aliud*» (ничего другого) 11.

Анализируя гегелевские рассуждения по поводу от ношения представления к мышлению, Ленин считает нужным специально отметить, что в этом пункте идеализм Гегеля как раз не сказывается: [24]

«Здесь в понятии времени (а не в отношении представления к мышлению) идеализм Гегеля» 12.

Основная мысль Гегеля сводится к тому, что рассудочные абстракции не выводят сознание за пределы эмпирической ступени познания, что они суть формы чувственно-эмпирического сознания, а не мышления в строгом смысле этого слова, суть представления, а не понятия. Смещение же того и другого, отождествление представления с понятием на том основании, что и то и другое суть абстракции, есть характернейший признак метафизики в логике, логики метафизического мышления.

Прекрасную формулу, определяющую отношение между чувственной ступенью дознания (сферой созерцания и представления) и ступенью логического постижения (сферой понятия) с точки зрения материалистической диалектики, дал в работе «Относительно практики» Мао Цзэдун: «Повторяем: логическое познание отличается от чувственного познания тем, что чувственное познание охватывает отдельные стороны вещей, явлений, внешние их стороны, внешнюю связь явлений, а логическое познание делает огромный шаг вперед, охватывая явление в целом, его сущность и внутреннюю связь явлений, поднимается до раскрытия внутренних противоречий окружающего мира и тем самым может постигнуть развитие окружающего мира во всей его целостности, с его всеобщими внутренними связями» 13.

Поэтому первой задачей логики как науки, исследующей процесс логической переработки эмпирических данных в понятие (переход от созерцания и представления к понятию), и является строго объективное разграничение понятия и словесно выраженного представления.

Это разграничение – вовсе не теоретическая тонкость. Оно имеет огромное значение и для теории познания, и для педагогики. Процесс образования абстрактно-общего представления есть процесс сам по себе достаточно сложный и противоречивый. Как таковой он является предметом особого исследования, хотя и не в логике.

Задача логики как науки вырастает из реальных потребностей развивающегося познания явлений [25] окружающего мира. Вопрос, с которым обращается к логике как науке мыслящий человек, вовсе не сводится к вопросу о том, как производить абстракцию вообще, как научиться отвлекать абстрактно-общее в чувственно-данных фактах. Чтобы проделать это, совсем не требуется просить совета у логики. Для этого вполне достаточно владеть родным языком и

способностью сосредоточивать свое внимание на чувственно-данных сходствах и различиях.

Вопрос, с которым, человек обращается к логике и на который она и только она и может дать ответ, касается более сложной познавательной задачи: как выработать такую абстракцию, которая выражала бы объективное существо фактов, данных в созерцании и представлении. Как образуется на основе переработки массы эмпирически очевидных фактов такое обобщение, которое выражает действительную природу рассматриваемого предмета, – вот та реальная проблема, решение, которой совпадает с решением вопроса о природе понятия в его отличии от абстрактно-общего представления.

И если понятие определяется как отражение существенного общего, то материализм в логике обязывает строжайшим образом различать существенное для субъекта (для его желаний, стремлений, целей и т.д.) и существенное для объективного определения природы предмета, совершенно независимой от субъективных устремлений.

Неокантианская логика сознательно смазывает это различие, стараясь доказать, что критерий различения между субъективно существенным и существенным с точки зрения самого предмета не может быть ни найден, ни дан. Наиболее последовательное развитие этот взгляд на понятие получает в прагматических и инструменталистских концепциях. Любое понятие истолковывается как проекция субъективных желаний, стремлений и побуждений на «хаос» чувственно-данных явлений. Ясно, что здесь стирается не только грань между субъективным и объективным, но также и граница между стихийно складывающимся представлением и понятием, между эмпирическим и рационально-логическим познанием.

В качестве иллюстрации приведем один характернейший образчик современного философствования по поводу проблемы абстрактного и конкретного – статью западногерманского теоретика Р. Шоттлендера, [26] отражающую, как в зеркале, уровень современной буржуазной мысли в области категорий диалектики 14.

Его рассмотрение и начинается и кончается убогим противоположением абстрактного конкретному как категорий, относящихся к двум принципиально различным сферам. Абстрактное для Шоттлендера есть лишь «способ действия субъекта познания». Конкретное тут же отождествляется с чувственно-наглядной полнотой образа живого созерцания, предмет вне сознания вообще не различается от его чувственного переживания. Из этого конкретного субъект «вынимает», «извлекает», «отнимает»

те или иные общие абстрактные признаки, руководствуясь при этом-де, чисто субъективной целью, и строит из этих признаков понятие. Существенность или несущественность извлекаемых признаков, по Шоттлендеру, всецело определяется целью субъекта познания, его «практическим» отношением к вещи. Говорить о существенном с точки зрения самого объекта, по Шоттлендеру, нельзя, не возвращаясь на позиции схоластической «квинтэссенции», «реальной сущности».

Абстрактное и конкретное тем самым оказываются метафизически распределенными между двумя разными мирами – миром «субъекта познания» и миром «объект познания». На этом, основании Шоттлендер вообще считает целесообразным снять вопрос об отношении абстрактного к конкретному как вопрос логики, исследующей мир субъекта.

Поскольку же речь идет о логике, он противопоставляет абстрактному не конкретное, а тут же выдумываемый им «субтрагендум», т.е. все то, что субъект, извлекающий абстракцию, сознательно или бессознательно оставляет и стороне, все неиспользованное им остальное богатство чувственно-созерцаемого образа вещи. А затем в духе современной семантической традиции считает целесообразным переименовать и абстрактное в «экстрагендум» (т.е. то, что извлечено и введено в состав понятия).

Глубокомысленный анализ приводит к столь же глубокомысленному выводу: поскольку полный синтез абстракций, соответствующий бесконечной полноте [27] чувственного образа, недостижим, постольку все философское оправдание любой абстракции («экстрагендума») может состоять лишь в указании на ту цель или ценность, во имя которой субъект познания ее извлек. Чувственно-интуитивно схватываемая полнота вещи, за вычетом «экстрагендума», называется «субтрагендумом». Последний держится субъектом познания «про запас», в резерве, на тот случай, когда в свете других целей, ценностей или устремлений «существенное» окажется именно там. Этим и исчерпывается концепция.

Изложение этой концепции сопровождается поклонами в сторону экзистенциалистов, как собратьев по уровню теоретизирования, и пренебрежительными замечаниями по адресу Гегеля, который-де «переоценил» конкретное в ущерб абстрактному и выражал логические идеи в неподходящей терминологии.

Этот пример показывает, насколько опустилась современная буржуазная мысль в области философии и логики по сравнению с началом XIX в. Проблему решают тем, что отрицают ее существование, подменяя ее другой, доморощенной и мелкой

проблемкой, отчасти психологического, отчасти морально-этического характера.

* * *

При постановке вопроса об отношении понятия к представлению следует, по-видимому, полностью учитывать то обстоятельство, что представление, как форма и ступень отражения объективной реальности в сознании человека, есть также абстракция, в образовании которой принимает участие множество факторов, – и прежде всего непосредственно-практический интерес, потребность человека и идеально выражающая ее цель.

Связь понятия – теоретической абстракции, выражающей объективное существо предмета, – с практикой гораздо шире, глубже и сложнее. В понятии предмет схватывается не с точки зрения частной, узкопрагматической цели, потребности, а с точки зрения практики человечества во всем всемирно-историческом ее объеме и развитии. Только эта точка зрения и совпадает в своей перспективе с рассмотрением предмета с точки зрения самого предмета. Только с этой позиции становятся различными объективно существенные определения предмета, – «то, [28] в чем предмет есть то, что он есть», иными словами, образуется абстракция понятия.

По-видимому, только в этой плоскости и следует искать критерий различения понятия от представления. [29]

1 Philosophisches Wörterbuch von *H. Schmidt*. Leipzig: A. Kroner-Verlag, 1934.

2 Kirchner-Michaels Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe. Leipzig: Verlag von P. Meiner, 1911.

3 Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Москва, Соцэкгиз, 1939, т. VI, с. 19.

4 Там же, т. XII, с. 95.

5 Там же, т. I, с. 271.

6 Там же, т. VI, с. 18.

7 Там же, с. 17-18.

8 Ленин В.И. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, с. 146.

9 Гегель Г.В.Ф. Сочинения, т. VI, с. 18.

10 Там же, т. XII, с. 111.

11 Ленин В.И. Философские тетради, с. 196.

12 Там же, с. 199.

13 *Мао Цзэдун*. Избранные произведения, т. 1. Москва, ИЛ, 1952, с. 510-511.

14 *Schottländer R.* Recht und Unrecht der Abstraktion. «Zeitschrift für philosophischen Forschung», Bd. VII, 1953.

Понятие «человек» и некоторые выводы из его анализа

Что такое человек? На первый взгляд вопрос кажется до смешного простым. Каждый из нас связывает с этим словом вполне отчетливое представление и на основе этого представления легко отличает человека от всякого другого существа или предмета. С точки зрения домарксистской логики это и означает, что каждый здравомыслящий индивид обладает «понятием» человека. Однако ни одно другое понятие не вызывало, пожалуй, таких ожесточенных споров между философами, как это.

Согласно метафизическому (антидиалектическому) взгляду это понятие, как и любое другое, определить нетрудно. Для этого следует отвлечь то общее, что одинаково свойственно каждому отдельному представителю человеческого рода и не свойственно никакому другому существу.

Попытка осуществить эту рекомендацию сталкивается, однако, сразу же с рядом трудностей, имеющих принципиально-философское значение. Оказывается, что прежде чем отвлекать такое общее, придется предварительно решить: какие из живых существ можно отнести к человеческому роду, а какие нет. Но здесь сразу же вступают в действие соображения далеко не формального характера, Аристотель, например, не принимал во внимание рабов, когда вырабатывал свое знаменитое определение человека, как «существа политического». Раба он относил в другой «род» а именно «орудий», хотя и «говорящих». Для Аристотеля, как идеолога своего класса только жизнедеятельность свободного горожанина была «подлинно человеческой».

Элементарный анализ понятия «человек» сразу же обнаруживает, что оно тысячами нитей связано с существованием и борьбой классов и их мировоззрений, с определенным пониманием гуманизма, которое нигде и никогда не бывало беспартийным, чисто академическим.

[29] Буржуазный строй, утверждая себя в борьбе против сословно-феодалного права, доказывал, свои преимущества тем что он, и только он, «соответствует подлинной природе человека», а

феодализм-де покоится на извращенных и ложных представлениях об этой природе. Идеологи современного империализма стараются доказать, что социализм несовместим с «естественными требованиями человеческой природы», и что эти требования удовлетворяются только в условиях «свободного предпринимательства», как дипломатически именуется в их книгах система наемного рабства трудящихся классов.

Недавно у нас издан перевод романа-памфлета прогрессивного французского писателя Веркора «Люди или животные?» 1. В этом романе в обостренно-обобщенной форме остроумно обрисованы типичные точки зрения на человека, сталкивающиеся в современном мире. Сюжет его таков. В джунглях тропического леса обнаружено сообщество странных существ. Согласно одним критериям, бытующим в современной науке, это человекообразные обезьяны, согласно другим – первобытные люди. Ясно одно – это своеобразная, ранее не наблюдавшаяся переходная форма от животного, биологического мира – к миру человеческому, социальному. Весь вопрос в том, перешагнули они ту трудно уловимую грань, которая отделяет человека от животного, или еще не успели?

Вопрос, казалось бы, чисто академический, могущий волновать лишь специалиста, биолога или антрополога. Но в наши дни нет и не может быть чисто академического вопроса. Тропи (так именуются вымышленные автором существа) очень скоро становятся предметом столкновения самых различных интересов, а потому и точек зрения. Абстрактно-теоретический вопрос: «Люди это или животные?», – требует определенного и вполне конкретного ответа. Герой романа сознательно умертвил одно из существ. Если тропи – люди, то он – убийца, подлежащий казни. Если это животные – состава преступления нет. Тот же вопрос мучает старого священника. Если тропи люди, он обязан спасать их души, подвергать обряду святого крещения. Но вдруг это [30] всего-навсего животные? В этом случае он рискует повторить святотатство святого Маэля, по слепоте своей крестившего пингвинов. Сюда же вмешивается могучий интерес промышленной компании, видящей в тропи идеал рабочего силы. Дрессированное животное, не знающее ни профсоюзов, ни классовой борьбы, ни потребностей, превышающих физиологические, – что может быть лучше с точки зрения капиталиста?

Компания на территории которой обнаружены тропи, старается доказать, что это – животные, составляющие ее частную собственность. Спор о природе тропи вовлекает в свою орбиту сотни людей, десятки теорий и доктрин, ширится и запутывается, перерастая в дискуссию о совсем иных вещах и ценностях. Герои романа вынуждены задуматься над критерием, на основе которого

можно было бы решить вопрос строго и однозначно. Оказывается, что это вовсе не так легко сделать, как могло показаться с первого взгляда.

Если отдать предпочтение одному «признаку человека», то тропи попадают в категорию людей, если другому – нет. Не помогает и обращение к совокупности таких признаков, ибо в этом случае вопрос встает о количестве таковых, и трудность остается той же самой. Увеличивая количество признаков «человека», вводя в их число такой, которым тропи не обладают, автоматически оставляют тропи за пределами человеческого рода. Сужая число признаков, оставляя лишь те, которыми обладают и ранее известные люди и тропи, получают определение, согласно которому тропи зачисляются в человеческую семью. Мысль попадает в безвыходный круг: чтобы определить природу тропи, нужно предварительно определить природу человека. Но определить человека нельзя, не решив заранее – следует учитывать тропи как разновидность «*homo sapiens*», или не следует?

Кроме того, спор сразу же разгорается и по поводу толкования каждого из признаков. Что понимать под мышлением? Что понимать под речью? Что понимать под трудом? И т.д. и т.п. В одном смысле этих понятий тропи обладают и речью и мышлением, в другом – нет. Иными словами, по поводу каждого из свойств человека начинается тот же самый спор, что и по поводу [31] самого «человека». Конца спорам не видно, они достигают сфер самых общих философских понятий, и здесь разгораются с новой силой и ожесточением.

Особенно острыми споры становятся, как только речь заходит в том, какой из способов жизнедеятельности следует считать «подлинно человеческим», какая организация жизни «соответствует природе человека» и в чем заключается эта «природа»?

Все попытки выяснить тот «общий и существенный признак», на основании которого можно было бы строго отличить человека от не-человека, вновь и вновь упираются в старинную трудность. Такой признак можно установить только в том случае, если предварительно прочерчена граница между человеком и его ближайшими животными предками; но как прочертить эту пограничную линию, не имея в голове того самого «общего признака», который нужно найти? Очень холодную воду нетрудно отличить от очень горячей; но как быть с теплой водой? Один камень не составляет кучи. Два – также. Сколько же камней требуется для кучи? Где тот рубеж, на котором лысеющий человек становится лысым? Существует ли тут вообще четкая граница? Не есть ли это просто условная, воображаемая линия, прочерченная лишь для удобства классификации? В таком случае, где она должна

пройти? «Она пройдет там, где ее захотят провести сильные мира сего», – убеждается герой романа. Действительно, субъективно-идеалистические учения (прагматизм, инструментализм и т.п.) в этом решающем пункте передают решение на суд «сильных мира сего». Голос сильных мира сего и превращается в критерий истины; все ставится в зависимость от их произвола и капризов. «Все несчастья на земле происходят оттого, что люди до сих пор не уяснили себе, что такое человек и не договорились между собой, каким они хотят его видеть», – философствует главный герой романа.

Убедившись на практике, что общий и существенный признак человека найти не так легко, как это могло казаться сначала, герои романа вынуждены искать решения в философских и социологических концепциях. Но где критерий истинности этих последних? И опять все начинается с самого начала. Веркор и его герои [32] знакомы с марксистским ответом на вопрос. Но этот ответ кажется им «односторонним». Веркору кажется, что понимание, исходящее «из реальных отношений людей в процессе материального производства», игнорирует «другие формы человеческой солидарности», и прежде всего – «ритуальную философию»: «на свете существует немало племен, чья человеческая солидарность строится не на материальном производстве, а на охоте, войнах или на фетишистских обрядах»; «сильнейшими узами, связывающими сейчас 300 миллионов индийцев, является не их отсталое сельское хозяйство, а ритуальная философия». Герои романа и колеблются, по воле автора, между марксистским и идеалистически-христианским определением общего и существенного признака человеческого существа, не решаясь принять ни то, ни другое. Они стараются найти третье, такое, в котором были бы примирены и диалектический материализм, и христианство.

«Каждый человек – прежде всего человек, а уж потом последователь Платона, Христа или Маркса», – пишет Веркор в послесловии к русскому переводу. «По-моему, в настоящий момент гораздо важнее показать, как, исходя из такого критерия, могут найтись точки соприкосновения между марксизмом и христианством, нежели подчеркивать их расхождения». Сущность человека, как такового, независимо от идеологических расхождений, не заключается в приверженности к той или другой доктрине. Но в чем же она заключается? В том, что «человек есть прежде всего... человек». Вот и весь ответ, который Веркор оказался в силах противопоставить «одностороннему» взгляду диалектического материализма. Но ведь такой «ответ» возвратил нас опять к исходному пункту, – к простому названию, не наполненному никаким определенным содержанием. Чтобы

сдвинуться с тавтологии, придется опять начинать все рассуждения сначала.

Позиция, ярко и остроумно обрисованная Веркором, очень хорошо выражает умонастроения той части западной интеллигенции, которая мучительно размышляет над жгучими проблемами современности, но еще не решила для себя вопрос: где пути спасения высоких идеалов гуманизма? Она ясно видит, что капитализм органически [33] враждебен этим идеалам. Но и к коммунизму она примкнуть еще не решается, опасаясь утратить в нем «независимость суждения», мнимые «привилегии мыслящей части человечества». И пока она мучительно колеблется между этими двумя реальными полюсами современного мира, любой несложный теоретический вопрос разрастается в запутаннейшую и совершенно не разрешимую проблему, а попытки решить его с помощью самых изощренных средств формальной логики приводят в итоге к тавтологии: $A = A$, человек есть неловек. Ни к чему другому и не могут принести поиски определения «человека» на пути отыскания того абстрактно-одинакового признака, которым обладает каждый отдельный представитель современного человечества. Логика, исходящая из подобной аксиомы, абсолютно бессильна, здесь что-нибудь сделать. Сущность человека, которую и должно выразить всеобщее определение, ни в коем случае не есть «абстракт присущий каждому индивиду», не есть то одинаковое, чем обладает каждый порознь рассмотренный единичный представитель рода человеческого. На этом пути всеобщего определения «человека» получить нельзя. Здесь требуется другая логика, логика, базирующаяся на диалектико-материалистическом понимании отношения между всеобщим и единичным.

В ряду же абстрактно-общих каждому индивидууму признаков эту сущность обнаружить невозможно. Здесь всеобщее не обнаружишь, сколько ни ищи. Поиски на этом пути бесплодны и в том случае, если они производятся с помощью самой изощренной логики. Блестящей иллюстрацией этого может служить книга американского философа Густава Е. Мюллера «Диалектика» 2. Судя по всему, ее автор кое-чему научился у Гегеля. Он усвоил даже гегелевские положения о взаимопроникновении противоположностей, о роли противоречия в развитии научных тезисов, об отношении сознания к самосознанию и многое другое. Но вся эта формально-диалектическая эрудиция работает у него вхолостую и приводит к совершенно пустому результату.

«Человек не может понять, что такое человек, не отождествив человека с самим собой; однако человек [34] равным образом не может иметь опыта о человеке, если он не может отличить себя от того опыта, который он имеет о себе 3. Ряды «отождествлений» и «различений», которые человек Мюллера производит в самом себе по

всем правилам формально-диалектических схем, приводят его к столь невразумительным и запутанным конструкциям, что разобраться в них не может и сам их творец. Итог этой псевдодиалектической логики таков: человек есть существо настолько сложное и противоречивое, что чем больше его исследуешь, тем меньше надежды понять, что он такое. Единственный «общий признак», который Мюллеру удастся выявить в «сложном комплексе» взаимодействующих индивидуумов, состоит, как оказывается в результате, в «способности к размышлению» и в «любви к размышлению». «В этой силе размышления и состоит подлинная человечность. И чем лучше эта личность познает себя, тем более сомнительной и неопределенной она самой себе кажется. Схватить в этом сомнительном абсолютное – это и есть то, что Платон назвал Эросом или любовью. Истинное Я человека есть любовь» 4.

Трудно усмотреть в этом выводе «силу размышления». Бессилия тут гораздо больше. Сущность человека здесь, конечно, не при чем. Здесь высказана только сущность философа, питающего любовь к размышлению о том, как он размышляет. Трудно и бесполезно упрекать в этом самого Мюллера. В бессилии его мысли повинны прежде всего те условия, которые создают такую односторонне-абстрактную психологию – психологию интеллигента, совершенно оторванного от реальной жизни и борьбы масс, психологию человека, размышляющего лишь о том, как он размышляет. И если Мюллер в таком размышлении о размышлении видит «подлинную человечность», то это можно понять: надо же ему хоть чем-то себя утешить. Однако действительное – трудящееся и борющееся – человечество вряд ли согласится, чтобы его сущность отождествили с личностью философа-персоналиста, предающего наедине с самим собой любви к бессильному размышлению и размышлению об этой бессильной любви.

[35] Сущность современного человечества, а тем самым и всеобщее определение «человека» – это, конечно, предмет, достойный самого пристального внимания философа. Необходимым условием правильного подхода к этой проблеме является прежде всего ясная мировоззренческая позиция. Но и логика здесь требуется более совершенная, нежели та, которая видит путь решения в отыскании «общего и существенного признака», свойственного каждому порознь взятому, единичному представителю, современного человечества, и сводит всеобщее просто к одинаковому. Такая логика не может привести ни к чему, кроме плоских тавтологий. К тому же абстрактный лозунг – «отыскивай общее – обретешь познание сущности» – оставляет полный простор для произвола и субъективизма при отграничении того круга фактов, от которых отвлекается это общее.

Все это говорит о том, насколько органична связь логики и мировоззрения, операций обобщения и определенной партийной позиции в жизни и в философии. Самая разработанная система формальных правил обобщения не обеспечит истинного обобщения, если она не сочетается с ясным и передовым мировоззренческим принципом.

Но не менее верно и другое. Передовое мировоззрение невозможно механически сочетать с такой логикой, которая возводит в добродетель свою нейтральность по отношению к любому мировоззрению и ограничивается разработкой таких абстрактных правил, которые можно использовать и так и сяк, в зависимости от иррационально-эмоционального пристрастия к тому или иному мировоззрению.

Марксистско-ленинское мировоззрение покоится не на этических постулатах, а на научно разработанном понимании фактов. Оно насквозь логично. Но и логика, с помощью которой это мировоззрение разработано, также включает внутри себя, в своих собственных положениях, а не где-то вне себя, определенный мировоззренческий принцип. Самая горячая эмоциональная приверженность к рабочему классу и идеалам коммунизма не спасет теоретика, если он будет пользоваться все той же старинной, претендующей на «беспартийность», чисто формальной логикой. К верным [36] выводам и обобщениям такой теоретик никогда не придет. Покажем это на простом примере – на том же всеобщем определении «человека».

В тезисах о Фейербахе Маркс противопоставил свое, диалектико-материалистическое понимание сущности человека – всем прежним попыткам определить эту пресловутую сущность в следующих словах: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» 5. Здесь выражена не только мировоззренческая, социологическая истина, но и глубокая логическая установка, принцип, одно из важнейших положений диалектической логики. Это положение, как нетрудно заметить, предполагает совершенно иное понимание категорий абстрактного, конкретного, общего и единичного, нежели то, которое лежало в основе старой, недиалектической логики. В переводе на язык логики это положение значит: всеобщие определения, выражающие сущность рода, бесполезно искать на пути абстрактного выделения того одинакового признака, которым обладает каждый единичный представитель этого рода.

В ряду «абстрактов» выражение сущности рода не найдешь, сколько ни ищи, ибо она вовсе не в этом ряду заключена.

Сущность человеческой природы вообще, а тем самым и действительную общечеловеческую природу каждого человека, можно выявить только через совершенно конкретное исследование «всей совокупности общественных отношений», через конкретный анализ тех закономерностей, по которым протекает процесс рождения и развития как человеческого общества в целом, так и развитие каждого человеческого индивидуума.

Человеческое общество – это типичнейший случай конкретной общности, а отношение человеческого индивидуума к обществу – характерный случай отношения единичного ко всеобщему. Диалектический характер этого отношения выступает здесь предельно ярко и остро, а вопрос об отношении абстрактного к конкретному тесно переплетается с вопросом об отношении всеобщего к особенному и отдельному. [37]

1 Веркор. Люди или животные? Москва, ИЛ, 1957.

2 Mueller G.E. Dialectics. New York, 1953.

3 Ibid., p. 214.

4 Ibid., p. 230.

5 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 3.

Конкретное и диалектика общего и единичного

Поиски сущности человека на пути идеального уравнивания людей в понятии рода предполагают метафизическое понимание отношения общего к единичному.

Для метафизика конкретно только единичное – единичная чувственно-воспринимаемая вещь, предмет, явление, событие, отдельный человеческий индивид и пр. Абстрактное для них – умственное отвлечение, которому в реальности соответствует сходство многих (или всех), единичных вещей, явлений, людей.

Согласно этой позиции, общее в действительности существует только в виде сходства многих единичных вещей, только в качестве одной из сторон конкретной единичной вещи, а отдельно от единичной вещи, как таковое, осуществляется только в голове человека, только в виде слова, в виде смысла и значения термина.

На первый взгляд эта точка зрения на отношение общего и единичного кажется единственно материалистической и здоровой. Но только на первый взгляд. Дело в том, что эта позиция полностью

игнорирует самой своей постановкой вопроса диалектику общего и единичного в самих вещах, в действительности, вне головы

Это нагляднее всего можно показать на примере противоположности между фейербаховским и марксистско-ленинским пониманием той же сущности человека. Остро критикуя Гегеля за идеализм, за понимание «чистого мышления» как сущности человека, Фейербах оказался не в силах противопоставить ему понимания той диалектики, которая заключена в отношениях человека к человеку и человека к природе, в материальном производстве жизни общества.

Поэтому они в социологии и в теории познания остаются на точке зрения абстрактного индивида, вопреки его собственным утверждениям о том, что его точкой зрения является «конкретный», «реальный», «действительный» человек. «Конкретным» этот человек оказался лишь в воображении Фейербаха. Действительной конкретности человека он так и не рассмотрел. И это, кроме всего прочего, означает, что сами термины «конкретное» и «абстрактное» Фейербах употребляет в противоположном смысле [38] по сравнению с их подлинным философским смыслом: то, что он называет конкретным, есть на самом деле, как это блестяще показали Маркс и Энгельс, крайне *абстрактное*, и наоборот.

Фейербах именует конкретным совокупность чувственно-воспринимаемых качеств, присущих каждому индивиду и общих для всех индивидов. На основе этих качеств он строит свое представление о человеке. С точки же зрения диалектики, с точки зрения Маркса и Энгельса, это и есть самое абстрактное изображение человека.

Маркс и Энгельс впервые показали, с точки зрения материализма, в чем заключается подлинная конкретность человеческого существования, что представляет собой объективная реальность, к которой философия вправе применять термин конкретное в полном его значении.

Конкретная сущность человека была усмотрена ими не в ряду общих каждому индивиду свойств, а в совокупном, процессе общественной жизни и в законах ее развития. Вопрос о конкретной природе человека ставится и решается ими как вопрос о развитии системы общественных отношений человека к человеку и человека к природе. Всеобщая (общественно-конкретная) система взаимодействия людей и вещей и выступает по отношению к отдельному индивиду как его собственная, вне и независимо от него сложившаяся человеческая действительность.

Природа как таковая не создает ровно ничего «человеческого». Человек со всеми его специфически-человеческими чертами есть от начала до конца результат и продукт его собственного труда. Даже прямая походка, которая на первый взгляд кажется «естественной», анатомически-прирожденной особенностью человека, на самом деле есть результат воспитания ребенка внутри сложившегося общества: ребенок, изолированный от общества, на манер Маугли (а такие случаи бывали не раз), предпочитает бегать на четвереньках, и отучить его от этого стоит немалых трудов.

Иными словами, только те черты, свойства, особенности индивида, которые в конечном счете есть продукты общественного труда, относятся к числу специфически-человеческих. Конечно, анатомо-физиологические предпосылки задает тут матушка-природа. Однако та [39] специфически-человеческая форма, которую они имеют в результате, есть продукт труда, и только из него может быть понята, «выведена». И наоборот, все те особенности человека, которые не есть продукт труда, не относятся и к числу особенностей, выражающих сущность человека (например – мягкая мочка уха, хотя она и представляет собой «специфический признак», свойственный каждому человеку и не свойственный никакому другому живому существу).

Индивидуум, пробуждаясь к человеческой жизнедеятельности, то есть превращаясь из природно-биологического существа в социальное, вынужден усваивать путем образования все формы этой деятельности. Биологически ни одна из них не наследуется. Наследуется только физиологическая возможность их усваивать. Вначале они противостоят ему как нечто вне и независимо от него существующее, как нечто всецело объективное, как объект усвоения, подражания. В ходе образования эти формы общественно-человеческой жизнедеятельности превращаются в личное, индивидуальное, субъективное достояние и фиксируются даже физиологически: взрослому человеку уже не удастся ходить на четвереньках, если он даже захочет, и вовсе не потому, что его за это подняли бы на смех; сырое мясо вызывает у него тошноту.

Иными словами, все те особенности, совокупность которых составляет пресловутую сущность человека, суть результаты и продукты (в конечном счете, разумеется) общественно-человеческой, трудовой жизнедеятельности. Человек обязан ими не природе как таковой, – еще меньше – сверхъестественной силе, называют ли ее богом или как-нибудь иначе (идеей, например). Он обязан ими только самому себе, труду всех предшествующих поколений. В еще большей степени, чем к прямой походке, относится это к более сложным формам человеческой жизнедеятельности, как чувственно-предметной (материальной), так и духовной.

Исторически развитая культура человечества для современного индивидуума выступает как нечто первичное и определяющее по отношению к его индивидуально-человеческой жизнедеятельности. Поэтому с научной (материалистической) точки зрения индивидуума, человеческую личность следует рассматривать как единичное [40] воплощение всеобщей человеческой культуры, как материальной, так и духовной. Естественно, что в индивидууме эта культура осуществляется всегда более или менее односторонне, неполно. В какой мере индивидуум сможет превратить богатство культуры в свое личное достояние, зависит не только от него; в гораздо большей степени это зависит от общества, от собственного обществу способа разделения труда.

Действительно усвоить ту или иную область культуры, ту или иную форму человеческой жизнедеятельности – значит овладеть ею настолько, чтобы самостоятельно, индивидуально, творчески развивать ее дальше. Путем лишь пассивного восприятия ничего усвоить нельзя – это все равно, что писать вилами по воде. Усвоение без активного, деятельного упражнения не приводит к результату. Поэтому-то форма усвоения всеобще-человеческой культуры индивидуумом определяется формой разделения труда. Конечно, односторонность односторонности разна. И главной заслугой Маркса и Энгельса в плане решения этой проблемы было то что они тщательно и конкретно исследовали противоречия буржуазного разделения труда.

Классово-антагонистическое разделение труда превращает каждого индивида в крайне одностороннего человека, в «частичного» человека. Оно развивает в нем одни способности за счет того, что устраняет возможность развития других. Одна способность развивается в одних индивидах, другая – в других, и именно эта односторонность развития связывает индивидов друг с другом как людей, оказываясь той формой, в которой совершается всеобщее развитие.

Конкретная полнота общечеловеческого развития осуществляется здесь именно за счет полноты личностного, индивидуального развития, за счет того, что каждый индивид, взятый отдельно, оказывается ущербным, односторонним, т.е. абстрактным человеком.

И если Фейербах такого объективно-абстрактного индивида считал «конкретным» человеком, то в этом заключалась не только ограниченность буржуазного теоретика, идеологическая иллюзия, скрывающая подлинное положение дел, но и логическая слабость его позиции. Чтобы составить конкретное представление о [41] сущности человека, о человеке как таковом, Фейербах абстрагировался от всех реальных различий, развитых историей, он

искал то общее, что одинаково свойственно портному и живописцу, слесарю и конторщику, хлеборобу и священнослужителю, наемному рабочему и предпринимателю. В ряду свойств одинаково общих для индивида любого класса и любой профессии, он и старался обнаружить сущность человека, подлинную, конкретную природу человеческого существа. Он абстрагировался как раз от всего того, что на деле и составляло *реальную сущность* человечества, развивающуюся через противоположности, как совокупность взаимообуславливающих способов человеческой жизнедеятельности.

Согласно логике Маркса и Энгельса, конкретное теоретическое представление о человеке, конкретное выражение сущности человека может быть образовано совсем обратным путем, путем рассмотрения как раз тех различий и противоположностей – классовых, профессиональных и индивидуальных, – от которых Фейербах отворачивает взор. Сущность человека реальна только как развитая и расчлененная система способностей, как сложная система разделения труда, образующая в соответствии со своими потребностями и индивидов – математиков, плотников, ткачей, философов, наемных рабочих, предпринимателей, банкиров, лакеев и т.п.

Иначе говоря, теоретическое определение сущности человека может состоять единственно в раскрытии той необходимости, которая рождает и развивает все многообразные проявления и способы общественной человеческой жизнедеятельности.

Если говорить о наиболее общей характеристике этой системы, о «всеобщей дефиниции» человеческой природы, то эта характеристика должна выражать реальную, объективно всеобщую основу, на которой разрастается с необходимостью все богатство человеческой культуры. Человек, как известно, обособляется от животного мира тогда, когда он начинает трудиться при помощи им же самим созданных орудий труда. Производство орудий труда и есть первая (и по существу и по времени, и логически и исторически) форма человеческой жизнедеятельности, человеческого существования.

Так что реально-всеобщая основа всего человеческого [42] в человеке есть производство орудий производства. Именно из нее, как ее следствия, развились все остальные многообразные качества человеческого существа, включая сознание и волю, речь и мышление, прямую походку и все остальное.

Если же попытаться дать всеобщее определение человека вообще, краткую дефиницию понятия, то оно будет звучать так: «человек есть существо, производящее орудия труда». Это и будет

характерным примером конкретно-всеобщего определения, понятия.

Это определение, с точки зрения старой логики, недозволительно «конкретно», для того, чтобы быть всеобщим. Ведь под него никак не подведешь посредством простой формальной абстракции, с помощью силлогистической фигуры таких несомненных представителей человеческого рода, как Моцарт или Рафаэль, Пушкин или Аристотель.

С другой стороны, определение человека как «существа, производящего орудия труда», будет квалифицировано старой логикой не как всеобщее, а как сугубо особенное определение человека, будет признано за определение совершенно особого вида, класса, профессии людей, – рабочих машиностроительных заводов или мастерских и только.

В чем тут дело? А дело в том, что логика Маркса, на основе которой выработано это конкретно-всеобщее определение, основывается на ином представлении о соотношении всеобщего, особенного и индивидуального (единичного, отдельного), нежели логика недиалектическая.

Производство орудий труда, орудий производства есть, действительно, реальная и поэтому вполне особенная форма человеческого существования. Но это не мешает ему одновременно быть столь же реальной *всеобщей* основой всего остального человеческого развития, всеобщей генетической основой всего человеческого в человеке.

Производство орудий труда как первая всеобщая форма человеческой жизнедеятельности, как объективная основа всех без исключения остальных человеческих особенностей, как простейшая, элементарная форма человеческого бытия человека – вот что выражается в виде всеобщего понятия сущности человека в системе Маркса и Энгельса. Но, будучи объективно всеобщей основой всей сложнейшей общественной реальности человека, производство [43] орудий труда и тысячи лет назад и ныне, и впредь одновременно является совершенно *особой* формой жизнедеятельности человека и реально совершается в виде непосредственно единичных актов деятельности единичных людей. Анализ общественного акта производства орудий труда должен вскрыть внутренние противоречия этого акта, характер их развития, в результате которого рождаются такие способности человека, как речь, воля, мышление, художественное чувство, – а далее – и классовое расслоение коллектива, возникновение права, политики, искусства, философии, государства и т.д. и т.п.

В данном понимании *всеобщее* не противостоит метафизически *особенному и единичному*, как умственное отвлечение чувственно данной полноте явлений, а противостоит, как реальное *единство* всеобщего, особенного, единичного, как объективный факт – другим столь же объективным фактам внутри одной и той же конкретной исторически развивающейся системы, в данном случае – общественно-исторической реальности человека.

В этом случае проблема отношения всеобщего к единичному предстает не только и не столько как проблема отношения умственного отвлечения к чувственно-данной объективной реальности, сколько как проблема отношения чувственно-данных фактов к чувственно же данным фактам, как *внутреннее отношение предмета к самому себе*, различных его сторон друг к другу, как проблема внутреннего различения предметной конкретности в ней самой. А уже на этой основе и вследствие этого – и как проблема отношения между понятиями, выражающими в своей связи объективную расчлененную конкретность.

Для того чтобы определить, правильно или неправильно отвлечено *абстрактно-всеобщее*, следует посмотреть, подводится или не подводится под него непосредственно, путем простой формальной абстракции, каждый без изъятия особенный и единичный факт. Если не подводится, значит мы ошибочно считаем данное представление всеобщим.

По-иному обстоит дело с отношением *конкретно-всеобщего* понятия к чувственно данному богатству особенных и единичных фактов. Для того чтобы выяснить, всеобщее или не всеобщее определение предмета нам удалось выявить с помощью данного понятия, надо [44] произвести более сложный и содержательный анализ. В этом случае следует задаться вопросом: представляет ли собой то особенное явление, которое непосредственно в нем выражено, одновременно и всеобщую генетическую основу, из развития которой могут быть поняты в их необходимости все другие такие же особенные явления данной конкретной системы.

Представляет собой акт производства орудий труда такую общественную реальность, из которой могут быть *выведены в их необходимости* все остальные человеческие особенности, – или не представляет? От ответа на этот вопрос зависит логическая характеристика понятия как всеобщего или как не всеобщего. Конкретный анализ понятия *по содержанию* в данном случае дает утвердительный ответ.

Анализ этого же понятия с точки зрения абстрактно-рассудочной логики дает ответ отрицательный. Под это понятие не подводится непосредственно подавляющее количество несомненных

единичных представителей человеческого рода. Это понятие с точки зрения старой недиалектической логики чересчур «конкретно» для того, чтобы быть оправданным в качестве всеобщего. С точки зрения же логики Маркса данное понятие есть подлинное всеобщее понятие именно потому, что оно непосредственно отражает ту фактическую объективную основу всех остальных особенностей человека, из которой они реально, фактически, исторически развились, конкретную всеобщую основу всего человеческого.

Иными словами, вопрос о всеобщности понятия переносится в иную плоскость, в сферу исследования реального *процесса развития*. Точка зрения развития становится тем самым и точкой зрения логики. С точкой зрения развития и связано положение материалистической диалектики о том, что понятие должно отражать не абстрактно-всеобщее, а такое всеобщее, которое, согласно меткой формуле Ленина, «воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного», представляет собой *конкретное всеобщее*.

Указанное богатство особенного и отдельного воплощает в себе, разумеется, не *понятие* как таковое, а та объективная реальность, которая в нем отражена, та особая (и даже единичная) чувственно-данная реальность, [45] характеристики которой отвлекаются в виде определений всеобщего понятия.

Так, не понятие человека как существа, производящего орудия труда, включает в себе понятия всех остальных особенностей человека, а реальный факт производства орудий труда включает в себе необходимость их возникновения и развития. Так, не понятие товара, не понятие стоимости включает в себе все богатство остальных теоретических определений капитализма, а реальная товарная форма связи между производителями есть зародыш, из которого с необходимостью развивается все «богатство», включая нищету класса наемных рабочих. Именно поэтому Маркс и смог обнаружить в анализе простого товарного обмена, как фактического, находящегося перед глазами, наглядно созерцаемого отношения между людьми, «все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества» (Ленин).

В понятии товара ничего подобного, естественно, обнаружить нельзя. Маркс сам был вынужден подчеркивать в полемике с буржуазными критиками «Капитала» то обстоятельство, что в первых разделах его книги подвергается анализу вовсе не понятие товара, а «простейшая экономическая конкретность», именуемая товарным отношением, – реальный, чувственно-созерцаемый факт, а не абстракция, существующая в голове.

Всеобщность категории стоимости есть поэтому характеристика не только и не столько понятия, умственного отвлечения, сколько и прежде всего – *той объективной роли*, которую играет товарная форма в процессе становления капитализма. И лишь вследствие этого всеобщность оказывается и логической характеристикой понятия, выражающего эту реальность и ее роль в составе исследуемого целого.

Слово «стоимость» и соответствующее этому слову довольно определенное представление не создано ни Петти, ни Смитом, ни Рикардо. Стоимостью любой купец того времени называл все то, что можно купить, продать, обменять, все то, что *стоит* чего-то. И если бы теоретики политической экономии, на самом деле пытались выработать понятие на пути отвлечения того общего, которым обладает любой из тех предметов, которые ходячее словоупотребление давно именovalo словом «стоимость», то [46] *понятия* они, конечно, не создали бы. Они просто раскрыли бы смысла слова «стоимость», притом тот самый смысл, который ему придает любой купец. Они просто перечислили бы признаки тех явлений, к которым применимо слово «стоимость». Все свелось бы к выяснению границ применимости слова, наименования, к анализу смысла наименования.

Все дело, однако, в том, что они поставили этот вопрос совершенно иначе, поставили так, что ответ на него оказался *понятием*. Маркс ясно показал действительное существо такой постановки вопроса. Классики, политической экономии, начиная с Петти, вовсе не занимались отвлечением абстрактов от всех тех единичных случаев, наблюдаемых на поверхности товарно-капиталистического обращения, которые ходячее словоупотребление именovalo случаями движения «стоимостей». Они прямо и непосредственно поставили вопрос о *реальном источнике* стоимостных свойств вещей, о *субстанции* стоимости.

И главная заслуга их состояла именно, в том, что они пытались реально разрешить вопрос о субстанции стоимости на основе рассмотрения явлений простого товарного обмена. Благодаря этому они и увидели субстанцию стоимости в общественном труде. Вырабатывая понятие стоимости, они на деле пристально рассматривали обмен одного товара на другой и пытались понять, почему, на какой объективной основе, внутри какой конкретной субстанции происходит реальное приравнивание одной вещи к другой. Иными словами, они, не осознавая четко логического смысла своих операций, на деле рассматривали один, вполне специфичный, особенный, случай движения стоимостей, а именно *факт простого товарного обмена*. Анализ этого – особенного – случая и дал в результате понятие стоимости.

Первый английский экономист, Вильям Петти, добывает понятие стоимости таким рассуждением: «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с *такой же затратой времени*, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго» 1. [47]

Заметим, что и в этом рассуждении вообще нет слова «стоимость» – речь идет о «естественной цене». Но здесь совершается именно рождение *понятия стоимости*, как воплощения в товаре общественно-необходимого количества рабочего времени.

Понятие, поскольку это действительное понятие, а не просто выраженное в термине общее представление, всегда выражает не абстрактно-общее, а *конкретно-общее*, т.е. отражает такую реальность, которая, будучи вполне особенным явлением – «особенным» в ряду других «особенных», – одновременно является и подлинно всеобщим, конкретно-всеобщим элементом, «клеточкой» всех остальных особенных явлений.

Классики буржуазной политической экономии стихийно нащупали этот верный путь определения стоимости. Однако они сами хорошенько не понимали подлинного значения такого хода мысли. Философия Локка, на которую они сознательно ориентировались в своем мышлении, не давала им ключа к проблеме определения всеобщих понятий. Это привело их к ряду парадоксов, весьма поучительных с точки зрения логики, к ряду принципиальных трудностей, подлинный смысл которых осветил лишь анализ Маркса.

Кардинальное отличие марксовского анализа стоимости как всеобщего основания всех остальных категорий товарно-капиталистической экономики от того анализа, до которого смогла дойти буржуазная политическая экономия, заключается как раз в том, что Маркс образовал научные определения «стоимости вообще», «стоимости как таковой», на основе конкретного рассмотрения прямого, безденежного обмена, одного товара на другой. При этом Маркс строго абстрагировался от всех других, развитых на его основе видов стоимости (от прибавочной стоимости, от прибыли, от ренты, от процента и т.д.). Основную ошибку Рикардо Маркс видел как раз в том, что тот при рассмотрении «стоимости как таковой» не может «забыть прибыли», и поэтому его абстракция оказывается неполной, недостаточной, – «формальной».

В определения «стоимости вообще» у Маркса входят лишь те определения, которые выявлены путем анализа одного вида

стоимости, и именно того, который и логически, и исторически (т.е. и по существу дела, и во [48] времени) оказывается простейшим, первоначальным. Его анализ и дает в качестве своего продукта подлинно всеобщие определения стоимости вообще, такие определения, которые имеют значение конкретно-всеобщих определений и по отношению к деньгам, и по отношению к прибыли. Иными словами, это и есть конкретно-всеобщие определения всех остальных особенных видов проявления стоимости.

Это и есть ярчайший пример конкретно-всеобщего понятия. Оно выражает в своих определениях то действительное, реальное (а не формальное) общее, которое составляет простую, «родовую» сущность всех других особенных категорий. Эти подлинно-всеобщие, определения воспроизводятся далее и в деньгах, и в прибыли, и в ренте, составляют определения, общие всем этим категориям. Но выявить эти определения путем простой формальной абстракции от особенностей товара, и денег, и прибыли, и ренты, как показывает Маркс, – никогда не удалось бы.

Всеобщие определения стоимости непосредственно совпадают в «Капитале» с теоретическим выражением особенностей простого, товарного обмена, законов, выражающих эти особенности. Это происходит потому, что особенность простой товарной формы как раз и заключается в том, что она составляет подлинно всеобщее основание всей системы, ее «простую клеточку», первую реальную форму проявления «стоимости вообще».

Рассматривая этот особенный случай, Маркс и выявляет в нем, посредством его анализа, посредством «силы абстракции», всеобщие определения стоимости. Анализ обмена холста на сюртук – на первый взгляд единичного случая дает, в качестве вывода вовсе не единичные определения, а всеобщие. Сразу видно, что такое возведение единичного во всеобщее коренным образом отличается от простого акта формальной абстракции. Здесь вовсе не отбрасываются, как нечто несущественное, особенности простой товарной формы, отличающие ее от прибыли, ренты и других видов стоимости. Как раз наоборот: теоретический анализ этих особенностей и ведет к образованию всеобщего понятия. Это и есть диалектический путь возведения единичного во всеобщее.

Старая же, недиалектическая логика порекомендовала [49] бы в данном случае другой путь. Определения «стоимости вообще», согласно ее принципам, следовало бы образовать путем абстракции от особенностей всех видов стоимости, в том числе и простого товарного обмена, путем выделения того одинакового, что товар имеет вместе с прибылью, рентой, процентом и пр. Особенности

товарной формы стоимости были бы опущены как «несущественные». Общее было бы взято отдельно от особенного.

У Маркса же реализуется совсем другое понимание. Если всеобщее в действительности существует только через особенное и единичное, то выявить его можно только через детальнейший анализ особенного, а не актом абстрагирования от него. Всеобщее и есть теоретическое выражение особенного и единичного, закона их существования. Реальность всеобщего в природе – это закон существования особенного и единичного, а не просто формальное сходство явлений в том или ином отношении, служащее основанием для зачисления их в один класс. Именно диалектика Маркса и позволяет вскрыть действительное, реальное общее содержание и товарной формы, и денег, и прибыли и всех остальных категорий. Акту же простой формальной абстракции это общее выявить не по силам. Последний годен там, где речь идет о первоначальной классификации явлений. Тем же, где на повестку дня встает более серьезная задача – задача выработки всеобщих объективных теоретических определений, понятий, – он оказывается недостаточным, более того, применяется не по назначению, и не может решить задачу. Здесь требуется более глубокий метод. Показательно, что Гегель, вплотную подходя к верному диалектическому пониманию проблемы конкретно-всеобщего, в решающем пункте изменяет диалектике, и именно вследствие идеализма своей концепции.

Поясняя свое понимание диалектики всеобщего, и особенного, Гегель комментирует известное рассуждение Аристотеля о геометрических фигурах. Согласно Аристотелю, «только треугольник и другие определенные фигуры, как, например, квадрат, параллелограмм и т.д., представляют собой нечто действительное, ибо общее в них, всеобщая фигура (т.е. «фигура вообще». – Э.И.), есть пустое создание мысли, есть лишь абстракция. [50] Напротив, треугольник есть первая фигура, истинно всеобщее, которое встречается также и в четырехугольнике и т.д., как сведенная к простейшей определенности фигура. Таким образом, с одной стороны, треугольник стоит наряду с квадратом, пятиугольником и т.д., но, с другой стороны, – в этом сказывается великий ум Аристотеля – он есть подлинно всеобщая фигура» 2.

На первый взгляд, Гегель усматривает главное отличие конкретно-всеобщего понятия от пустого отвлечения в том, что оно имеет непосредственно предметный смысл и выражает некоторую эмпирически-данную конкретность. Однако сам Гегель не раз предупреждал, что отношение между всеобщим, особенным и единичным ни коем случае нельзя уподоблять математическим (в том числе и геометрическим) образам и их отношениям. Эти

последние, согласно его разъяснению, представляют собой лишь известную аллгорию понятия: они слишком «обременены чувственностью». Подлинное же всеобщее, которое он толкует исключительно как понятие, следует-де мыслить совершенно очищенным от «чувственной материи», от «вещества чувственности». С этой точки зрения он и упрекал материалистов за то, что их интерпретация всеобщего по существу ликвидирует всеобщее, превращает его в «особенное в ряду других особенных», в выражение некоторой «конечной», «ограниченной» действительности.

Всеобщее как таковое, как такое всеобщее, которое включает в себе богатство особого и отдельного, существует», по Гегелю, только как понятие, только в эфире чистой мысли, и ни в коем случае не в сфере «внешней действительности». В последней существуют только «особенные отчуждения всеобщего». Поэтому-то, собственно, Гегель и считал, что материализм как философия невозможен (ибо философия есть наука о всеобщем, а всеобщее есть мысль, и только мысль).

По этой же причине для гегелевской логики определение человека как существа, производящего орудия труда, так же неприемлемо в качестве всеобщего определения, как и для предшествующей ей логики. С точки [51] зрения Гегеля это также лишь особенное определение человека, особенная форма обнаружения его всеобщей «мыслящей» природы.

Идеалистическое понимание всеобщего, его толкование исключительно как понятия, прямо приводит Гегеля к тому же самому результату, что и метафизическое понимание. И если гегелевскую логику в ее первозданном догматическом виде применить к анализу «Капитала» Маркса, то весь ход мысли Маркса показался бы неправильным. Согласно Гегелю, определения стоимости нельзя получать так, как их получил Маркс. Гегелевский адепт сказал бы про первые разделы «Капитала», что здесь за всеобщие определения стоимости приняты определения одной особенной формы стоимости, что это не всеобщие определения. Всеобщие же определения стоимости он порекомендовал бы «выводить» из определения разумной воли (так они и выводятся Гегелем в «Философии государственного права»).

Все это говорит о том, что гегелевская логика, несмотря на все свои преимущества перед старой, метафизической логикой, не может быть взята на вооружение материализмом без коренной критической переработки, без радикального устранения всех следов идеализма. Категория стоимости у Маркса принципиально отличается как от простой формальной абстракции, так и от гегелевского «чистого понятия», Она явно «обременена

чувственностью» и выступает как теоретическое выражение особенного. Стоимость, как говорит Маркс, имеет «чувственно-сверхчувственный» характер, чего с гегелевской точки зрения никак не должно быть. Более того, простая (всеобщая) форма стоимости, как подчеркивает Маркс, отнюдь не всегда и не с самого начала была всеобщей формой экономических отношений. В такую всеобщую форму ее превратило только капиталистическое развитие.

Прямой товарный обмен, как то явление, при рассмотрении которого можно получить всеобщее определение стоимости, как то явление, в котором стоимость представлена в чистом виде, осуществляется до того как появились деньги, прибавочная стоимость и другие особенные развитые формы стоимости. Это значит, кроме всего прочего, что та форма «экономических отношений, которая [52] при капитализме реально становится подлинно общей, осуществлялась до этого как вполне особенное явление и даже как случайное единичное явление.

В действительности всегда происходит так, что то явление, которое впоследствии становится всеобщим, вначале возникает как единичное, как частное, как особенное явление, как исключение из правила. Иным путем ничто не может реально возникнуть. В противном случае история приобрела бы крайне мистический вид.

Так, всякое усовершенствование в процессе труда, всякий новый способ деятельности человека в производстве, прежде чем стать общепринятыми и общепризнанными, возникают вначале как некоторое отступление от до сих пор принятых и узаконенных норм. Лишь возникнув в качестве *единичного исключения* из правила в труде одного или нескольких человек, новая норма перенимается всеми другими и превращается со временем в новую *всеобщую норму*. И если бы новая норма не возникала вначале именно так, она никогда бы не стала реально-всеобщей, а существовала бы лишь в фантазии, лишь в области благого пожелания.

Подобно этому и понятие, выражающее реально-всеобщее, непосредственно заключает в себе понимание диалектики превращения единичного и особого во всеобщее, выражает непосредственно *такое единичное и особое*, которое реально, вне головы человека, *составляет всеобщую форму* развития.

Ленин в своих конспектах и заметках по поводу гегелевской логики все время возвращается к одному из центральных пунктов диалектики – к пониманию всеобщего как конкретно-всеобщего в противоположность абстрактно-всеобщим отвлечениям рассудка. Отношение всеобщего к особому и отдельному, с точки зрения

диалектики, выражается «прекрасной», по выражению Ленина, формулой: «Не только абстрактно-всеобщее, но такое всеобщее, которое воплощает в себе богатство особенного».

«Ср. “Капитал”» – замечает на полях против этой формулы Ленин, а затем продолжает:

«Прекрасная формула: «Не только абстрактно» всеобщее, по всеобщее такое, которое воплощает в себе [53] богатство особенного, индивидуального, отдельного (всё богатство особого и отдельного!)!! Tres bien!» 3

Конкретное всеобщее, выраженное в понятии, воплощает в себе все это богатство не в том, конечно, смысле, что оно обнимает собой все особенные случаи и приложимо к ним в качестве их общего названия. Как раз против такого метафизического понимания и борется Гегель, и именно за это его одобряет Ленин. Конкретно-всеобщее понятие включает «богатство частных» в своих конкретных определениях, и притом в двух смыслах.

Во-первых, конкретно-всеобщее понятие выражает в своих определениях специфически-конкретное содержание (внутреннее закономерное строение, структуру) одной, вполне определенной формы развития исследуемого предмета. Оно включает в себе «все богатство» определений этой формы, ее структуры, ее специфическое своеобразие. Во-вторых, оно выражает в своих определениях не любую из попавшихся на глаза форм развития предмета в целом, а только ту, и именно ту, которая составляет реально всеобщую основу, фундамент, почву, на которой разрастается «все богатство» остальных формообразований.

Ярчайшим примером такого понятия является категория стоимости в «Капитале». Это понятие есть результат исчерпывающего анализа одной, и именно «простейшей экономической конкретности» товарно-капиталистического мира, – прямого (безденежного) обмена товара на товар. Особенность этой формы заключается в том, что в ней, как в «клеточке», как в зародыше, таится все остальное богатство более сложных, более развитых форм капиталистических отношений. Поэтому-то «анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества» 4. Результат и продукт этого анализа, выраженный в определениях категории стоимости, поэтому и дает ключ к теоретическому пониманию всего богатства (и всей нищеты, разумеется) товарно-капиталистического мира. [54]

Отличие этой категории от простых абстракций (вроде «мебели», «храбрости» или «сладости») имеет принципиальный характер. В

последних, разумеется, никакого «богатства особого и отдельного» не заключается, – это «богатство» лишь внешним образом подводится под них, как под общие названия. В конкретных же определениях подобных понятий это богатство не выражено никак. В понятии мебели вообще зафиксировано только то одинаковое, что стол имеет со стулом, шкафом, и т.д. Ни специфических характеристик стола, ни стула, ни шкафа в нем нет. Ни один вид в определениях этого рода не выражен. Напротив, категория стоимости включает в себе исчерпывающее выражение специфики такого *вида*, особенность которого заключается в том, что он одновременно есть род.

Этим, конечно, никак не умаляется значение и познавательная роль простых, «рассудочных» общих абстракций. Их роль велика – без них было бы невозможно никакое конкретно-всеобщее понятие. Они составляют предпосылку и условие возникновения сложных научных понятий. Конкретно-всеобщее понятие – тоже абстракция, в том смысле, что она фиксирует в своих определениях не абсолютно-единичное, неповторимое. Она выражает существо типичного, и в этом смысле общего, массовидного, миллиарды раз повторяющегося явления, такого единичного случая, который является выражением всеобщего закона. Маркса при анализе простой формы стоимости интересуют, разумеется, не индивидуальные особенности сюртука и холста. Отношение сюртука и холста, тем не менее, берется как непосредственный объект анализа, и именно потому, что это «типичный (и в этом смысле общий) случай простого товарного обмена, случай, соответствующий, типичным особенностям безденежного обмена. «В таком общем исследовании вообще всегда предполагается, что действительные отношения соответствуют своему понятию; или, что то же самое, что действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип» 5. [55]

Поэтому, разумеется, конкретно-всеобщие понятия сходны с простыми рассудочными абстракциями в том отношении, что они выражают собой всегда некоторую общую природу отдельных случаев, вещей, явлений, и также представляют собой продукты «возведения единичного во всеобщее». Этот момент (сторона), роднящий научное понятие с любой элементарной абстракцией, в нем, конечно, всегда наличествует, и обнаружить его легко. Но все дело в том, что этот момент никак не характеризует научное понятие специфически, не выражает его своеобразия. Именно поэтому те логические теории, которые просто приравнивают друг другу такие абстракции, как стоимость и белизна, как материя и мебель, на том основании что и те и другие одинаково относятся не к одному, а ко многим единичным явлениям, и в этом смысле одинаково абстрактны и общи, вовсе не утверждают ничего

нелепого. Однако такое понимание, достаточное для простых абстракций, никак недостаточно для понимания сложных научных абстракций. Если же в этом усматривают сущность научного понятия, то это понимание превращается в ложь, подобную той, которая заключена в положении «стоимость есть продукт труда». Здесь конкретное явление охарактеризовано чересчур общо и абстрактно, и именно поэтому совершенно неверно. Человек, конечно, есть животное, а научное понятие есть абстракция. Беда такого определения заключается, однако, в его крайней абстрактности.

Диалектическая логика, вовсе не отвергая той истины, что всеобщее понятие есть абстракция, выражающая собой «общую природу», «средний тип» отдельных случаев, единичных вещей, явлений, событий, идет дальше, идет глубже, – и именно в этом отличие ее понимания от концепций старой логики. Диалектическое понимание всеобщего предполагает превращение единичного во всеобщее, а всеобщего – в единичное, совершающееся постоянно в любом действительном процессе развития.

Но этот взгляд, как нетрудно убедиться, предполагает *историческую точку зрения* на вещи, на *предметную реальность*, отражаемую в понятиях. Именно поэтому не только Локк с Гельвецием, но и Гегель не смог дать рациональное решение вопроса об отношении абстрактного к конкретному. Последний не смог этого сделать потому, что идея [56] развития, исторический подход были проведены им полно лишь по отношению к процессу мышления, но не по отношению к самой объективной реальности, составляющей предмет мышления. Предметная реальность у Гегеля развивается лишь постольку, поскольку она становится внешней формой, развития мышления; духа, поскольку дух, проникая ее, оживляет ее изнутри и заставляет двигаться, и даже развиваться. Но своего собственного, имманентного самодвижения предметная, чувственная реальность не имеет. Поэтому она не является в его глазах и подлинно конкретной, ибо живая диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность различных ее сторон принадлежит на самом деле проникающему ее духу, а не ей самой как таковой. Поэтому-то у Гегеля единственно конкретно именно понятие и только понятие как идеальный принцип идеальной же взаимосвязи единичных явлений. Сами по себе взятые, единичные вещи и явления абстрактны и только абстрактны.

Но в этом понимании заключен не только идеализм, но и диалектический взгляд на познание, на процесс осмысления чувственных данных. Если Гегель называет единичную вещь, явление, факт абстрактным, то в этом словоупотреблении имеется серьезный резон: если сознание восприняло единичную вещь как таковую, не постигая при этом всей той *конкретной взаимосвязи*,

внутри которой та реально существует, то оно восприняло ее крайне абстрактно, несмотря на то, что оно восприняло ее чувственно-наглядно, чувственно-конкретно, во всей полноте ее чувственно-осязаемого облика.

И наоборот, если сознание восприняло вещь в ее взаимосвязи со всеми другими такими же единичными вещами, фактами, явлениями, если оно восприняло единичное через его всеобщую взаимосвязь, то оно впервые восприняло его конкретно, даже в том случае, если представление о ней приобретено не при помощи непосредственного рассматривания, ощупывания и обнюхивания, а при помощи речи от других индивидов и, следовательно, лишено непосредственно чувственного облика.

Иными словами, абстрактность и конкретность уже у Гегеля утратили значение непосредственных психологических характеристик той формы, в которой знание о вещи существует в индивидуальной голове, и стали [57] логическими – содержательными – характеристиками знания, содержания сознания.

Если единичная вещь не понята через ту всеобщую конкретную взаимосвязь, внутри которой она реально возникла, существует и развивается, через ту конкретную систему взаимосвязи, которая составляет ее подлинную природу, – значит есть только абстрактное знание и сознание.

Если же единичная вещь (явление, факт, предмет, событие) постигнута в ее объективной связи с другими вещами, составляющими целостную взаимосвязанную систему, – значит она постигнута, осознана, познана, осмыслена *конкретно* в самом строгом и полном значении этого слова.

В глазах материалиста-метафизика конкретно только чувственно воспринимаемое единичное, а всеобщее представляется синонимом абстрактного. Для материалиста-диалектика дело обстоит совсем не так. Конкретность означает с его точки зрения как раз и прежде всего *всеобщую объективную взаимосвязь, взаимообусловленность массы единичных явлений, «единство во многообразии», единство различного, и противоположного*, а не абстрактно отвлеченное тождество, не абстрактно мертвое единство. Последнее в лучшем случае лишь указывает, лишь намекает на возможность наличия в вещах внутренней связи, скрытого единства явлений, но и это далеко не всегда и отнюдь не обязательно: бильярдный шар и Сириус тождественны по своей геометрической форме, у сапожной щетки есть сходство с млекопитающим, однако реального живого взаимодействия, конечно, здесь искать нечего. [58]

1 Цит. по книге: *Маркс К. Теории прибавочной стоимости*, ч. I. Госполитиздат, 1955, с. 335.

2 *Гегель Г.В.Ф. Сочинения*, т. X. Москва, Партиздат, 1932, с. 284.

3 *Ленин В.И. Философские тетради*, с. 72-73.

4 Там же, с. 328.

5 *Маркс К. Капитал*, т. III, Госполитиздат, 1955, с. 149.

Конкретное единство как единство противоположностей

Итак, мы установили, что мышление в понятиях направлено не на определение абстрактного единства, мертвого тождества ряда единичных вещей друг другу, а на раскрытие живого реального их единства, *конкретной связи взаимодействия*.

Однако анализ категории взаимодействия сразу же обнаруживает, что простая одинаковость, простое [58] тождество двух единичных вещей вовсе не является выражением принципа их взаимной связи.

Взаимодействие вообще оказывается крепким, если в «другом» предмет находит дополнение самого себя, то, чего ему как таковому, не хватает.

Наличие «одинаковости», конечно, всегда предполагается в качестве предпосылки, в качестве условия, при котором устанавливается связь взаимодействия. Но не через одинаковость осуществляется самое существо взаимодействия. Две шестерни сцепляются друг с другом как раз потому, что зуб одной шестерни встречает против себя не такой же зуб, а соответствующий вырез.

Когда две химические частицы, до этого как будто совершенно одинаковые, «сцепляются» в молекулу, то в каждой из них происходит определенная перестройка структуры. Каждая из двух действительно связанных в составе молекулы частиц имеет в другой свое собственное дополнение: они в каждое мгновение обмениваются электронами своих внешних оболочек, и этот взаимный обмен как раз и сращивает их в единое целое. Каждая, из них тяготеет к другой потому, что, в каждый данный момент времени в составе другой частицы находится ее собственный электрон (или электрон), – тот самый, которого ей именно поэтому «не хватает». Там, где нет подобной постоянно возникающей и постоянно исчезающей разницы, нет и сколько-нибудь прочного

сцепления, взаимодействия, а есть только более или менее случайный внешний контакт.

Если гипотетически представить себе случай, в реальности невозможный – два абсолютно одинаковых по всем своим характеристикам явления, то – как ни ломай голову – прочной связи, сцепления, взаимодействия между ними ни представить, ни помыслить не удастся.

Еще важнее учитывать это соображение, когда речь заходит о связи двух (или более) явлений, находящихся в процессе развития, вовлеченных в такой процесс. Конечно, два совершенно схожих явления могут прекрасно сосуществовать рядом друг с другом и даже вступать в известный контакт. Но абсолютно ничего нового из этого контакта не возникнет до тех пор, пока этот контакт не вызовет каждом из них таких внутренних [59] изменений, которые превратят их в различные и противоположные моменты внутри, некоторого связного целого.

Патриархальные натуральные хозяйства, каждое из которых производит внутри себя все то, что ему требуется, производит то же самое, что и соседнее, не нуждаются одно в другом. Никакой сколько-нибудь прочной связи между ними нет, ибо нет разделения труда, такой организации труда, при которой один делает то, чего не делает другой. Там, где возникает разница между натуральными хозяйствами, возникает впервые и возможность для взаимного обмена продуктами труда. Связь, возникающая здесь, фиксирует и развивает далее разницу, а вместе с ней и взаимную связь. Развитие различий между некогда одинаковыми (а именно потому – равнодушно сосуществующими) хозяйствами и есть развитие *взаимной* связи между ними, и есть процесс превращения их в различные и противоположные органы единого хозяйственного целого, единого производящего организма.

Вообще развитие форм разделения труда и есть развитие форм взаимодействия между людьми в процессе производства материальной жизни. Там, где нет хотя бы элементарного разделения труда, нет и общества, а есть только стадо, связанное биологическими, а не социальными узами. Разделение труда может иметь антагонистически-классовую форму, может иметь форму товарищеского содружества. Но оно всегда остается *разделением* труда, никогда не может стать «отождествлением» всех форм труда: коммунизм предполагает не нивелировку, а максимальное развитие индивидуальных особенностей каждого лица, как в области духовного, так и в области материального производства. Каждый индивидуум становится здесь личностью в полном и высоком значении этого понятия именно потому, что каждый другой взаимодействующий с ним индивидуум есть также неповторимая,

творческая индивидуальность, а не существо, совершающее одни и те же заштампованные, стандартные, абстрактно-одинаковые действия, операции... Подобные операции вообще выносятся за скобки «человеческой» деятельности, передаются машине. Но именно поэтому каждый индивидуум здесь нужен и «интересен» для другого гораздо больше, чем в мире товарно-капиталистического разделения труда. Общественные узы личности с [60] личностью здесь гораздо непосредственнее, прочнее и полнокровнее, чем узы товарного производства.

Поэтому конкретность, понимаемая как выражение живой, фактической, объективной связи взаимодействия реальных единичных вещей, и не может быть выражена в виде абстрактного тождества, голого равенства, чистого подобия рассматриваемых вещей. Любой, самый элементарный случай реального взаимодействия в природе, обществе или в сознании включает в своем составе не просто тождество, а обязательно тождество различенного, *единство противоположностей*. Взаимодействие предполагает, что один предмет осуществляет свою данную, специфическую природу только через свое взаимоотношение с другим, а вне этого отношения не может существовать как таковой, как «этот», как специфически определенный предмет. И для того, чтобы выразить в мысли, для того, чтобы понять единичное в его органической связи с другим единичным и конкретное существо их связи, нельзя искать голого абстракта, тождественного признака, абстрактно-общего для каждого из них, взятых отдельно.

Обратимся к более сложному и одновременно более яркому примеру. В чем заключается, например, действительная, живая, конкретная и объективная связь капиталиста и наемного рабочего, то «общее», чем каждый из этих единичных экономических персонажей обладает в сравнении с другими? То, что оба они – люди, оба испытывают потребность в пище, в одежде и прочем, оба умеют рассуждать, разговаривать, трудиться, наконец? Всё это, несомненно, в них присутствует. Более того, все это даже составляет необходимую *предпосылку* их связи как капиталиста и наемного рабочего. Но ни в коем случае не составляет самого существа их взаимной связи именно как *капиталиста и рабочего*. Действительная их связь покоится как раз на том, что каждый из них обладает таким экономическим признаком, который отсутствует у другого, на том, что их экономические определения полярно противоположны. Дело в том, что один обладает как раз такой чертой, которая отсутствует у другого, и обладает именно потому, что ею не обладает другой. Каждый взаимно нуждается в другом в силу [61] полярной противоположности своих экономических определений экономическим определениям другого. И именно это делает их необходимыми полюсами одного и того же

отношения и связывает их крепче, чем любая общность («одинаковость»).

Одно единичное является именно таким, а не другим, как раз потому, что другое единичное полярно противоположно по всем характеристикам. Именно поэтому одно не может существовать как таковое, без другого, вне связи со своей собственной противоположностью. И пока капиталист остается капиталистом, а наемный рабочий – наемным рабочим, каждый из них с необходимостью воспроизводит в другом прямо противоположную экономическую определенность. Как наемный рабочий один из них выступает потому, что против него другой выступает как капиталист, то есть как такая экономическая фигура, все признаки которой полярно противоположны..

Это значит, что сущность их связи *внутри данного конкретного взаимоотношения* покоится как раз на полном, отсутствии определения, абстрактно общего и тому и другому.

Капиталист не может внутри этой связи обладать признаком из числа тех, которыми обладает наемный рабочий, как и наоборот. А это и значит, что ни один из них не обладает таким экономическим определением, которое было бы одновременно присуще другому, было бы общим и тому и другому. Как раз этого общего в составе их конкретной экономической связи нет.

Известно, что именно в общности экономических характеристик капиталиста и рабочего упорно пыталась отыскать основание их взаимной связи пошлая апологетика, которую бичевал Маркс. С точки зрения Маркса, действительное конкретное единство двух (и более) единичных, особенных вещей (явлений, процессов, людей и т.д.), находящихся в отношении взаимодействия, всегда выступает как *единство взаимоисключающих* противоположностей. Между ними, между сторонами этого конкретного взаимодействия, нет и не может быть ничего абстрактно-одинакового, абстрактно-общего.

Общее, как конкретное общее, в данном случае – это как раз взаимная связь сторон взаимодействия как полярных, *взаимодополняющих* и *взаимопредполагающих* [62] противоположностей. Через отношение к своей собственной противоположности каждая из конкретно взаимодействующих сторон только и является самой собой, то есть тем, что она есть в составе данной конкретной связи.

Сам термин «общее» здесь не совпадает, по смыслу с «одинаковым», «тождественным». Но это словоупотребление, характерное для диалектической логики, вовсе не так уж чуждо обычному словоупотреблению и также опирается на оттенок, везде

присутствующий в слове «общее». Так, на всех языках общим называется предмет, которым владеют сообща, коллективно, совместно. Говорят, например об «общем поле», «общем предке» и т.д. Диалектика в своей постановке вопроса всегда и отталкивалась от этого этимологического оттенка. Здесь «общее» имеет значение именно связи, которая вовсе не совпадает по своему содержанию с тем «одинаковым», что имеют между собой различные соотносящиеся предметы, люди и т.д. Существо конкретной связи людей, сообща владеющих полем, вовсе не заключается в том одинаковом, что они имеют между собой. Общим для них здесь выступает тот особый предмет, который каждый из них имеет вне себя и против себя, тот предмет, через отношение к которому они и обретают отношение друг к другу. Сущность их взаимной связи тем самым полагается какой-то более широкой системой условий, системой взаимодействия, внутри которой они могут выполнять самые различные роли.

Что общего имеется у читателя с книгой, которую он читает, в чем существо их взаимного отношения? Конечно же, это «общее» заключается не в том, что и читатель и книга трехмерны, что оба они принадлежат к числу пространственно-определенных предметов, не в том, что и тот и другая состоят из одинаковых, атомов, молекул, химических элементов и т.д. Общее между ними не заключается в том одинаковом, что свойственно и тому и другому. Как раз наоборот: читатель именно потому читатель, что ему противостоит, в качестве условия, без которого он не есть читатель, именно «читаемое», именно его конкретная противоположность.

Одно существует как таковое, как данный конкретно определенный предмет, именно потому и только потому, что ему противостоит другое как *его конкретное другое*, – предмет, все определения которого полярно [63] противоположны. Определения одного есть определения другого с обратным знаком. Только так и выражается и в понятии конкретное единство противоположностей, конкретная общность.

Ответ на вопрос о существовании конкретной связи (конкретной общности, конкретного единства) поэтому и решается не на пути отыскания того одинакового, что абстрактно свойственно каждому из элементов такой общности, а на совсем ином пути.

Анализ в этом случае направляется на рассмотрение той конкретной системы условий, внутри которой с необходимостью порождаются два элемента, предмета, явления их т.п., которые одновременно и взаимно исключают друг друга, и взаимно предполагают друг друга. Выявить противоположности, через взаимное отношение которых и существует данная система

взаимодействия, данная конкретная общность, – и значит решить задачу. Анализ диалектической общности поэтому и оборачивается исследованием того процесса, который создает два элемента взаимодействия (например, капиталиста и наемного рабочего или читателя и книгу), каждый из которых не может существовать без другого потому, что обладает, такой характеристикой, которой не обладает другой, и наоборот.

В данном случае в каждом из двух взаимодействующих предметов будет обнаружено именно то определение, которое ему свойственно как члену именно данного, неповторимо специфического, конкретного способа взаимодействия. Лишь в этом случае в каждом из взаимоотносящихся предметов будет обнаружена (и выделена путем абстрагирования) именно та сторона, благодаря наличию которой он и является элементом этого, данного конкретного целого.

Формулой диалектики является конкретное тождество, тождество противоположностей, тождество различного, конкретное единство взаимоисключающих и тем самым взаимопредполагающих определений. Вещь должна быть понята как элемент, как единичное выражение всеобщей (конкретно-всеобщей) субстанции. В этом задача познания.

И с этой точки зрения, например, становятся понятными те трудности, которые не дали возможности [64] Аристотелю раскрыть сущность, субстанцию менового отношения, тайну равенства одного дома и пяти лож. Великий диалектик древности и здесь старался найти не абстрактное тождество, а внутреннее единство двух вещей. Первое отыскать легче легкого, второе же – далеко не так просто. Аристотель, рассматривая меновое отношение, между домом и ложем, столкнулся с неразрешимой для его времени задачей не потому, что не мог усмотреть между тем и другим ничего общего. Абстрактно-общее между домом и ложем легко обнаружит и не такой развитый в логическом отношении ум; в распоряжении Аристотеля было очень много слов, выражающих нечто общее и дому и ложу.

И дом, и ложе – одинаково предметы человеческого быта, обихода, условия жизни человека, и то и другое – чувственно-осязаемые вещи, существующие во времени и пространстве, оба обладают весом, формой, твердостью и т.п. – вплоть до бесконечности. Надо полагать, что Аристотель не очень удивился бы, если бы кто-нибудь обратил его внимание на то обстоятельство, что и дом и ложе одинаково сделаны руками человека (или раба), что и то и другое – продукты человеческого труда.

Для Аристотеля, таким образом, трудность заключалась вовсе не в отыскании абстрактно-общего признака между домом и ложем, не в подведении того и другого под «общий род», а в раскрытии, той реальной субстанции, в лоне которой они приравняются друг другу независимо от произвола субъекта, от абстрагирующей головы и от чисто искусственных приемов, изобретенных человеком. В целях практического удобства Аристотель отказывается от дальнейшего анализа не потому, что не в состоянии заметить между ложем и домом ничего общего, а потому, что не находит такой сущности, которая непременно *требует* для своего осуществления, для своего обнаружения *факта взаимного обмена*, взаимного замещения двух различных предметов. И в том, что Аристотель не может обнаружить ничего общего между двумя столь различными вещами, проявляется вовсе не слабость его логических способностей, не недостаток наблюдательности, а, как раз наоборот, – *диалектическая* сила и глубина его ума. Он не удовлетворяется абстрактно-общим, а старается отыскать более глубокие основания факта. Его интересует не просто высший род, под который при желании можно [65] подвести и то и другое, а *реальный род*, относительно которого ему свойственно гораздо более содержательное представление, нежели то, за которое его сделала ответственным школьная традиция в логике.

Аристотель хочет найти такую реальность, которая осуществляется в виде свойства ложа и дома только благодаря меновому отношению между ними, такое общее, которое для своего обнаружения требует именно обмена. Все же те общие признаки, которые он наблюдает в них, существуют и тогда, когда они никакого отношения к обмену не имеют, а, следовательно, специфической сущности обмена и не составляют. Аристотель, таким образом, оказывается бесконечно выше тех теоретиков, которые спустя две тысячи лет после него видели сущность и субстанцию стоимостных качеств вещи в полезности. Полезность вещи вовсе не обязательно связана с обменом, не требует непременно обмена для того, чтобы быть обнаруженной. Аристотель, иными словами, хочет найти такую сущность, которая проявляется только через обмен, а вне его никак не обнаруживается, хотя и составляет «скрытую природу» вещи. Маркс ясно показал, что именно не дало Аристотелю возможности понять сущность менового отношения *отсутствие понятия стоимости*. Аристотель не смог понять, выявить реальную сущность, реальную субстанцию меновых свойств вещей потому, что на деле этой субстанцией является общественный труд. Отсутствовало *понятие* стоимости и труда – вот и чем все дело. Заметим вместе с тем, что общее абстрактное *представление* о том и другом в его время вовсе не отсутствовало. «Труд кажется совершенно простой категорией.

Представление о нем в этой всеобщности – как о труде вообще – также весьма древне»¹ и Аристотелю, конечно, оно было небызвестно. «Подвести» и дом и ложе под абстрактное представление «продуктов труда вообще» для ума Аристотеля не составило бы сколько-нибудь сложной, а тем более неразрешимой логической задачи.

Аристотелю не хватало именно *понятия* стоимости. Слово, наименование, заключавшее в себе простую [66] абстракцию стоимости, в его время, конечно, было², так как был и в его дни купец, который рассматривал все вещи под абстрактным углом зрения купли-продажи.

Но *понятие* труда в эту эпоху отсутствовало. Это лишний раз показывает, что в терминологии Маркса понятие есть не абстрактное, зафиксированное в термине общее представление, а нечто иное. Что же именно?

Понятие труда (в отличие и в противоположность абстрактно-общему представлению о нем) предполагает осознание роли труда в совокупном процессе человеческой жизни. Труд не понимался в эпоху Аристотеля как всеобщая субстанция всех явлений общественной жизни, как «реальная сущность» всего человеческого, как реальный источник всех без исключения человеческих качеств.

Понятие явления налицо вообще лишь там, где это явление понято не абстрактно (т.е. не просто осознано как неоднократно повторяющееся явление), а конкретно, т.е. с точки зрения его места и роли в определенной системе взаимодействующих явлений, в системе, составляющей некоторое связное целое. Понятие есть там, где единичное и особенное осознаются не просто как единичное и особенное, – хотя бы и неоднократно повторяющееся, – а через их взаимную связь, через *всеобщее*, понимаемое как выражение *принципа* этой связи.

Вот таким-то пониманием труда Аристотель не обладал, ибо человечество его эпохи еще не выработало сколько-нибудь ясного осознания роли и места труда в системе общественной жизни. Более того, труд казался современнику Аристотеля такой формой жизнедеятельности, которая вообще не относится к сфере собственно человеческой жизни. Как реальную субстанцию всех форм и способов человеческой жизни он труд не понимал. Немудрено, что он не понимал его и как субстанцию меновых свойств вещи. Это – и только это – и значит в терминологии Маркса, что он не обладал понятием труда и стоимости, а обладал всего-навсего абстрактным представлением о нем, и это абстрактное представление не могло послужить ему ключом к пониманию сущности товарного обмена. [67]

Буржуазные экономисты-классики впервые поняли труд как реальную субстанцию всех форм хозяйственно-экономической жизни, в том числе и, прежде всего такой формы, как товарный обмен. Это значит, что они впервые образовали понятие о той реальности, о которой Аристотель владел лишь абстрактным представлением. Причина этого заключается, конечно, не в том, что английские экономисты оказались более сильными в логическом отношении мыслителями, чем Стагирит. Дело в том, что экономисты познавали эту реальность внутри более развитой, общественной действительности.

Маркс ясно показал, в чем тут дело: сам предмет исследования – в данном случае человеческое общество – «созрел» до такой степени, что сделалось возможным и необходимым его познание в понятиях, выражающих конкретную субстанцию всех его проявлений.

Труд, как всеобщая субстанция, как «деятельная форма» здесь выступил не только в сознании, но и в реальности как тот «высший реальный род», которого не мог рассмотреть Аристотель. «Сведение» всех явлений к «труду вообще», как к труду, лишенному всех качественных различий, здесь впервые стало происходить не только и не столько в абстрагирующей голове теоретиков, сколько в самой реальности экономических отношений. Стоимость превратилась в ту цель, ради которой осуществляется каждая вещь в процессе труда, в «деятельную форму», в конкретно-всеобщий закон, управляющий судьбой каждой отдельной вещи и каждого отдельного индивида.

Дело в том, что здесь «сведение к труду, лишенному всех различий» выступает как абстракция, но как абстракция *реальная*, которая «в общественном процессе производства довершается ежедневно» 3. Как говорит Маркс, это «сведение» есть абстракция не более, но и не менее реальная, чем превращение органических тел в воздух.

«Труд, который измеряется, таким образом, временем, выступает, в сущности, не как труд различных субъектов, а, напротив того, различные трудящиеся индивидуумы выступают как простые органы этого труда» 4. [68]

Здесь труд вообще, труд как таковой предстает как конкретно-всеобщая субстанция, а единичный индивид и единичный продукт его труда – как *проявление этой всеобщей сущности*.

Понятие труда выражает нечто большее, чем просто то одинаковое, что можно отвлечь от трудовой деятельности отдельных лиц. Это реально-всеобщий закон, который довлеет над единичным и особенным, определяет их судьбы, управляет ими,

превращает их в свои органы, заставляет их выполнять именно такие функции, а не иные.

Само особенное и единичное формируется сообразно требованиям, заключенным в этом реально-всеобщем, – и дело выглядит таким образом, что само единичное в его особенности реально выступает как единичное воплощение реально-всеобщего. Сами различия индивидов оказываются формой проявления всеобщего, а не чем-то таким, что стоит рядом с ним и что не имеет к нему никакого отношения.

Теоретическое выражение такого всеобщего и есть понятие. С помощью этого понятия каждое особенное и единичное осознается именно с той стороны, с какой оно принадлежит данному целому, представляет собой выражение именно данной конкретной субстанции, понимается как появляющийся и исчезающий момент движения конкретно-специфической системы взаимодействия. Сама субстанция, сама конкретная система взаимодействующих явлений понимается при этом как исторически сложившаяся, как исторически развившаяся система.

Понятие (в отличие от общего представления, выраженного в слове) непросто приравнивает одну вещь (предмет, явление, событие, факт и т.д.) другой в каком-либо «высшем роде», гася в нем все ее специфические отличия, отвлекаясь от них. В понятиях происходит совсем иное: единичный предмет отражается как раз со стороны его особенности, благодаря которой он и оказывается необходимым элементом некоторого целого, единичным(односторонним) выражением конкретного целого. Каждый отдельный элемент любого диалектически расчлененного целого односторонне выражает всеобщую природу этого целого именно своим отличием от других элементов, а не абстрактным сходством с ними.

Поэтому понятие (в самом строгом и точном смысле) [69] не есть монополия научно-теоретического мышления. «О таких вещах, как стол или стул, как нож или спички, имеет понятие, а не просто выраженное в термине общее представление, каждый человек. Каждый прекрасно понимает и роль этих вещей в жизни, и те специфические их особенности, благодаря которым они играют именно такую, а не какую-нибудь другую роль, те особенности, благодаря которым они занимают именно такое, а не иное место в системе условий общественной жизни, внутри которых они сделаны, созданы, возникли. В данном случае налицо полный состав понятия, и каждый человек сознательно обращается с вещами сообразно их понятию, доказывая этим, что он им обладает.

Иное дело такие предметы, как атом или искусство. Развитым понятием – об искусстве обладает далеко не всякий художник, хотя бы он и создавал прекрасные произведения искусства. Автор данной работы не стыдится признать, что об атоме он, в отличие от физика, имеет лишь довольно общее представление. Но и не каждый физик имеет понятие о понятии. Физик, чуждающийся философии, вряд ли его обретет.

Во избежание недоразумений надо оговорить еще и следующее. Под мышлением в данной работе везде имеется в виду, прежде всего, научно-теоретическое мышление, т.е. мышление, как оно протекает в процессе научно-теоретического исследования окружающего мира. Такое ограничение задачи работы вовсе не означает, что так называемое «обыденное» мышление недостойно внимания логики как науки, или что оно протекает по каким-то другим законам. Все дело в том, что научно-теоретическое мышление есть наиболее развитая форма мышления. Поэтому его анализ позволяет легче выявить те закономерности, которые действуют в мышлении вообще. С другой стороны, в повседневно практикуемом мышлении эти всеобщие закономерности и формы мышления обнаружить просто труднее: здесь они всегда загорожены, заслонены массой осложняющих факторов и обстоятельств. Процесс размышления здесь часто перебивается вмешательством соображений, возникающих то по чистой ассоциации, то по чисто индивидуально-эмоциональным мотивам; весьма часто ряд звеньев размышления здесь просто выпадает, а пробел заполняется мелькнувшим в памяти [70] доводом сугубо индивидуального, жизненного опыта; не менее часто человек ориентируется в обстановке, в отношении к другому человеку или событию с помощью развитого эстетического вкуса, восприятия, а размышление в строгом смысле слова играет при этом побочную, вспомогательную роль, и т.д. и т.п. В силу всего этого «повседневное» мышление является очень неудобным объектом логического анализа, исследования, имеющего целью выявить всеобщие законы мышления вообще. Эти законы действуют здесь постоянно, но рассмотреть и обособить их от воздействия осложняющих моментов гораздо труднее, чем при анализе научно-теоретического процесса. В ходе последнего всеобщие формы и законы мышления вообще выступают гораздо «чище»; здесь, как и всюду, более развитая форма дает возможность понять менее развитую в ее подлинном виде, и притом с учетом возможностей и перспектив развития в более высокую и развитую форму.

Научно-теоретическое мышление находится к «повседневному» мышлению именно в таком отношении; анатомия человека дает ключ к анатомии обезьяны, не наоборот, а «намек на высшее» могут быть правильно поняты лишь тогда, когда эти высшее уже само по себе известно. Исходя из этого общего методологического

соображения, мы и рассматриваем главным образом законы и формы мышления вообще именно в том их виде, в каком они выступают в ходе научно-теоретического мышления. Тем самым мы и получаем ключи к пониманию всех других форм и применений мышления, которые в известном смысле более сложны, чем научное мышление, чем применение способности мыслить к решению научно-теоретических проблем, ясно и строго очерченных вопросов. Само собой понятно, что всеобщие законы мышления остаются теми же самыми и в научном и в так называемом «обыденном» мышлении. Однако в научном мышлении рассмотреть их легче по той же самой причине, по какой всеобщие законы развития капиталистической формации в середине XIX в. легче было выявить путем анализа английского капитализма, а не русского или итальянского. [71]

1 Маркс К. К критике политической экономии, с. 216.

2 Древнегреческое, слово αξία в точности соответствует немецкому «Wert» – цена, ценность, стоимость, достоинство.

3 Маркс К. К критике политической экономии, с. 15.

4 Там же.

Глава вторая

Единство абстрактного и конкретного – закон мышления

Абстрактное как выражение конкретного

Итак, мы установили, что сознание, отражающее единичный, пусть даже неоднократно повторяющийся факт, но не улавливающее его внутреннего строения и внутренне необходимой связи с другими такими же фактами, есть познание крайне абстрактное даже в том случае, если оно наглядно и чувственно представимо. Именно, поэтому «общий закон изменения формы движения гораздо, конкретнее, чем каждый отдельный “конкретный” пример этого» 1, а самые нагляднейшие примеры, не делают и не могут сделать конкретной тощую, бедную определениями мысль.

Наглядные примеры, иллюстрирующие тощую абстракцию, могут лишь замаскировать ее абстрактность, могут создать лишь видимость, лишь иллюзию конкретного рассмотрения. Этим, к сожалению, довольно часто пользуются люди, сводящие теоретическое рассмотрение предмета к нагромождению примеров. Для них, естественно, толкование конкретности как чувственной наглядности знания гораздо удобнее, чем определение Маркса, ибо последнее обязывает к детальнейшему анализу фактов.

На самом деле эта позиция не имеет ничего общего с позицией Маркса. Точнее, «общее» есть, конечно, и тут – слова «абстрактное» и «конкретное». Но эти одинаковые [72] слова прикрывают полную противоположность понятий абстрактного и конкретного, противоположность действительного и мнимого понимания роли и места того и другого в процессе мышления, в процессе переработки созерцания и представления.

В чем заключается, согласно Марксу, действительно абстрактное рассмотрение предмета? Абстрактность, как таковая, есть, с его точки зрения, односторонность познания, такое знание о вещи, которое отражает ее лишь с той стороны, с какой она подобна, тождественна многим другим таким же вещам. Другое дело абстракция, выражающая конкретную, специфическую природу вещи. Такая абстракция по своим логическим характеристикам представляет нечто прямо противоположное простой абстракции, абстрактному как таковому.

Что значит совершить действительное обобщение, что значит создать объективную конкретную абстракцию от явления?

Это значит рассмотреть вполне особенный, неоднократно повторяющийся факт с точки зрения его собственного, имманентного содержания, рассмотреть его, как говорится, «в себе», отвлекаясь при этом от всего того, чем этот факт обязан всей целокупности внешних воздействий той более широкой сферы действительности, внутри которой он существует.

Именно так поступает Маркс в «Капитале» при исследовании явлений простого товарного обмена. Он получает действительные объективные характеристики стоимости, «рассматривая процесс абстрактно, т.е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения...» 2

Дело заключается, прежде всего, в том, что Маркс с самого начала имеет в виду как общую цель, в свете которой соразмеряется каждое отдельное логическое действие, каждый отдельный акт образования, абстракции, воспроизведение

конкретного в мышлении. Каждое особенное явление рассматривается в «Капитале» непосредственно с точки зрения его места и роли в составе целого, в составе конкретной системы, внутри которой в посредством которой каждое отдельное явление приобретает свою [73] специфическую определенность. Эту самую определенность, несвойственную каждому отдельному явлению, если оно существует вне данной конкретной системы, и приобретаемую им, как только оно входит в ее состав, и фиксирует каждая конкретная абстракция. Через абстрактное рассмотрение особенного явления (отвлекаясь сознательно от всего того, чем данное явление обязано другим, взаимодействующим с ним явлениям) Маркс на деле рассматривает как раз всеобщую взаимосвязь целого, т.е. всей совокупности взаимодействующих особенных явлений.

Это на первый взгляд кажется чем-то парадоксальным: выявление всеобщей связи явлений совершается через свою противоположность – через строжайшее отвлечение от всего того, что одному явлению свойственно благодаря его всеобщей взаимосвязи с другими, от всего того, что не вытекает из имманентных законов данного особенного явления.

Дело, однако, заключается в том, что уже само право рассматривать данное особенное явление абстрактно предполагает понимание его особой роли и места в составе целого, внутри всеобщей взаимосвязи, внутри совокупности взаимообуславливающих особенных явлений; именно в том, что простой товарный обмен, товар и форма товара рассматриваются абстрактно, как раз и находит свое логическое выражение та, совершенно особенная роль товара, которую он играет в составе данного и никакого другого целого.

В том, что товар рассматривается абстрактно, независимо от всех остальных явлений товарно-капиталистического производства, и выражается логически (теоретически) его конкретная, исторически неповторимая форма зависимости от системы производственных отношений в целом.

Дело в том, что только внутри развитой системы товарно-капиталистического производства – и ни в какой другой системе производственных отношений – товарная форма связи оказывается всеобщей, простейшей, элементарной формой взаимосвязи людей. Ни в одной другой конкретно-исторической системе производственных отношений такой роли товар и обмен товаров не играли, не играют и не могут играть. [74]

Эта особенная роль и значение простой товарной формы внутри развитого капитализма и выражается теоретически в том, что

чисто абстрактное рассмотрение товара, его имманентных законов одновременно и тем самым выявляет *всеобщее* теоретическое определение всей *системы в целом*, выражение ее конкретно-всеобщей закономерности. Если бы предметом теоретического рассмотрения оказалась не товарно-капиталистическая, а любая другая система отношений общественного производства (социализм или феодализм, первобытнообщинный строй или рабовладельческая формация), то не было бы ничего ошибочнее, с точки зрения логики Маркса, рассматривать товарную форму абстрактно, так, как она рассматривается в экономической теории капитализма.

Абстрактное рассмотрение товарной формы ничего не дало бы для теоретического понимания всеобщей связи системы в том случае, если бы эта система развилась из какой-то иной основы. В данном случае, рассматривая товар абстрактно, мышление не сделает ни малейшего шага на пути конкретного рассмотрения исследуемой экономической системы, не отвлечет ни единого конкретного теоретического определения предмета.

И если внутри товарно-капиталистической системы, в ходе ее рассмотрения, теоретик не только вправе, но и обязан рассматривать товарную форму абстрактно, то он не имеет никакого логического права рассматривать столь же абстрактно любую другую форму экономической связи того же капиталистического организма, например, прибыль или ренту.

Такая попытка не приведет к выработке конкретного теоретического понимания роли и места прибыли внутри общей взаимосвязи. Это вообще невозможно проделать, если предварительно не проанализированы прибавочная стоимость, деньги и товар. И если мы сразу, не проделав анализа товара, денег, прибавочной стоимости и пр., выделим явление прибыли и начнем его рассматривать абстрактно, т.е. оставляя в стороне все обстоятельства, которые не вытекают из ее имманентных законов, то мы ничего не поймем в ее движении. В лучшем случае мы получим описание явлений движения прибыли, абстрактное представление о них, но не конкретное теоретическое понимание, не понятие. [75]

Таким образом, право на абстрактное рассмотрение явления определяется конкретной ролью данного явления в составе исследуемого целого, конкретной системы взаимодействующих явлений. Если исходный пункт развития теории взят правильно, то его абстрактное рассмотрение оказывается *непосредственно совпадающим* с конкретным рассмотрением всей системы в целом. Если же абстрактно рассматривается не то явление, которое объективно составляет всеобщую, простейшую, элементарную форму бытия предмета в целом, его реальную «клеточку», то в

данном случае абстрактное рассмотрение так и остается абстрактным в дурном смысле этого слова, и не совпадает с путем конкретного познания.

Взяв явления прибыли, например, можно составить себе абстрактно-обобщенное представление о них. Но конкретного понятия прибыли на этом пути не получить, ибо конкретное понимание места и роли прибыли в процессе движения системы товарно-капиталистических отношений предполагает понимание их реальной ближайшей субстанции – прибавочной стоимости, т.е. другого экономического явления, а последнее в свою очередь предполагает познание имманентных законов движения товарно-денежной сферы, понимание стоимости как таковой, независимо от прибыли и прибавочной стоимости. Иными словами, само абстрактное рассмотрение прибыли возможно лишь в том случае, если предварительно проанализированы независимые от нее явления. Прибыль может быть понята только через прибавочную стоимость, через «другое», в то время как прибавочная стоимость может и должна быть понята «сама по себе», и при ее анализе следует строго оставить в стороне все обстоятельства, не вытекающие непосредственно из ее имманентных законов; и, прежде всего надо оставить в покое прибыль. При анализе же прибыли нельзя этого сделать, нельзя оставить в стороне обстоятельства, вытекающие из имманентных законов другого явления, нельзя рассматривать прибыль абстрактно.

Таким образом, абстрактное рассмотрение явления включает в себя конкретный подход к этому явлению и непосредственно выражает его роль внутри данной, конкретно-исторической системы явлений в целом.

Абстрактное рассмотрение, оставляя в стороне все обстоятельства, не вытекающие непосредственно из [76] имманентных законов данного явления, сосредоточивается как раз на имманентных законах, на анализе явления «в себе и для себя», если употребить гегелевское выражение. Образцом такого исследования является, анализ законов движения товарно-денежной сферы в «Капитале» Маркса. Явление рассматривается здесь «само по себе», в строжайшем отвлечении от всех тех воздействий, которые оказывают на него другие, более сложные и развитые явления, связанные, прежде всего с производством прибавочной стоимости. Это и значит, что оно рассматривается абстрактно.

В таком понимании и применении абстрактного рассмотрения не только нет чего-то метафизически противоположного конкретному рассмотрению, но есть как раз реальное совпадение абстрактного и конкретного, их диалектическое единство. Конкретное рассмотрение выступает как такое рассмотрение, которое уже не

оставляет в стороне все обстоятельства, не вытекающие из имманентных законов данного явления, а наоборот, привлекает их к рассмотрению. Конкретное понимание явлений товарно-денежной сферы совпадает с учетом всех тех воздействий, которые на нее оказывают все развитые, все более сложные формы экономических отношений внутри капитализма.

Иными словами, конкретное понимание товара, который вначале рассматривался лишь абстрактно, совпадает с теоретическим пониманием всей совокупности взаимодействующих форм экономической жизни, всей экономической структуры капитализма. Оно достигается лишь в развернутой системе науки, в теории в целом. [77]

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, с. 508.

2 Маркс К. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1995, с. 164.

Диалектическое и эклектически-эмпирическое понимание всесторонности рассмотрения

Если говорится, что требование всесторонности учета всех фактов, всех моментов взаимодействия только и может обеспечить подлинно конкретное познание, то это верно и справедливо лишь при том условии, что само требование «всесторонности» понимается действительно диалектически. Этот пункт важен по той причине, что именно [77] на этом требовании чаще и охотнее всего спекулирует одна из антинаучных форм мышления – ползучий эмпиризм, маскирующийся под теоретическое мышление.

Гениальный мастер революционной диалектики Ленин не раз вслед за Марксом предостерегал от смешения диалектического понимания конкретности с эклектической пародией на него, тем более что такое смешение часто приобретает прямой политический смысл.

«При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» 1.

Ясно, что эти слова относятся не только к процессу общественного развития, но и к любой области познания и

деятельности, и заключают в себе, тем самым, всеобщее, логическое требование.

Одним из самых распространенных аргументов, применяемых врагами научного коммунизма в борьбе против теории Маркса – Энгельса – Ленина, является обвинение этой теории и вытекающей из нее политической линии в «упрямой односторонности», в «отвлеченности», в «отсутствии гибкости» и т.д.

Характернейшим образчиком эклектической фальсификации диалектики является оппортунистическая позиция Бухарина в ходе известной дискуссии о профсоюзах на X съезде партии. Пытаясь стать в позу арбитра в споре между партией и группой Троцкого, Бухарин старался эту позу философски обосновать. Развивая аргументацию против межеумочной бухаринской позиции, Ленин блестяще показал глубокую сущность диалектического понимания конкретности истины. Для логики как науки эта история весьма поучительна.

Кратко напомним читателю обстоятельства, внутри которых возник этот философский спор. Речь шла о принципах политики партии в отношении профессиональных союзов. Позиция партии по этому вопросу, изложенная [78] в ряде документов, сводилась к следующему: профсоюзы есть, прежде всего, «школа коммунизма». В этой краткой формуле подразумевалось, что профсоюзы по их месту и роли в системе диктатуры пролетариата представляют собой массовую организацию, назначением которой является воспитание и просвещение масс в коммунистическом духе, подготовка масс к сознательному участию в управлении народным хозяйством. Против этого понимания Троцкий и выставил свою платформу, рассматривая профсоюзы, прежде всего, как «административно-технический аппарат управления производством». Сталкивались две резко очерченные позиции, две политические линии – ленинская политика партии и левацкая политика троцкизма, знаменитая политика «завинчивания гаек».

В этих условиях Бухарин и совершил экскурс в область философии, стараясь найти в ней обоснование своей политической позиции, – позиции, якобы «примиряющей» столкнувшиеся крайности.

Если формула ленинской партии определяет профсоюзы как «школу коммунизма», а формула Троцкого – как «административно-технический аппарат управления», то Бухарин рассуждал так:

«Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе: верны оба эти положения и соединение этих обоих положений».

Ленин резко осудил это «логическое» рассуждение: «Т. Бухарин говорит о «логических» основаниях. Все его рассуждение показывает, что он – может быть бессознательно – стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской» 2.

Взяв самый простой пример, полемически выставленный Бухариным, Ленин на этом примере блестяще показал отличие диалектического понимания «всесторонности рассмотрения» от эклектического его варианта.

«Логическое рассуждение» по типу «с одной стороны, с другой стороны», рассуждение, выхватывающее более или менее случайно различные стороны предмета и [79] ставящее их в связь опять-таки более или менее случайную, Ленин справедливо высмеивает, как рассуждение в духе школьной формальной логики.

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье и как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное» 3.

Рассуждение, скользящее от одного абстрактно-одностороннего определения предмета к другому столь же абстрактно-одностороннему, есть путь бесконечный и не ведущий ни к чему определенному. Если бы партия рассуждала о профсоюзах по этому принципу, то не могло бы быть и речи ни о какой принципиальной научно-продуманной политической линии. Это было бы равнозначно полному отказу от теоретического отношения к вещам вообще.

Позиция партии, четко выраженная Лениным, вовсе не отрицает того обстоятельства, что профсоюзы в разных общественных условиях, на разных фазах развития общества могут играть различную роль, служить разным целям, соответственно чему могут, разумеется, изменяться и формы их организации и методы работы и т.д.

Однако конкретная постановка вопроса, исходящая из понимания той роли, которую объективно – независимо от чьих-либо желаний и устремлений – играют и могут играть профсоюзы в системе органов диктатуры пролетариата в период перехода от

капитализма к коммунизму, приводит к выводу, что профсоюзное «с одной стороны то, с другой стороны другое», а со всех сторон есть школа, и только школа коммунизма, школа объединения, школа [80] солидарности, школа защиты пролетариатом своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления 4.

Это Ленин подчеркивает специально, указывая, что в споре с той неправильной платформой, которую выдвинул Троцкий, профсоюзы приходится рассматривать как школу и никак иначе. Ибо в этом и только в этом заключается их объективная роль, их цель, диктуемая их местом в системе диктатуры пролетариата.

И если кто-либо использует стакан не по назначению, – не в качестве стакана, а в качестве инструмента для бросания, – то и в этом большой беды нет. Но если дело касается такого «предмета», как профессиональные союзы, то это может кончиться весьма большой бедой. Поэтому-то партия так остро и реагировала на платформу Троцкого, согласно которой профсоюзы есть «административно-технический аппарат управления производством», и на бухаринскую попытку оправдать это понимание хотя бы в качестве «одностороннего».

Ленин отстаивает тезис, что это понимание нельзя принимать ни в качестве исчерпывающего определения, ни в качестве абстрактно-одностороннего определения существа профсоюзов.

Конкретно-историческая роль, цель и место профсоюзов в системе органов пролетарской диктатуры выражается только партийной позицией, профсоюзы со всех сторон, с какой ни посмотри, есть школа. Все остальные определения – суть производные от этого основного, главного, определяющего. Это определение выражает то, в чем состоит специфическая природа профсоюзов, то, благодаря чему они и могут играть свою роль как орган пролетарской диктатуры рядом с партией, рядом с государством и в тесном взаимодействии с ними.

Поэтому-то Ленин, продолжая ироническую аналогию со стаканом, и определяет позицию Троцкого, как позицию человека, который хочет использовать стакан по его действительному назначению, – как инструмент для питья, – однако, желая, чтобы этот стакан был без дна». Рассматривая профсоюзы как инструмент диктатуры пролетариата, Троцкий, тем не менее, отрицает как раз то, благодаря чему они только и могут выполнять свою [81] специфическую, отличающуюся от роли государства, необходимую роль: «У Троцкого платформа состоит из того, что стакан есть инструмент для питья, тогда как у данного стакана дна не оказалось» 5.

Позицию же Бухарина Ленин расценивает как мертвую бессодержательную эклектику, т.е. как бессмысленное перечисление одного абстрактного определения предмета за другим, перечисление, ни на чем конкретном не останавливающееся и ни к чему не ведущее, только дезориентирующее партию.

Обеим этим платформам Ленин противопоставляет четкую принципиальную и конкретную установку партии: профсоюзы есть инструмент коммунистического воспитания широких трудящихся масс, школа коммунистического объединения, солидарности, защиты интересов пролетариата от бюрократических элементов в государственных органах, школа хозяйничанья и управления, есть инструмент, с помощью которого трудящиеся превращаются в сознательных строителей коммунизма.

В этом конкретном определении выражена объективная роль профсоюзов в системе организаций, осуществляющих коммунистическое преобразование общества, т.е. их сущность и природа, не зависящая от чьих-либо капризов или субъективных целей.

Эклектика, всегда служившая методологией оппортунизма и ревизионизма, кичится своей любовью к всестороннему рассмотрению. Эклектик охотно рассуждает на тему о том, что всякая «односторонность вредна», что нужно учитывать и то, и это, и пятое и десятое. Но в его устах требование всесторонности рассмотрения превращается в орудие борьбы с диалектикой, с принципом конкретности в ее действительном значении.

Путь к конкретному теоретическому пониманию здесь подменяется нескончаемым блужданием от одной абстракции к другой такой же абстракции. Вместо того чтобы от абстрактного идти к конкретному, эклектик передвигается от абстрактного к абстрактному же. А это занятие столь же несложное, сколь и бесплодное.

Нетрудно это потому, что любой самый незначительный и «ничтожный» предмет обладает в реальности [82] актуально бесконечным количеством сторон, связей со всем окружающим его миром. В каждой капле воды отражается всё богатство вселенной. Даже бузина в огороде через миллиарды опосредующих звеньев связана с дядькой в Киеве, даже насморк Наполеона был «фактором Бородинского сражения». И если понять требование конкретности анализа как требование абсолютного учета всех без исключения эмпирических подробностей, деталей и обстоятельств, так или иначе связанных с исследуемым предметом, то конкретность окажется (как и любая категория, если ее толковать метафизически)

лишь голой абстракцией, лишь некоторым недостижимым идеалом, существующим в фантазии, но никогда не реализуемым в действительном познании. Теоретик же, исповедующий такое понимание конкретности, попадает в положение метерлинковского героя, гонящегося за синей птицей, которая перестает быть синей тотчас, как он ее схватывает.

И здесь, в проблеме отношения абстрактного к конкретному, метафизика оказывается тем мостиком, по которому мысль неизбежно приходит к агностицизму и, в конечном счете, к ликвидации теории как таковой, к представлению о том, что теория навсегда обречена вращаться в сфере более или менее субъективных абстракций и никогда не улавливает объективной конкретности.

Метафизическое понимание конкретности, как абсолютно полного учета всех эмпирических наличных обстоятельств, неизбежно делает исповедующего его человека очень податливым к аргументации субъективных идеалистов и агностиков.

Аргумент «от бесконечной сложности и запутанности» окружающего мира», это, пожалуй, самый ходовой дежурный аргумент современной буржуазной философии против марксистско-ленинской теории общественного развития. Основоположник экзистенциализма Карл Ясперс прямо начинает свою атаку на марксизм с заявления, что вся теория Маркса основывается «на вере в единое» и имеет характер «тотального воззрения». Эта вера, вера в то, что мышление может охватить свой предмет во всей совокупности его необходимых сторон, постигать его как «единство в многообразии», есть дескать, устаревший философский предрассудок, от которого «современная наука» отказалась. Современная наука в [83] противовес единой марксистской науке партикулярна» 6, – вещает Ясперс, – она давно отринула от себя гордыню и смирилась с тем, что ей доступны только «частности». «Единство знания» – по Ясперсу – это недостижимый идеал, миф.

Ясперс достаточно откровенно высказывает причину своей неприязни к «тотальному воззрению Маркса»: его раздражает «единство теории», и «единство теории с практикой», и именно с практикой коммунистического преобразования мира: «Политика, базирующаяся на таком понимании, полагает, что она в силах делать всё то, чего не могла предшествующая политика. Поскольку она обладает тотальным воззрением на историю, постольку она мнит себя способной разрабатывать и осуществлять тотальное планирование» 7.

Ясперсу вторит и его французский единомышленник Анри Ниль. Диалектико-материалистическое понимание конкретности его не

устраивает по той же причине: «Будь то в гегелевской, будь то в марксистской форме, диалектика основывается на возможности для человека охватывать мыслью тотальность существования», и потому с неизбежностью «превращается в религию плана» 8.

В ненависти к плану, к признанию возможности предвидеть, планировать и обеспечивать единство практических (прежде всего, разумеется, политических) действий людей и заключен главный мотив экзистенциалистских атак на «единство» («тотальность») учения Маркса. Собственно говоря, это не философия, а просто эмоции частного собственника, переведенные на язык философской терминологии. В беспланово-анархической стихии товарно-капиталистического общества он чувствует себя как рыба в воде. Какое дело Ясперсу и Нилю до того факта, что «единство существования» реализуется и здесь, правда, без плана, без сознательного намерения, но зато насильно, вопреки воле и сознанию, через кризисы, через войны, – через все те способы, которыми [84] старается утвердить свое «тотальное», господство современный капитализм?

Против этой, вполне реальной «тотальности», обрисованной Марксом и Лениным во всей ее неприглядности, экзистенциалисты спорят. Они стараются убедить, что такой «тотальности» вообще нет, что это – только иллюзия, только «мнимое знание», форма которого заимствована, де, у Гегеля, а затем насильственно наложена «на специфически-современное содержание».

Здесь что ни слово, то ложь. Конкретность теории (которую Ясперс и Ниль в явно нечистых целях предпочитают именовать грозно звучащим словечком «тотальность») в понимании Маркса и Ленина как раз враждебна и чужда какому бы то ни было «наложению формы знания» на материал, на реальное многообразие явлений.

Конкретность мышления заключается именно в том, чтобы «...установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни» 9

Точно установленные факты, бесспорные факты в их собственной совокупной связи, факты, взятые в целом, в их конкретно-исторической обусловленности, – вот на чем, прежде всего, настаивает Ленин, раскрывая марксистский принцип «конкретности мышления». Весь смысл этого принципа как раз и заключается в том, что «...необходимо брать не отдельные факты, а

всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...» 10.

На этот принцип Ясперс и нападает, возводя в добродетель «партикулярный» характер, присущий якобы «современной науке», то есть ту самую манеру произвольно выхватывать факты и фактики из их объективной взаимосвязи, чтобы затем истолковывать их вне связи, вне целого, вне их взаимозависимости, которая крайне характерна для буржуазной мысли наших дней.

Вот еще одна тирада подобного сорта: [85] «Действительность в высшей степени сложна и запутана. Ни мысль, ни эмпирический опыт не в состоянии охватить действительность в ее единстве и совокупности. Тотальную действительность мы можем только переживать» 11.

Что же касается «познания», то рассуждают так:

«Всякое мыслящее познание бесконечной действительности конечным человеческим, духом покоится на молчаливой предпосылке, что лишь конечная часть таковой образует предмет научного понимания, что только она должна считаться «существенной», в смысле «познавательно-ценной»» 12. Но вопрос о том, чем мы должны интересоваться, а что можем игнорировать, что «ценно», а что нет – «это вопрос о ценности, и потому может быть решен только на основании субъективных оценок» 13.

Иными словами, «предметом науки» никогда не может стать объективно (на объективном основании) очерченное «целое», а только «партикулярная» область фактов, границы которой каждый ученый волен прочерчивать там, где ему заблагорассудится.

«Выбор всегда необходимо субъективен. Это – забота отдельного представителя науки – делать выбор. Никто тут не может ему что бы то ни было предписывать, даже хотя бы рекомендовать. Ибо выбор всегда связан с ценностью, а ценность доказать нельзя» 14.

Если речь идет о «предмете» политической экономии, то этот взгляд оборачивается так: предмет политической экономии – «это область интересов всех тех, кто либо сам себя называет экономистом, либо назван так другими» 15. В состав предмета политэкономии, таким образом, надо включать все то, что под этим названием принято иметь в виду «среди «всех образованных людей».

«Единство объекта» – это не логическая структура [86] проблем; это – мысленная связь проблем, составляющих, область труда некоторой науки» 16.

Этот букет набран из сочинений самых разных авторов: здесь и современные буржуазные экономисты, и философы-экзистенциалисты, и неопозитивисты, и представители так называемой «социологии знания». Во многом они расходятся между собой. Однако против материалистического, понимания «конкретности знания» они выступают дружным и единым фронтом. И ход рассуждения, везде одинаков: поскольку никакое «единое целое» нельзя охватить мыслью в силу его бесконечной сложности, постольку надо удовлетвориться «партикулярным знанием», более или менее произвольно выделенными группами фактов и фактиков.

«В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры» 17, – отмечал Ленин. Этот жульнический прием современная буржуазная философия и возводит в добродетель. Конечно, подбирать примеры и фактики под заранее и совершенно бездоказательно выставленный тезис о «ценности» легче, чем исследовать факты с такой тщательностью, как исследовал их Маркс, более двадцати пяти лет собиравший материалы для «Капитала». Но наука не может руководствоваться принципом «легкости» или «экономии умственных усилий». Наука – тяжелый труд. И ее высшим принципом навсегда останется принцип конкретности знания и истины.

1 Ленин В.И. Сочинения, т. 25, с. 372.

2 Там же, т. 32, с. 71.

3 Там же, с. 71-72.

4 Там же, с. 74-75.

5 Там же, т. 32, с. 78.

6 Jaspers K. Vernunft und WIDERVERNUNFT in unserer Zeit. München, S. 14.

7 Ibid., S. 15.

8 Niel, H. La dialectique de Hegel et la dialectique marxiste. Paris, 1956, p. 235.

9 Ленин В.И. Сочинения, т. 23, с. 286.

10 Там же.

11 Vito F. Bemerkungen über grundlegende Fragen der Wirtschaftstheorie. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. 153, Heft 3/4; 1941. Verlag von J. Fischer, Jena, S. 332.

12 Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen,

1957, S. 171.

13 *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1924, S. 420.

14 *Tagwerker H.* Beiträge zur Methode und Erkenntniß in der theoretischen Nationalökonomie. Wien, 1957, S. 43.

15 *Kannan E.* Der wirtschaftliche Wohlstand. Sammlung Dalp, B. XII. Berlin, 1948, S. 5.

16 *Tagwerker H.* Beiträge zur Methode, S. 28.

17 *Ленин В.И.* Сочинения, т. 23, с. 286.

Спиралевидный характер развития действительности и ее теоретического отражения

Итак, под конкретностью теории материалистическая диалектика понимает отражение *всех необходимых* сторон предмета в их взаимной обусловленности, в их *внутреннем взаимодействии*.

Взаимный характер обусловленности, типичный для всякого диалектически расчлененного целого, обязывает [87] теорию ко многому и одновременно дает в руки теоретика четкий критерий для выделения из чувственно-данного многообразия лишь *внутренне необходимых определений*.

Это непосредственно означает, что каждая из конкретных абстракций (совокупность которых составляет теорию) отражает лишь такую форму существования предмета, которая является одновременно и всеобщим необходимым *условием* всех других и столь же всеобщим и необходимым *следствием* их взаимодействия.

Этому условию удовлетворяет, например, уже проанализированное нами определение человека как существа, производящего орудия труда. Производство орудий труда, производство средств производства, есть не только всеобщая (и логически и исторически) *предпосылка* всех остальных форм человеческой жизнедеятельности, но и постоянно воспроизводимый *результат, следствие* всего общественного развития в целом.

Человечество в каждый момент своего развития вынуждено с необходимостью воспроизводить, т.е. полагать как свой продукт, свою собственную всеобщую основу, всеобщее условие существования общественно-человеческого организма в целом.

Сегодня производство орудий труда, развившихся до фантастически сложных машин и агрегатов, остается, с одной

стороны, как и на заре человеческого развития, всеобщей объективной основой всего остального развития. Но, с другой стороны, оно по существу зависит от уровня развития науки, своего собственного отдаленного порождения, от своего собственного следствия и зависит в такой степени, что машины можно рассматривать (не переставая быть материалистом) как «...созданные человеческой рукой органы человеческого мозга...» 1 Так и товар, и деньги и «свободная» рабочая сила – все это не в меньшей мере продукты капитала, следствия его специфического движения, чем его же исторические предпосылки, условия его появления на свет. При этом такие продукты, которые он воспроизводит во все более расширяющихся масштабах, невиданных до его появления.

Эта диалектика всякого действительного развития, [88] в котором всеобщее необходимое условие возникновения предмета становится его же собственным всеобщим, и необходимым следствием, это диалектическое «переворачивание» условия в обусловленное, причины – в следствие, всеобщего – в особенное и есть характерный признак внутреннего взаимодействия, благодаря которому действительное развитие приобретает форму круга, а точнее, – спирали, все время, с каждым новым оборотом расширяющей масштабы своего движения.

Одновременно с этим происходит и то своеобразное «замыкание на себя», которое превращает совокупность единичных явлений в относительно замкнутую систему, в конкретней, исторически развивающийся по своим собственным законам единый организм.

Маркс резко подчеркивал такой характер взаимодействия внутри системы товарно-капиталистического производства: «Если в развитой буржуазной системе... каждое *полагаемое* есть одновременно *предпосылка*, то это имеет место в любой органической системе» 2. Подчеркнутые слова прямо выражают то обстоятельство, что «круговой» характер взаимодействия вовсе не есть специфический закон движения и существования капитализма, а *всеобщий закон* диалектического развития, закон диалектики. Именно он лежит в основе логического закона совпадения абстрактного и конкретного, в основе диалектико-материалистического понимания теоретической конкретности.

Но тот же самый закон спиралевидного развития системы взаимодействующих явлений ставит мышление перед особыми трудностями, такими трудностями, которые не разрешимы без диалектического метода вообще и без четкого представления о диалектике абстрактного и конкретного в частности.

Буржуазные экономисты, сталкиваясь в исследовании с этим обстоятельством – со спиралевидным характером взаимообусловленности различных форм буржуазного «богатства», с неизбежностью попадали в круг при определении важнейших категорий. Маркс обнаружил этот безвыходный круг уже при первой попытке анализа экономических теорий английской экономики, в 1844 году. [89] При анализе рассуждений Сэя он обнаруживает, что тот, как и другие экономисты, везде подставляет понятие стоимости под объяснение таких явлений, которые потом сами молчаливо предполагаются при разъяснении стоимости, например, понятия «богатство», «разделение труда», «капитал» и т.п.

«Богатство. Здесь уже предположено понятие «стоимости», которое еще не развито; ведь богатство определяется как «сумма стоимостей», как «сумма вещей, обладающих стоимостью», которыми владеют...» 3. Пятнадцать лет спустя, возвращаясь к этому пункту, Маркс раскрывает тайну этого безвыходного логического круга: «Если в теории понятие стоимости предшествует понятию капитала, но, с другой стороны, предполагает в качестве условия своего чистого развития способ производства, основанный на капитале, то это имеет место и в практике. Поэтому экономисты неизбежно рассматривают в одних случаях капитал в качестве творца стоимости, в качестве источника последней, а в других – предполагают стоимость для объяснения образования капитала, а сам капитал изображают всего лишь как сумму стоимостей в некоторой определенной функции» 4.

Этот логический круг в определениях получается с неизбежностью именно потому, что любой предмет в действительности есть продукт диалектического развития, благодаря которому исследуемая наукой реальность всегда выступает как система взаимообуславливающих друг друга сторон, как исторически возникшая и развившаяся конкретность.

Капитал, действительно предполагая и деньги и стоимость в качестве предпосылок своего возникновения, при своем рождении тотчас превращает их во всеобщие формы своего собственного движения, в абстрактные моменты своего специфического бытия. В итоге он и предстает перед глазами наблюдателя, созерцающего уже исторически сложившееся отношение, в качестве творца, стоимости. И трудность заключается здесь в том, что только появление капитала превращает стоимость в [90] *реально-всеобщую* экономическую форму всего производства, всей системы экономических отношений. До этого – до появления капитала – стоимость является чем угодно, но только не *всеобщим* экономическим отношением, уже потому, что в нее не входит

такой важнейший «особенный» фактор производства, как рабочая сила.

Рассечь логический круг в определении стоимости и капитала «невозможно никакими логическими ухищрениями, никакими семантическими манипуляциями с понятиями и их определениями», ибо он возникает вовсе не из «неправильности» в определении понятий, а из непонимания диалектического характера взаимосвязи между тем и другим, из отсутствия действительно исторического подхода к исследованию этой взаимосвязи. Только исторический подход дает возможность найти выход из круга, точнее, – вход в него. Поскольку буржуазным экономистам чужд такой подход, постольку круг для них безвыходен.

Неудача таких попыток связана с непониманием конкретности как исторически развившейся и продолжающей разбиваться системы внутренне взаимодействующих явлений, как исторически развившегося «единства в многообразии». Но именно такое – диалектическое – понимание конкретности дало Марксу в руки методологический ключ к решению основных теоретических проблем политической экономии, в частности, с этим связано то обстоятельство, что только Марксу удалось рационально разрешить и тайну товарного фетишизма. В состав конкретности товарно-капиталистического мира входят лишь те объективные формы движения, которые этот мир не только предполагает в качестве предпосылок, но и сам же воспроизводит как свой специфический продукт, полагает как свое следствие.

Ведь и солнце, и товар, и полезные ископаемые, и деньги, и «свободная» рабочая сила, и наличие машинной техники – всё это одинаково объективные предпосылки и условия, при отсутствии которых капитал ни возникнуть, ни существовать не может. Но ни природные условия возникновения, ни технические характеристики машин, ни антропологические особенности человека с его способностью трудиться не составляют всеобщих и необходимых имманентных форм существования капитала. [91]

В виде конкретных теоретических характеристик анализ Маркса удерживает лишь те всеобщие и необходимые условия бытия капитала, которые движением самого же капитала и воспроизводятся. Капитализм воспроизводит не рабочую силу как таковую, не полезные ископаемые и прочие вещественные компоненты, а рабочую силу как товар, т.е. ту общественную форму, в которой рабочая сила функционирует внутри развитой системы капиталистических отношений.

Рабочую же силу как таковую, как совокупность психических и физиологических способностей создает, производит и

воспроизводит иной процесс или процессы. Капитализм ее не производит. Точно так же, как не производит ни солнечного света, ни полезных, ископаемых, ни воздуха и т.п., зато он воспроизводит те общественные формы, внутри которых и посредством которых все эти вещи приобщаются к его специфическому движению и совершают свое движение внутри его организма, как его формы.

Примененный здесь Марксом критерий для различения имманентных форм движения предмета есть критерий по существу всеобщий, логический. Это значит, что любой единичный предмет, вещь, явление, факт приобретает ту или иную конкретную форму своего существования от того конкретного процесса, в движение которого он оказывается вовлеченным; любой конкретной формой своего существования любой единичный предмет обязан не себе, не своей самодовлеющей единичной природе, а той конкретной исторически развившейся системе вещей, в которую он попал, внутри которой он возник.

Золото само по себе вовсе не есть деньги. Деньгами его делает процесс товарно-денежного обращения, в который золото вовлечено. «Стул на четырех ножках под бархатным покрывалом в известных условиях представляет *трон*, но на этом основании этот стул, эта вещь, служащая для сиденья, не есть трон благодаря природе своей потребительной стоимости» 5, т.е. он по своей имманентной природе, «в себе и для себя», взятый в абстракции от тех специфических условий, внутри которых он только и есть трон, тронем вовсе не является. [92]

Здесь ясно видно, какое огромное значение имело диалектическое понимание конкретности теоретических абстракций в процессе преодоления натуралистических фетишистских иллюзий, окутывающих природу стоимости, как и всех производных от нее форм, вплоть до процента, ренты и т.п.

Золото по своей природе является деньгами столь же мало, сколь мало уголь по своей природе есть топливо для паровоза, сколь мало луна является покровительницей влюбленных, а человек – рабом или патрицием, пролетарием или буржуа, философом или математиком. И, например, искать реальную основу математических способностей в физиологических особенностях мозга столь же нелепо, сколь нелепо искать определения денег путем химического, анализа золота.

Но здесь есть одна тонкость, которую диалектика призывает учитывать. И уголь, и человек, и мозг человека сами по себе должны обладать такими особенностями, такими качествами, благодаря которым тот процесс, в который они вовлечены, может

превратить их в формы своего собственного движения, своего бытия.

Золото, а не глина и не кусочки гранита оказывается тем природным материалом, в котором реализуется всеобщая форма стоимости. И здесь природные, физико-химические качества играют свою роль. Но эти природные свойства все же не при чем, когда речь идет о *сущности*, о *природе* денежной формы стоимости как таковой. Эта форма развивается в процессе товарного обращения независимо от природных свойств золота. Именно сфера обращения развивает ту «чистую экономическую форму», которая уже затем «подыскивает» наиболее пластичный и послушный ее требованиям материал для своего воплощения. И как только золото оказывается недостаточно гибким и пластичным средством, «материей» выражения все новых и новых развивающихся особенностей денежной формы, оно заменяется бумагой, кредитными билетами, безналичным банковским расчетом и т.д.

Из этого рассмотрения видно, какая объективная реальность была мистифицирована аристотелевской (а затем и гегелевской) диалектикой в виде учения об энтелехии, о той «чистой форме», существующей вне и независимо от «материи», в которую она затем [93] воплощается, которую она «формирует» на свой лад, в соответствии с заключенными в ней требованиями. Это опять-таки *реальная объективная конкретность как система взаимодействующих вещей*, попадая в которую единичная вещь подчиняется ее требованиям и обретает форму существования, ранее ей несвойственную.

Диалектико-материалистическое понимание конкретности тем самым разбило последнее убежище умного, диалектического идеализма, так как дало рациональное разрешение тайны энтелехии, тайны всеобщего как «целевой причины», как «чистой формы», развивающейся вне и независимо от мира единичных вещей и подчиняющей эти вещи своему специфическому движению.

Реальность, которая идеалистически и мистифицированно выражена в представлении о понятии как о целевой причине, как о деятельной форме, – это не что иное, как реальная объективная конкретность, т.е. исторически возникающая и развивающаяся система взаимообуславливающих явлений, сложное диалектически расчлененное целое, в которое включена каждая отдельная вещь и которое обуславливает конкретную природу и форму вещи.

Материалистически понимаемая категория взаимодействия и раскрывает тайну «целевой причины»: «...взаимодействие является истинной *causa finalis* вещей» 6, – формулирует этот тезис Энгельс.

Сказанное выше нуждается в одном существенном разъяснении. Совершенно ясно, что каждая наука отражает в своих категориях лишь специфические формы и закономерности конкретной системы взаимодействующих явлений, составляющей ее специальный предмет, и абстрагируется от всего остального, несмотря на то, что без этого «остального» ее предмет исследования не возможен и не мыслим.

Политическая экономия, например, раскрывает в систематической форме конкретную совокупность общественно-производственных отношений между людьми, оставляя в стороне технологическую сторону связи, биологические отношения между индивидами, хотя без этого люди реально не существуют и не могут существовать. [94]

Совершенно ясно, что все те изменения, которые происходят внутри системы производственных отношений, вся эволюция системы производственных отношений и норм экономической связи на деле зависят от процесса развития производительной силы человека, более того, определяются этим развитием.

Тем не менее Маркс в «Капитале» рассматривает систему товарно-капиталистических отношений как «саморазвивающуюся систему», как замкнутую «в себе» конкретность, движущие пружины развития которой находятся внутри нее самой, в ее внутренних противоречиях, в имманентных противоречиях экономической формы. Но ведь, строго говоря, действительные движущие пружины эволюции системы производственных отношений заключены не внутри нее самой, а в процессе развития производительных сил. Если производительные силы не развиваются, то никакая «внутренняя» диалектика системы экономических отношений не вызовет ее эволюции. Однако Маркс исследует способ производства в целом и потому фиксирует, диалектическую взаимообусловленность производительных сил и производственных отношений. Поэтому развитие производительных сил берется здесь не само по себе, не только как причина, но и как следствие, результат и продукт обратного воздействия системы производственных отношений на производительные силы.

В «Капитале» показан, например, тот механизм, благодаря которому появление экономической формы относительной прибавочной стоимости вызывает рост производительности труда, вынуждая капиталиста заменять ручной труд машинным, побуждая его развивать техническую базу производства прибавочной стоимости.

Но ведь ясно (это показывает сам Маркс), что на деле именно появление машин вызывает к жизни относительную форму прибавочной стоимости, что именно появление машин есть подлинная причина того обстоятельства, что абсолютная форма прибавочной стоимости вытесняется относительной ее формой.

Ясно, что относительная прибавочная стоимость становится доминирующей формой прибавочной стоимости именно потому, что она более соответствует машинному труду, нежели абсолютная, увеличение которой связано [95] с простым удлинением рабочего дня при неизменной производительности труда.

Все дело заключается, однако, в том, что само это соответствие экономической формы ступени развития производительной силы есть, в свою очередь, соответствие диалектическое. Относительная прибавочная стоимость соответствует машинному производству именно потому, что она не остается пассивной формой, внутри которой работают машины, а становится активной формой, оказывающей сильнейшее обратное воздействие на машинное производство, т.е. на свою собственную, породившую ее основу, развивает свою собственную основу и создает тем самым новый стимул своего движения.

Здесь происходит то самое превращение причины в следствие, которое характерно для всякого действительного развития. И это обстоятельство очень важно для понимания тех путей, которыми двигался в исследовании Маркс.

Маркс рассматривал процесс эволюции системы производственных отношений, основанных на наемном труде. Главное его внимание все время было направлено на те изменения, которые происходят внутри системы производственных отношений, внутри экономической структуры общества. Развитие же производительных сил само по себе, независимое от той или иной формы производственных отношений, в «Капитале» не рассматривается. Это предмет другой науки – технологии.

Маркс берет как данное тот факт, что сами по себе производительные силы развиваются независимо от той или иной конкретно-исторической формы отношений между людьми, и предполагает его как факт, не подлежащий специальному исследованию внутри политической экономии.

Значит ли это, что развитие системы производственных отношений вообще рассматривается им вне связи с развитием производительных сил? Как раз наоборот. На деле внутри системы экономических отношений прослеживаются именно те изменения, которые вызваны развитием производительных сил. Более того,

именно потому, что в политической экономии развитие производительных сил само по себе не рассматривается, воздействие этого развития на систему экономических форм, его взаимодействие с последней постигается конкретно-исторически, т.е. [96] именно в том виде, в каком это воздействие имеет место в мире частнокапиталистической собственности.

Ведь характер изменения, вносимого новым приращением производительных сил в систему производственных отношений, целиком зависит от специфических особенностей той системы, в которую это изменение вносится. Так, развитие производительных сил, вызванное открытием атомной энергии, приводит к одним экономическим последствиям в СССР и к прямо противоположным – в США. Это целиком подобно тому, как одна и та же вода производит одно действие на кусочек раскаленного угля, и совсем другое – на кусочек металлического натрия.

Таким образом, всякое новое приращение производительных сил не создает автоматически прямо соответствующего себе экономического отношения, общественно-экономической формы, а определяет – то *направление*, в котором эволюционирует уже имеющаяся исторически сложившаяся система экономических отношений. И дело не изменяется от того, что ранее сложившаяся система экономических отношений сама есть от начала до конца продукт всего предшествующего развития производительных сил.

Конкретно-исторически сложившаяся система экономики есть всегда относительно самостоятельный организм, оказывающий обратное воздействие на свою собственную основу – на совокупность производительных сил и преломляющий всякое воздействие последних через свою специфическую природу. Совокупность экономических форм, связанных в единую, развившуюся из одного основания систему, и составляет ту специфическую природу экономического организма, которая тем самым обретает относительную самостоятельность по отношению к самим производительным силам.

Политическая экономия как особая наука и имеет своим предметом как раз те формы, в которых выражается относительная самостоятельность системы производственных отношений. Определяющее влияние производительных сил на производственные отношения раскрывается конкретно-исторически именно благодаря тому, что само по себе взятое развитие производительных сил не рассматривается, а рассматривается только внутренняя логика эволюции системы производственных отношений, внутренняя логика [97] становления и развития этой системы. И тем самым процесс, в котором производительные силы создают соответствующие себе

производственные отношения, прослеживается в полной мере конкретно. В противном случае исследование остается в области абстрактной фразы.

Все сказанное имеет отношение не только к политической экономии, но и к любой теоретической дисциплине. Каждая наука обязана разворачивать систематическое понимание именно таких форм существования своего предмета, которые выражают его относительную самостоятельность, а не абстрактно-общее ему со всеми другими.

Производительные силы ничего не создают каждый раз заново, на голом месте (такой случай реален только на заре человеческого развития), а определяют вид и характер изменений, происходящих внутри уже сложившейся системы производственных отношений. Так же обстоит дело и с развитием всех форм духовной культуры, с развитием права и политических учреждений, философии и искусства.

«Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом...» 7, – подчеркивал Энгельс, усматривая в этом важнейшее отличие теории исторического материализма от абстрактных рассуждений вульгаризаторов, сводивших всю конкретную сложность реального процесса духовного развития к абстрактной фразе о том, что экономика – первична, а все остальное – ее продукт.

Следовательно, исторический материализм полностью учитывает то обстоятельство, что преобладающее воздействие экономики всегда имеет место «в рамках условий, которые предписываются самой данной областью» 8, т.е. один и тот же экономический сдвиг производит один эффект и сфере искусства и другой, непохожий на него, – в сфере права, и т.д.

Трудность всегда заключается не в том, чтобы «свести» то или иное явление в сфере права или искусства к его [98] экономической причине. Это не так трудно сделать. Но это не есть исторический материализм. Марксистская философия вообще стоит не на точке зрения «сведения», а на точке зрения «выведения», т.е. в каждом конкретном случае она требует понять, почему данный сдвиг в экономике отразился и политике или искусстве так, а не как-нибудь иначе.

Но такая задача предполагает теоретическое понимание той специфической природы, через которую преломляется, отражаясь и ней, экономический сдвиг. Каждая из «надстроечных» сфер

деятельности общественного человека должна быть понята и раскрыта как система исторически сложившихся конкретно специфичных для нее форм отражения экономики, сферы общественного бытия человека.

Все философские и логические принципы, которыми руководствовался Маркс в исследовании системы товарно-капиталистических отношений, как исторически сложившейся системы взаимодействия, применимы в любой естественной и общественной науке.

Рассмотрим лишь один пример – пример возникновения правовых норм. Необходимым всеобщим условием возникновения любой правовой нормы является так называемое «фактическое отношение», как именуют юристы неправовой, чисто экономический факт. Этот факт, взятый сам по себе, лежит вне компетенции правоведа и относится к сфере политической экономии.

Но все дело в том, что далеко не всякое экономическое отношение, не любое «фактическое отношение» порождает соответствующую правовую норму, а лишь такое, которое объективно нуждается в правовой охране, т.е. требует насильственного подчинения воли индивидов. Иными словами, в охране нуждается лишь такое экономическое отношение, которое с помощью нормы права утверждается затем как *результат действия права*. При коммунизме, например, именно потому отпадает необходимость права и самой системы правовых норм, что сама форма экономических отношений, – коммунистическая форма собственности (как «фактическое отношение») обретает такой характер, что не будет нуждаться в правовой форме своего утверждения.

Следовательно, лишь такое экономическое отношение, лишь такой неправовой факт, который нуждается в [99] правовой форме своего утверждения, является реальной предпосылкой и условием возникновения правовой нормы. Иными словами, реальным условием правовой нормы оказывается всегда лишь такой и только такой правовой факт, который *активно* (т.е. в качестве следствия применения права) утверждается и охраняется всей системой действующего права. Если же то или иное «фактическое отношение» не нуждается в правовой охране и утверждении, не выступает как *следствие* применения права, то оно и причиной права не является. В данном случае правовая норма вообще не возникает, а возникает моральная или другая норма.

Это и означает, что реальной предпосылкой и условием появления правовой нормы всегда выступает только такое

экономическое отношение между людьми, которое правовой нормой утверждается как *продукт*, как *следствие* ее применения, и на поверхности выступает именно как *следствие* права, а не его причина. В данном случае опять имеет место факт диалектического превращения причины в следствие, связанный со спиралевидным характером всякого действительного развития взаимообуславливающих друг друга явлений. И именно этот реальный факт, будучи освещен и понят односторонне, лишь со стороны активного обратного влияния общественного сознания во всех его формах на общественное бытие, на сферу экономических отношений людей друг к другу и к природе, и дает в итоге разнообразные идеалистические концепции.

На абстрактной абсолютизации этой стороны дела – активного обратного воздействия мышления на все остальные сферы деятельности, включая экономику и область отношения человека к природе, – и развилась гегелевская концепция, объявляющая в итоге всю общественную жизнь человека, и даже самую природу, «следствием», «продуктами» мышления в понятиях, порождениями логической деятельности «всеобщего разума». Именно факт относительной самостоятельности мышления, логического развития человека, благодаря которой мышление и оказывает активное обратное влияние на все области деятельности человека (включая экономику), Гегель фиксирует односторонне. И эта односторонность как раз совпадает с объективно-идеалистическим толкованием вопроса об отношении мышления к бытию. [100]

Отвергая тезис об *абсолютной* самостоятельности логического процесса, системы логических категорий, логика марксизма-ленинизма учитывает факт относительной самостоятельности сферы логической деятельности общественного человека, факт активности логических категорий в процессе восприятия и анализа чувственных данных. Мышление не есть простой пассивный слепок с «общих форм» чувственно-данных фактов, а есть особый способ духовной деятельности общественно развитого субъекта. Всеобщие формы, в которых протекает эта деятельность (логические категории), образуют не случайный набор наиболее общих абстракций, а систему, внутри которой каждая категория конкретно определяется через все остальные.

В системе логических категорий осуществляется та же самая субординация, что и в системе понятий любой науки, отражающей диалектически расчлененное целое. Эта субординация не носит «родо-видового» характера: категория количества, например, не является ни видом качества, ни родом по отношению к причинности или к сущности. Поэтому логическую категорию принципиально невозможно определить путем «подведения под высший род» и указанием на ее «собственный признак». Это лишний

раз подтверждает тот факт, что действительное понятие существует только в системе понятий и через нее, а вне системы превращается в пустую абстракцию лишенную четких определений.
– в простой термин, название. [101]

-
- 1 *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). Moskau, Verlag für fremdsprachige Literatur, 1939, S. 594.*
 - 2 *Ibid., S. 189 (курсив наш. – Э.И.).*
 - 3 *MEGA. B. III, I-te Abt. Berlin, Marx-Engels Verlag. GMBH, S. 449.*
 - 4 *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, S. 163.*
 - 5 *Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). Москва, Партиздат, 1933, с. 47.*
 - 6 *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, с. 407.*
 - 7 *Энгельс Ф. Письмо к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XXVIII, с. 261.*
 - 8 Там же.

Научная абстракция (понятие) и практика

Всеобщей предпосылкой и условием, на основе которого возникает и развивается весь сложный механизм познавательных способностей человека, активно преломляющий чувственные впечатления, всегда была и остается практика – активная чувственно-предметная деятельность общественного человека. Но раз возникнув, а тем более развившись до высокой степени, система форм логической деятельности (категорий) оказывает обратное, и весьма существенное, воздействие на самую практику. На этой основе марксистско-ленинская философия и решает вопрос об отношении эмпирических абстракций к абстракциям теоретического мышления. [101]

В явлении, открытом непосредственному созерцанию, вещи сплошь и рядом выглядят совершенно иначе, чем в сущности, выражаемой понятием. Если бы одно с другим совпадало прямо и непосредственно, нужды в науке, в специальном теоретическом анализе явлений вообще не возникло бы.

Но именно поэтому простая ссылка на тот факт, что в явлении, открытом непосредственному созерцанию, можно констатировать такие-то и такие-то «общие признаки», еще не может служить полновесным доводом ни за, ни против абстракции понятия. В те времена, когда Жан-Жак Руссо сформулировал свой исторический тезис – «человек рожден свободным, а между тем повсюду он в оковах» – большинство людей действительно проводило «в оковах»

всю свою жизнь, от колыбели до могилы. Тезис о том, что все люди от рождения, в сущности, равны, ссылкой на эмпирически-общее положение дел никак в те времена не подтверждался. Тем не менее историческая и теоретическая правда была на стороне философских теорий Просвещения, а не на стороне их противников.

Непосредственное созерцание и абстракции, возникающие на его почве, всегда и везде отражают явления окружающего мира под углом зрения наличных, сложившихся на сегодняшний день практических отношений человека к человеку и человека к природе. Созерцает природу живой, конкретный исторически-определенный индивидуум, вплетенный в сеть общественных отношений, т.е. существо, стоящее в активном, практически-предметном отношении к окружающему миру, а вовсе не фантастический, якобы «пассивно созерцающий» субъект. Но именно поэтому очень часто общественно-исторические свойства вещей и сливаются в глазах индивидуума с их природными свойствами, а преходящие свойства вещей и самого человека начинают казаться вечными, с сущностью самих вещей сращенными свойствами. Подобные фетишистские, натуралистические иллюзии (товарный фетишизм – лишь пример) и абстракции, их выражающие, поэтому и нельзя опровергнуть простым указанием на вещи, данные в созерцании. Вещи, данные в созерцании индивиду буржуазного («гражданского») общества, на поверхности именно таковы, какими они ему кажутся. Эти иллюзии и абстракции формируются [102] отнюдь не только в сознании индивидуума буржуазного общества, но и в самой реальности экономических общественных отношений, которую он созерцает. Поэтому-то Маркс и указывал, что точка зрения созерцания индивида, сформированного «гражданским», т.е. буржуазным обществом, не позволяет рассмотреть действительность в ее истинном свете, и этой точки зрения (а на ней, как указывал Маркс, стоял весь старый материализм, включая фейербаховский) вещи и в созерцании выступают окутанными туманом фетишистских иллюзий. В живом созерцании индивидуум всегда активен; «пассивное созерцание», якобы позволяющее сразу увидеть вещи такими, каковы они суть на самом деле, принадлежит к разряду фантазий старой философии. В реальном, живом созерцании – вещи всегда даны под углом, зрения наличной практики.

Это, конечно, вовсе не значит, что в теоретическом мышлении вещи должны выступать вне всякой связи с практикой, должны постигаться «чисто незаинтересованно», как то изображали материалисты до Маркса. Как раз наоборот. Разница заключается в том, что абстракции теоретического мышления связаны с практикой не столь непосредственно, как абстракции живого созерцания, но зато гораздо шире и глубже.

Эмпирические, абстракции, возникающие в голове практически действующего члена буржуазного общества, подвергаются Марксом критике с точки зрения той же практики. Однако практика сама берется здесь во всем ее действительном объеме и, что еще важнее, в перспективе.

Принцип критического преодоления эмпирических абстракций буржуазного сознания у Маркса таков: он исходит из того, что если стоять на точке зрения созерцания индивида буржуазного общества, то вещи действительно будут выглядеть именно так, как они ему кажутся. Следовательно, критика абстракций эмпирического сознания индивида должна начинаться с критики той точки зрения, той позиции, с которой он рассматривает вещи, с разоблачения узости этого угла зрения.

Более широкий угол зрения, позволяющий охватить явления во всем их действительном содержании, совпадает у Маркса с точкой зрения практики, взятой в ее [103] необходимой перспективе, прочерченной мысленно в будущее. Прорывая узкий горизонт наличной (буржуазной) практики, теоретический взгляд на вещи порывает не с практикой (как то казалось тому же Фейербаху), а только с данной исторически преходящей ее формой. Тем самым теоретический взгляд на вещи совпадает с практикой в ее действительном значении, в ее революционном и революционизирующем значении, а потому и с точкой зрения класса, такую- практику осуществляющего.

С таким пониманием отношения абстракций к практике и связана гносеология Маркса. Точка зрения практики, указывал Ленин, является исходной точкой зрения теории познания. Не надо только забывать, что здесь имеется в виду действительная точка зрения революционной практики, взятой во всем ее объеме и перспективе, и ни в коем случае не узкопрагматическая точка зрения, как это клеветнически изображают некоторые ревизионисты, повторяющие сплетни буржуазных идеологов.

С этим и связано учение Маркса и Ленина о понятии, и в частности то положение, что простое соответствие непосредственно наблюдаемым «общим признакам» явления еще не есть критерий истинности понятия. В результате же практического изменения может оказаться, что те признаки вещи, которые наблюдались как постоянно повторяющиеся, как общие, вовсе исчезнут, а то, что выступало в явлении, открытом созерцанию, как исключение из правила, как раз и окажется выражением сущности вещи.

Чтобы проверить, правильно или неправильно наше представление о том, как обстоят дела вне нашего сознания (т.е.

соответствует ли наше представление вещи), достаточно внимательно рассмотреть вещь, сравнить представление с фактическим положением дел, с общим в фактах. Но для того, чтобы определить, принадлежит это общее вещам с необходимостью, заложенной в их конкретной природе, или не принадлежит, требуется иной критерий. Этим критерием является не пассивное созерцание (пусть самое тщательное и внимательное), а практика, активно изменяющая вещь.

Истинность понятия доказывается не путем сравнения его определений с эмпирически-общими признаками фактов, а более сложным и опосредованным путем, [104] включающим в себя практическое преобразование эмпирической действительности. Окончательной инстанцией проверки понятия оказывается практика. Соответствие понятия предмету доказывается в полной мере лишь тогда, когда человеку удастся найти, воспроизвести или создать предмет, соответствующий тому понятию, которое он образовал.

Поскольку же понятие выражает сущность вещи, а не то абстрактно-общее, которое открыто созерцанию и представлению, постольку понятие и нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть ссылкой на то, что все единичные факты, данные созерцанию, обладают или не обладают в данный момент такими-то и такими-то признаками. Маркс ни одну другую манеру теоретизировать не третировал так презрительно, как манеру вульгарных экономистов, полагающих, что они опровергают теорию, когда им удастся показать, что вещи в явлении выглядят иначе, чем в сущности, выражаемой понятием. «...Вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он раскрытию внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи иначе выглядят. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное. К чему же тогда вообще наука?» 1

Сущность вещи, выражаемая в ее понятии, заключается в конкретной системе взаимодействия ее с другими вещами, в той системе объективных условий, внутри которых и посредством которых она есть «то, что она есть». Каждая единичная, отдельно взятая, вещь заключает в своем составе свою собственную сущность не в виде актуально-данного общего признака, а потенциально, только как элемент некоторой конкретной системы взаимодействующих вещей. Как непосредственно наблюдаемое общее эта сущность в ней реально (а потому и в созерцании) не осуществляется, а если и осуществляется, то, во всяком случае, не сразу, а только в процессе ее движения, изменения, развития.

Важность этого обстоятельства можно ярко проиллюстрировать на истории понятия пролетариата, этой важнейшей категории марксистско-ленинской теории. [105]

Когда Маркс и Энгельс выработали понятие пролетариата как самого революционного класса буржуазного общества, как могильщика капитализма, это понятие принципиально невозможно было получить и качестве абстрактно-общего каждому отдельному пролетарию и каждому особенному слою пролетариата отвлеченного признака. Такая формальная абстракция, которую в середине XIX в. можно было бы при желании отвлечь путем сравнения всех отдельных представителей пролетариата, путем того абстрагирования, которое рекомендует недиалектическая логика, характеризовала бы пролетариат как наиболее угнетенный, задавленный нуждой и нищетой пассивно страдающий класс, способный, в лучшем случае, лишь на отчаянный голодный бунт.

Такое «понятие» пролетариата можно встретить в бесчисленных исследованиях того времени, в филантропических писаниях современников Маркса и Энгельса, и в трудах социалистов-утопистов. Эмпирически-общее в этой абстракции было схвачено и отражено совершенно точно. Но *теоретическое* выражение этой эмпирии, понимание того, чем является пролетариат как «класс в себе», по своей внутренней природе, выражаемой понятием, и чем он еще не был «для себя», т.е. в эмпирической реальности, непосредственно отражаемой представлением, простой эмпирической абстракцией, было добыто лишь Марксом и Энгельсом.

Этот вывод, это понятие, выражающее действительную объективную природу пролетариата как класса, было добыто на пути исследования всей совокупности условий, внутри которых пролетариат с неизбежностью формируется как самый революционный класс, призванный разрушить до основания всю эту породившую его систему общественных условий. Понятие пролетариата, в противоположность эмпирически-общему представлению о нем, здесь было не формальной абстракцией, а теоретическим выражением объективных условий его развития и содержало в себе понимание его объективной роли, притом в тенденции ее развития.

Истинность понятия пролетариата, разработанного Марксом и Энгельсом, не могла быть доказана путем сравнения его с эмпирически-общим каждому пролетарию признаком. Последний явно свидетельствовал в пользу абстракции [106] филантропов и утопистов. Истинность этого понятия была, как известно, доказана реальным процессом превращения, пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя», Пролетариат в полном смысле слова развивался и

развился в направлении к соответствию «со своими собственным попятном», с тем понятием, которое было разработано классиками марксизма на основе анализа объективных условий его формирования, всей конкретной совокупности общественных условий его бытия как пролетариата. Из рассеянной по всей стране и разъединенной конкуренцией массы угнетенных и забытых тружеников он превращается в монолитный класс, сознающий свою всемирно-историческую миссию – революционное, уничтожение частной собственности, упразднение классовой формы разделения труда вообще.

И та же практика опровергла «правильное представление», совершенно точно отражавшее непосредственно эмпирически-общее каждому пролетарию, взятому порознь, свойство. Необходимо особо подчеркнуть, что учет этого принципиальнейшего требования материалистической диалектики должен лежать в основе выработки всех научных понятий о развитии общества.

Именно игнорирование (или сознательное извращение) точки зрения практики как исходного пункта теории, служит в эпоху империализма базой ревизионистских и оппортунистических течений, наносящих немалый вред международному рабочему движению.

Вся предательская политика «правых социалистов» имела и имеет в своей основе упрямое нежелание считаться с ходом всемирно-исторического развития революционной практики трудящихся всего мира.

Еще до Октябрьской революции 1917 года, положившей начало практическому преобразованию мира на принципах научного коммунизма, родоначальник «правого социализма» К. Каутский стал сворачивать с пути революционного марксизма на путь лакейского приспособления к силам мирового империализма.. Начал он с малого – с допущения абстрактной гипотезы насчет «ультраимпериализма». Здесь в полной мере и сказалась вся дальновидность Ленина, поставившего абсолютно точный диагноз этой опасной болезни в международном рабочем движении. Абстрактно-теоретическое построение [107] Каутского исходило, на первый взгляд, из самых «марксистских» положений. Капитализм XX в., рассуждал Каутский, развивается по пути объединения всех магнатов капитала в один единственный сверхтрест. В этом империалистическом сверхтресте, по мнению Каутского, должна погаснуть борьба и конкуренция государственно-обособленных капиталов. Мировая система империализма в итоге-де и превратится в единое обобществленное хозяйство, которое останется только формально «национализировать», чтобы оно

превратилось в социализм. Не нужно будет ни революции, ни диктатуры пролетариата, а только формально-юридическая санкция, лишающая последнего собственника его частной собственности в пользу всего общества.

Отсюда вытекала и политика, которую Каутский уже тогда начал рекомендовать международному рабочему движению: подождать, пока империализм сам, своими силами «обобществит» мировое хозяйство, не мешать ему в этом, а даже помогать. Этот принцип с тех пор и остается высшим принципом «правого социализма». К чему это привело и приводит на практике – слишком хорошо известно. Политика правых социалистов помогла Гитлеру в 1932 году, ныне же помогает империалистической реакции в ее борьбе против лагеря мира и социализма. Тем более важно понять, какие пути могут приводить к такому финалу. Ленин безошибочно указал на самый глубокий корень всей этой вредоносной теории и политики: отрыв теоретической мысли от реального развития революционно-пролетарской практики, абстрактность рассуждения. Абстрактно рассуждая, указывал Ленин, вполне можно помыслить ультраимпериалистическую фазу в развитии мирового капитализма. «Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а произвольно *отрываться* от него во имя этих мечтаний» 2.

Конечно, если бы дело ограничилось только мечтаниями, то на это можно было бы и не обращать [108] внимания. Дело, однако, в том, что мечтания в области политики неизбежно становятся практически политической платформой.

Теория, в силу ее природы и огромной роли в общественной жизни, ни при каких условиях не может вообще оторваться от практики. Она может отстраниться только от той или другой формы практики. Но в этом случае ее незамедлительно использует другая практика. Теория слишком ценная вещь, чтобы долго оставаться без хозяина. А таким хозяином может быть только тот или иной класс. И если теоретик не связывает ход своих рассуждений с практикой сил пролетариата, если он сознательно не ставит теорию на службу практической деятельности мирового революционного пролетариата – его «мечтания» очень скоро делают предметом корыстного внимания противоположной реальной силы современного мира, практиков и идеологов империализма и реакции. Это объективный закон, не зависящий от воли и сознания теоретика, самые благие намерения его не спасут и не оправдают.

Продолжая критический анализ абстракций К. Каутского, В.И. Ленин делает вывод, который впоследствии подтвердился с буквальной точностью в ходе событий и подтвердился именно потому, что мысль Ленина высшим критерием правильности теоретических построений всегда имела реальную революционно-преобразующую мир практику миллионов трудящихся.

«Не подлежит, сомнению, что развитие [развитие капитализма в двадцатом веке. – Э.И.] идет в направлении к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, – отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., – что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до “ультраимпериалистского” всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» 3. [109]

Что отличает теоретическую мысль Ленина от абстрактных рассуждений Каутского? В первую очередь ее конкретность. А это значит прежде всего следующее. Каутский в своих «теоретических» построениях учитывает практику империализма, его сил и представителей, и рассуждает о путях, по которым она направляется. При этом он совсем забыл о такой «мелочи», как практическая деятельность и борьба угнетаемых при этом трудящихся масс. Ее-то он и сбросил со счетов в своих построениях и прогнозах.

Ленин, не отрицая того факта, что империализм развивается именно в том направлении, о котором рассуждает Каутский, что в развитии современного капитализма действительно присутствует такая абстрактная возможность, как империалистический путь «обобществления» мировой экономики, решительно выдвигает против этой абстрактной схемы основной принцип революционного марксизма – точку зрения революционной практики трудящихся классов. В данном случае ясно видно, что эта, и только эта точка зрения органически совпадает с конкретной точкой зрения на процесс капиталистического развития в эпоху империализма. Ясно видно и следующее: абстрактная точка зрения Каутского с неизбежностью ведет к отказу от диалектики. Во имя своей абстрактно-теоретической схемы он отворачивает взор от факта обострения классовой борьбы. Но ведь обострение классового антагонизма и есть та самая форма, в которую выливается «обобществление» мировой экономики. У Каутского это «обобществление» начинает выглядеть как чисто эволюционный процесс примирения классовых противоречий. Иными словами,

вместо материалистической диалектики марксизма подсовывается типично гегелевская идея «примирения противоположностей» во имя «высших», «общечеловеческих», «надклассовых» целей.

В итоге абстрактная схема Каутского ведет к глубоко ложной в смысле теоретического содержания концепции, к прямой апологетике империализма, к враждебной позиции по отношению к реальному социализму, к открытому ренегатству. Абстрактно-схоластическое, неревolutionционное понимание теории марксизма явилось здесь мостиком, по, которому Каутский неизбежно [110] пришел к полной измене марксизму и в теории, и в политике.

Совсем иное – ленинский конкретно-теоретический анализ той же самой проблемы. Его исходный принцип – точка зрения революционной практики трудящихся классов, масс. С точки зрения этого принципа сразу же становится очевидной реальная, конкретная диалектика действительного процесса во всей ее противоречивости и напряженности. С этим связано и то обстоятельство, что теоретический прогноз Ленина оправдался с буквальной точностью уже два года спустя: в 1917 г. мировой империализм «лопнул» в самом слабом звене, а вся дальнейшая история стала совершаться как история разрушения все новых и новых звеньев мировой системы империализма.

При этом диалектика истории такова, что на месте ослабевших звеньев империалистической системы возникают и день ото дня крепнут «звенья» новой экономической и политической системы – звенья содружества стран социализма. Именно так и перерождается современней мир – в точном согласии с конкретно-теоретическим прогнозом великого мастера диалектики Ленина.

В этом и заключается главный урок для марксистски мыслящих теоретиков, стремящихся научно и по-партийному раскрывать законы общественного развития и создавать конкретные теоретические понятия о нем. [111]

1 Маркс К., Энгельс Ф. Письма о Капитале. Госполитиздат, 1948, с. 161.

2 Ленин В.И. Сочинения, т. 22, с. 94.

3 Там же, с. 94-95.

Восхождение от абстрактного к конкретному

К постановке вопроса

Анализируя проблему метода политической экономии, Маркс выдвигает ряд положений, имеющих огромное общеполитическое значение. К их числу принадлежит известное положение о «восхождении от абстрактного к конкретному» как о том единственно возможном и правильном пути, на котором мышление только и может разрешить специфическую задачу теоретического познания окружающего мира.

Конкретное, в понимании Маркса, есть «единство многообразного». «В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления...

Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом – образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира». [112]

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, при котором «...абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления», Маркс и определяет как метод «правильный в научном отношении». Этот метод, согласно Марксу, и есть тот специфический «...способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное». Только этот метод и позволяет теоретику разрешить его специальную задачу, задачу переработки данных созерцания и представления в понятия.

В силу особой важности этих положений для понимания метода «Капитала» следует остановиться на них подробнее, тем более, что они не раз уже становились предметом фальсификации и экономических, и философских идей Маркса буржуазными философами и ревизионистами.

Прежде всего следует напомнить, что под конкретным Маркс ни в коем случае не имеет в виду лишь образ живого созерцания, чувственно-наглядную форму отражения предмета в сознании, а под абстрактным – лишь «умственное отвлечение». Если прочитать

приведенные положения Маркса, оставаясь при подобном, характерном для узкого эмпиризма и неокантианства, представлении об абстрактном и конкретном, то получится явная нелепость, никак не вяжущаяся с теорией отражения. Получится иллюзия, будто бы Маркс рекомендует восходить от умственного отвлечения, как от чего-то непосредственно-данного, к образу живого созерцания, как к чему-то вторичному и производному от мысли.

Поэтому-то, читая Маркса, и следует позаботиться прежде всего о том, чтобы этому чтению не мешали представления, некритически заимствованные из домарксистских и неокантианских трактатов по гносеологии.

С точки же зрения тех определений, которые дает абстрактному и конкретному сам Маркс, приведенные положения как раз и характеризуют диалектику перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению, от созерцания и представления – к понятию, от конкретного, как оно дано созерцанию и представлению, – [113] к конкретному, как оно выступает в теоретическом мышлении.

Маркс – прежде всего материалист. Иными словами, он исходит из того, что все те абстракции, с помощью которых, путем синтеза которых, теоретик мысленно реконструирует мир, представляют собой мысленные копии отдельных, выявленных путем анализа моментов самой предметной действительности. Иными словами, предполагается, как нечто само собой разумеющееся, тот факт, что каждое порознь взятое абстрактное определение есть продукт обобщения и анализа непосредственных данных созерцания. И в этом смысле (но только в этом) оно – продукт «сведения» конкретного в действительности к его абстрактно-сокращенному выражению в сознании.

Относительно тех определений, которыми пользовалась домарксистская политическая экономия, Маркс говорит, что все они – продукты движения от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям. Поэтому, обрисовывая исторический путь, пройденный политической экономией, Маркс и характеризует его как путь, начинающийся от реального и конкретного и ведущий сначала к «тощим абстракциям», и уже только затем, от этих «тощих абстракций», к системе, к синтезу, к сочетанию абстракций в составе теории.

«Сведение» конкретной полноты действительности к ее сокращенному (абстрактному) выражению и сознанию есть, как само собой понятно, предпосылка, и условие, без которого никакое специально-теоретическое исследование не может ни протекать, ни

даже вообще начаться. Более того, такое сведение есть не только «предпосылка», не только доисторическое условие теоретического освоения мира, но и органический момент самого процесса построения системы научных определений, т.е. синтезирующей деятельности ума.

Само собой понятно, что те определения, которые теоретик сводит в систему, вовсе не берутся им готовыми из предшествующей стадии (или «ступени») познания. Его задача вовсе не ограничивается чисто формальным объединением готовых «тощих абстракций» по известным правилам такого объединения. Сводя готовые, ранее [114] полученные абстракции в систему, теоретик всегда критически анализирует их, вновь проверяет их на фактах и тем самым как бы заново проделывает процесс восхождения от конкретного в действительности – к абстрактному в мышлении. Так что это восхождение есть не только и не столько «предпосылка» построения системы науки, сколько органический момент самого этого построения.

Отдельные абстрактные определения, синтез которых и дает «конкретное в мышлении», в ходе самого же восхождения от абстрактного к конкретному и образуются. Таким образом теоретический процесс, ведущий к достижению конкретного знания, всегда, в каждом своем отдельном звене, как и в целом, есть в то же время и процесс сведения конкретного к абстрактному.

Иными словами, можно сказать, что восхождение от конкретного к абстрактному, с одной стороны, и восхождение от абстрактного к конкретному – с другой, суть две взаимно-предполагающие формы процесса теоретического освоения мира, процесса «абстрактного мышления». Каждая из них осуществляется только через свою противоположность и в единстве с нею. Восхождение от абстрактного к конкретному без своей противоположности, без восхождения от конкретного к абстрактному, превратилось бы в чисто схоластическое связывание готовых, некритически заимствованных откуда-либо общих абстракций. И наоборот, сведение конкретного к абстрактному, производимое наобум, на авось, без ясно осознанной общей идеи исследования, без гипотезы, также не может дать и не даст теории. Оно даст только бессвязную груду тощих абстракций.

Но почему же все-таки Маркс, учитывая все это, определяет именно «способ восхождения от абстрактного к конкретному» как единственно возможный и правильный в научном отношении способ теоретического освоения (отражения) мира? Дело в том, что диалектика (в отличие от эклектики) рассуждает не по принципу «с одной стороны, с другой стороны», а всегда, в любом случае

указывает определяющую, доминирующую сторону, тот момент в единстве противоположностей, который в данном случае оказывается ведущим, определяющим. Это – аксиома диалектики. [115]

Для процесса теоретического освоения (в отличие от простого эмпирического ознакомления с фактами) как раз специфичным и характерным является то обстоятельство, что каждое порознь взятое «отвлечение» образуется в русле общего движения исследования, в процессе движения к все более и более полному, всестороннему, т.е. конкретному, пониманию предмета. Каждое отдельное обобщение (формула которого – «от конкретного к абстрактному») имеет здесь смысла лишь при том условии, что оно есть шаг на пути к конкретному постижению действительности, на пути движения к все более и более конкретному его выражению в понятии.

Если же отдельный акт обобщения не есть одновременно шаг вперед в развитии теории, шаг на пути от уже достигнутого знания – к новому, более полному, если он не продвигает вперед всю теорию в целом, не пополняет ее новым общим определением (а просто повторяет то, что уже и до этого было известно), то с точки зрения развития теории он оказывается просто бессмысленным.

Иными словами, «конкретное» (т.е. постоянное движение к все более конкретному теоретическому пониманию) выступает здесь как специфическая цель теоретического мышления. В качестве таковой цели «конкретное» и определяет как закон способ действий теоретика (речь идет об умственных действиях, разумеется) в каждом частном случае, в случае отдельного обобщения.

«Абстрактное» же оказывается с этой точки зрения не целью, а всего лишь *средством* теоретического процесса, а каждый отдельный акт обобщения (т.е. сведения конкретного к абстрактному) выступает как подчиненный, как «исчезающий» момент в общем движении. «Исчезающий момент» на языке диалектики значит момент, имеющий значение не сам по себе, в оторванности от других моментов, а только в связи с ними, в живом взаимодействии с ними, в переходе.

В этом и все дело. Именно потому, что Маркс – диалектик, он и не ограничивается простой констатацией факта, того факта, что в процессе теоретического мышления имеет место как движение от конкретного к абстрактному, так и движение от абстрактного к конкретному, а [116] выделяет прежде всего ту форму движения мысли, которая в данном случае оказывается ведущей, доминирующей, определяющей вес и значение другой, противоположной. Форма «восхождения от абстрактного к

конкретному» в процессе социально-теоретического исследования как раз такова. Она и является поэтому специфической формой теоретического мышления.

И это, конечно же, вовсе не значит, что в процессе мышления вовсе нет другой, противоположной формы... Это значит всего-навсего, что сведение конкретной полноты фактов к абстрактному выражению в сознании еще не есть ни специфическая, ни, тем более, определяющая форма теоретического отражения мира.

Человек ест для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы есть. Но только сумасшедший сделает отсюда вывод, что человек должен вовсе обходиться без пищи: столь же неумно обвинять этот афоризм в «принижении» роли еды.

Аналогично и здесь. Поглощение чувственно-конкретной полноты фактов в лоно абстракции может принять за главную и определяющую форму умственной деятельности теоретика только крайне несведущий в науке человек. В науке это только средство, необходимое для выполнения более серьезной задачи, той задачи, которая специфична для теоретического освоения мира и составляет подлинную цель деятельности теоретика. Воспроизведение конкретного в мышлении и есть та цель, которая определяет удельный вес и значение каждого отдельного акта обобщения.

Конечно, и конкретное в мышлении не есть самоцель, конечная цель. Теория в целом тоже лишь «исчезающий момент» в процессе реального практически-предметного обмена веществ между человеком и природой. От теории совершается переход к практике, – и этот переход тоже можно квалифицировать как переход «от абстрактного к конкретному». Практика уже не имеет вне себя более высокой цели, она сама полагает свои цели и выступает как самоцель. И именно поэтому в ходе разработки теории каждый отдельный шаг, каждое отдельное обобщение, также постоянно соизмеряется с показаниями практики, проверяется ими, соотносится с ней как с высшей целью теоретической деятельности. [117]

Поэтому Ленин, говоря о методе «Капитала», и отмечает одну из его характернейших черт: «Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа» 1.

Постоянное соотнесение «каждого шага» анализа с направлением пути научного исследования в целом, и в конце концов с практикой, связано с самым существом марксовского понимания специфики теоретического освоения мира. Каждый отдельный шаг анализа, каждый отдельный акт сведения конкретного к абстрактному

должен с самого начала иметь в виду то «целое», которое витает в представлении, в живом созерцании, и отражение которого есть высшая цель теоретической работы (разумеется, только до тех пор, пока речь идет о теоретической работе, до тех пор, пока человек относится к миру лишь теоретически).

В этом и заключается глубоко диалектический смысл изложения Маркса о том, что именно «восхождение от абстрактного к конкретному» есть специфически присущая теоретическому процессу черта, есть единственно возможный, а потому и единственно правильный в научном отношении способ разлития научных определений, способ переработки данных живого созерцания и представления в понятия.

Это и значит, что все действительно научные, а не вздорные, не пустые абстрактные определения возникают в человеческой голове вовсе не в результате бездумного, совершаемого на авось сведения конкретного к абстрактному, а только в результате систематического продвижения познания в русле общего закономерного процесса развития науки, в ходе конкретизации, имеющегося знания, через его критическое преобразование.

И дело нельзя представлять так, что каждая наука должна, якобы, сначала пройти стадию односторонне-аналитического отношения к миру, стадию чисто индуктивного сведения конкретного к абстрактному, а уж затем, лишь после того, как эта работа будет полностью закончена, может приступать к «связыванию» полученных абстракций в систему, к «восхождению от абстрактного к конкретному». [118]

Когда Маркс ссылается на историю буржуазной политической экономии, на тот факт, что она при своем возникновении действительно шла по односторонне-аналитическому пути и лишь позднее встала на путь, «правильный в научном отношении», он, конечно, не хочет сказать этим, что и каждая современная наука должна следовать этому примеру, то есть сначала пройти чисто аналитическую стадию, а уж только затем браться за восхождение от абстрактного к конкретному.

Односторонне-аналитический метод, действительно характерный для первых шагов буржуазной политической экономии, вовсе не есть добродетель, которую можно было бы рекомендовать в качестве образца для подражания. В этом выразилась скорее исторически-неизбежная ограниченность буржуазной политической экономии, обусловленная, в частности, и отсутствием разработанного диалектического метода мышления. Диалектическая логика отнюдь не рекомендует современной науке, чтобы та сначала производила чистый анализ, чистое сведение

конкретного к абстрактному, а уже потом столь же чистый синтез, чистое восхождение от абстрактного к конкретному. На подобном пути конкретное знание не получится, а если и получится, то лишь в результате таких же блужданий, какие имели место в развитии буржуазной политической экономии до Маркса.

Пример, приведенный Марксом это скорее довод в пользу того положения, что наука ныне с самого начала должна вставать на путь, правильный в научном отношении, не повторяя блужданий семнадцатого века, должна с самого начала использовать не односторонне-аналитический метод, а диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, в котором анализ и синтез, связаны органически. Это довод в пользу того, что наука должна с самого начала вырабатывать свои абстрактные определения с таким расчетом чтобы каждое из них оказывалось одновременно шагом на пути поступательного продвижения к конкретной истине, к познанию действительности как единого связного целого, находящегося в развитии. Если буржуазная политическая экономия на первых порах поступала не так, то подражать ей в этом отнюдь не следует.

Наука, если это действительно наука, а не простое [119] собрание фактов и сведений, должна с самого начала отражать свой предмет и развивать свои определения тем способом, который Маркс характеризовал как единственно возможный и правильный для науки, а не оставлять его «на закуску» для литературного изложения уже найденных результатов, как то советовали делать ревизионисты-неокантианцы типа Кунова, Реннера и им подобных. Об этих попытках извратить существо мысли Маркса о методе восхождения от абстрактного к конкретному, изображавших этот метод лишь как литературную манеру изложения готовых, якобы чисто индуктивно полученных результатов, мы будем подробно говорить ниже.

Конечно, – способ восхождения от абстрактного к конкретному отчетливее всего выступает в таких работах Маркса, в которых дается систематическое «изложение» теории: в «К критике политической экономии», в «Очерках критики политической экономии» («Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie») и в «Капитале». Однако это вовсе не свидетельствует о том, что «изложение» здесь принципиально иное по методу, нежели «исследование», и что способ, с помощью которого Маркс производил свои исследования, прямо противоположен тому способу, которым он излагает «результаты исследования».

Если бы это было так, то анализ «логики «Капитала» ровно ничего не мог бы дать для понимания метода исследования, способа переработки данных созерцания и представления, примененного

Марксом. «Капитал» в таком случае был бы поучителен только в смысле литературной манеры изложения готовых результатов, и ни в коем случае не в смысле метода их получения. В таком случае «способ исследования» Маркса следовало бы реконструировать не на основе анализа «Капитала», а на основе рассмотрения черновиков, выписок, набросков и соображений, возникавших в голове Маркса в ходе непосредственного, первоначального ознакомления с экономическими фактами. В таком случае пришлось бы согласиться с пошлым утверждением автора одной из бесчисленных антимарксистских брошюр, с теологом И. Фетчером, который вещает: «Метод, которому Маркс следует в «Капитале», является в сущности том же самым, что и метод любого “буржуазного” ученого. Диалектика служила [120] Марксу, как он сам заявлял в послесловии ко второму изданию «Капитала», только «способом изложения». Этот способ, по-видимому, обладает известными преимуществами, но мы его рассматривать здесь не станем» 2, – так как это не имеет отношения к проблеме метода познания...

Фетчер жульнически передергивает здесь известное указание Маркса на тот факт, что изложение теории в ее развитом виде не может не отличаться от хода всех тех поисков, которые к ней подвели; однако, «формальное отличие» того от другого, о котором говорит Маркс, вовсе не касается существа метода мышления, способа переработки данных созерцания и представления в понятия. Этот способ анализа оставался одним и тем же – и именно диалектическим: и в ходе предварительной обработки данных, и в ходе их окончательной обработки, хотя, конечно, и совершенствовался до мере продвижения вперед – к созданию «Капитала».

Главное преимущество «способа изложения», имеющее отнюдь не литературно-стилистический характер, состоит как раз в том, что автор «Капитала» не излагает в догматически-дидактической манере готовые, неизвестно как полученные результаты, а проделывает на глазах, читателя весь процесс получения этих результатов, весь приводящий к ним процесс исследования. «Читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему» 3, – предупреждал Маркс уже в предисловии к работе «К критике политической экономии». Метод «изложения» и ведет читателя от понимания отдельных частных, от абстрактного к все более и более конкретному, развитому, общему, охватывающему взгляду на экономическую действительность, к общему как результату сочетания частных.

Разумеется, процесс исследования воспроизводится при этом не во всех подробностях и отклонениях, которые имели место на протяжении более чем двадцатипятилетних исследований, а только в тех главных и решающих пунктах, которые, как показало само же

исследование, [121] действительно продвигали мысль вперед, по пути к конкретному пониманию. При окончательной обработке фактов для печати Маркс уже не повторял тех многочисленных отступлений от главной темы исследования, которые неизбежны в работе любого ученого. В ходе реального исследования часто рассматриваются факты, не имеющие прямого отношения к делу: ведь только их анализ и может показать, относятся они к делу или нет. Кроме того теоретику сплошь и рядом приходится вновь возвращаться к рассмотрению тех фактов, которые, казалось, уже однажды были исследованы исчерпывающим образом. Все это приводит к тому, что исследование здесь имеет не систематически-поступательный характер, а очень сложно запутанную форму возвратно-поступательного движения, то и дело уклоняющегося в стороны.

Подобного рода моменты в окончательном изложении, естественно, не воспроизводятся. Зато благодаря этому процесс исследования выступает в своем подлинном, очищенном от случайностей и отклонений виде. Здесь он как бы «выпрямляется», приобретает характер систематически-поступательного движения, согласующегося с природой и движением самих фактов. Здесь мысль уже не переходит от анализа одного факта к анализу следующего, прежде чем действительно не исчерпала этот факт; в силу этого тут уже не приходится многократно возвращаться к одному и тому же, чтобы доделывать недоделанное.

Таким образом, «способ изложения» материала в «Капитале» есть не что иное, как «исправленный» способ его исследования, причем исправленный не произвольно, а в строгом соответствии с теми требованиями и законами, которые диктует сам же процесс исследования. Иными словами, способ изложения в данном случае есть очищенный от всех побочных, затемняющих моментов способ исследования, или способ исследования, строго соответствующий объективным законам исследования. Это и есть способ исследования, представленный в чистом виде, в систематически проведенной форме, не заслоненный случайностями и отклонениями.

Те же «формальные отличия», о которых говорит Маркс в послесловии ко второму изданию «Капитала», касаются совсем иных обстоятельств, в частности, того факта, что лично Марксзнакомился с разными кругами [122] товарно-капиталистического ада не в той последовательности, которая соответствует закону их собственного развития и изображена в «Капитале».

Способ восхождения от абстрактного к конкретному не соответствует тому порядку, в котором те или иные стороны исследуемого предмета по тем или иным причинам попадали в поле

зрения как отдельного теоретика, так и науки в целом. Он ориентируется исключительно на ту последовательность, которая соответствует объективному взаимоотношению различных моментов в составе исследуемой конкретности («тотальности»). А эта подлинная последовательность, само собой понятно, осознается не сразу. Поэтому оправдание метода восхождения от абстрактного к конкретному и нельзя искать к фактам, касающихся научной биографии того или иного теоретика и даже исторического процесса развития науки в целом. Наука в целом тоже добирается до своего подлинного исходного пункта лишь в результате долгих и трудных поисков.

Лично Маркс, например, пришел к анализу и к пониманию экономических отношений от исследования правовых и политических взаимоотношений между людьми. Сфера права и политики и оказалась для него «исходным пунктом» исследования структуры общественного организма. В «изложении» же теории исторического материализма Маркс требует исходить из понимания экономических, материальных отношений, и уже от них двигаться к пониманию права и политики.

Теоретики, подобные И. Фетчеру, могли бы на этом основании заявить, что тезис Маркса, согласно которому исходным пунктом понимания всех общественных явлений должна быть экономика, а не право или политика, относится лишь к особенностям «литературной манеры изложения» теории Маркса, а в «исследовании» Маркс и марксисты делали тоже самое, что и любой буржуазный ученый...

Дело, однако, заключается в том, что сфера права и политики, хотя она и была рассмотрена Марксом раньше, чем он вообще взялся за экономические исследования, все же была понята научно (материалистически) и правильно лишь после того, как он проанализировал, хотя бы в самых общих чертах, экономику. [123]

То же самое справедливо и по отношению к политэкономическим взглядам Маркса. С законами движения денег, прибыли и ренты Маркс познакомился гораздо раньше, чем ему удалось понять подлинную, двойственную природу товара и труда, производящего этот товар. Однако до тех пор, пока он не понял действительную природу стоимости, его понимание и денег и ренты оставалось неправильным. Еще в «Нищете философии» он разделяет иллюзии рикардианской теории денег и ренты. И только ясное понимание природы стоимости, достигнутое в пятидесятых годах, выставило в подлинном свете и деньги и ренту. До этого деньги принципиально невозможно было понять.

В начале пятидесятих годов. Маркс затратил много времени на то, чтобы понять запутанные коллизии денежного обращения в эпоху кризиса и «процветания». И именно эти попытки привели его к выводу, что понять законы денежного обращения нельзя, предварительно не разработав во всех деталях понятия стоимости. И только разработав понятие стоимости, он убедился, что разделял до этого ряд иллюзий Рикардо.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному, как способ исследования фактов, поэтому и нельзя оправдывать ссылкой на тот порядок, в котором исторически протекал процесс изучения материала. Он выражает ту последовательность, в которой откristаллизовывается в сознании теоретика объективно-правильное, соответствующее предмету понимание, а не ту последовательность, в которой те или иные стороны действительности по тем или иным причинам привлекают к себе внимание теоретиков и попадают в поле зрения науки.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному выражает тот внутренний закон развития научного понимания, который в ходе исторического развития прокладывает себе дорогу через массу случайностей, отклонений, зачастую окольными путями, неизвестными для самих теоретиков. Поэтому-то на поверхности научного развития (т.е. в сознании самих теоретиков) его не так-то легко обнаружить. В сознании теоретиков этот закон долгое время может и не выступать вовсе, а может проявляться, в такой форме, что его и не узнаешь. Отдельный представитель науки, как указывал Маркс, очень часто [124] обладает совершенно ложным представлением о том, что и как он на самом деле делает. В силу этого о мыслителе и нельзя судить по тому, что он сам о себе думает. Гораздо важнее (и труднее) выявить объективное, предметное значение его взглядов и их роль в процессе развития науки в целом.

Поэтому *подлинный смысл фактов научной биографии, подлинная последовательность развития научных определений* и не может быть обнаружена на пути чисто биографического исследования. Зачастую действительный прогресс научного знания (т.е. систематическое продвижение мысли к конкретной истине) существенно расходится с простой хронологической последовательностью. На тот факт, что при анализе логики развития знания «хронология насчет лиц» необязательна, что она не всегда соответствует действительному порядку углубления мысли в предмет, указывал и В.И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике».

Учитывая все это, и можно сделать вывод, что все характерные черты метода исследования Маркса выступают с наибольшей

отчетливостью и чистотой именно в «Капитале», а вовсе не в черновых набросках, не в выписках и соображениях, непосредственно возникавших в его голове в ходе ознакомления с экономическими фактами. Здесь как раз и обнажается подлинная последовательность развития научных определений, которая в ходе предварительного изучения материала проступала лишь постепенно и не всегда ясно осознавалась даже самим Марксом. Для Маркса чрезвычайно характерной чертой всегда была трезвая самокритичность: он не раз решительно исправлял «задним числом» ошибки и упущения, сделанные на предварительной стадии изучения. Различить зерна объективной истины от той формы, в которой они первоначально выступили в сознании, можно с объективной строгостью вообще лишь задним числом – намеки на высшее могут быть правильно поняты лишь тогда, когда это высшее уже известно.

Таким образом, если пытаться реконструировать способ исследования Маркса не по «Капиталу», а по массе черновых набросков и соображений, оставшихся в его архивах, то это только осложнило бы работу. Все равно, чтобы понять их правильно, пришлось бы предварительно [125] проанализировать «Капитал». Иначе «намеки на высшее» в них просто не рассмотришь. К тому же совершенно непонятно, почему при таком исследовании следовало бы предпочесть раннюю, предварительную форму выражения мысли – позднейшей, более отточенной и зрелой форме ее выражения. Это привело бы только к тому, что эта ранняя форма выражения была бы принята за идеальную, а позднейшая – за ее искаженный вариант. Формулировки и метод их развития в «Капитале» действительно пришлось бы отнести на счет «литературной манеры изложения», за счет ее усовершенствования, а не на счет углубления мысли, понимания, и метода исследования.

(Этот неуклюжий прием, кстати, весьма усердно используется современными ревизионистами, заявляющими, что «истинный марксизм» следует искать в рукописях молодого Маркса, а не в его зрелых трудах. «Капитал» в итоге изображается как «испорченная форма выражения» концепции так называемого «реального гуманизма», развитой-де Марксом и Энгельсом в 1843-1841 гг.)

Именно поэтому В.И. Ленин и указывал, что при разработке «Большой Логики» марксизма следует иметь в виду прежде всего «Капитал», и что «метод изложения», примененный Марксом в «Капитале», должен послужить образцом диалектического осмысления действительности и образцом изучения и разработки диалектики вообще. На основе этих предварительных соображений можно перейти к более детальному, рассмотрению способа восхождения от абстрактного к конкретному, как правильного в научном отношении способа образования научных определений, как

способа теоретической переработки данных живого созерцания и представления.

Напомним только в этой связи еще раз, что под данными созерцания и представления здесь имеется в виду отнюдь не только то, что индивид лично созерцает и представляет себе в виде чувственно-наглядного образа. Такое толкование, характерное для домарксистской философии, для антропологического представления о субъекте познания, совершенно ложно, крайне узко. Под данными созерцания и представления Маркс имел в виду всегда всю массу общественно-накопленного – эмпирического опыта, всю колоссальную массу эмпирических данных, [126] известных теоретику из книг, из сводок, из статистических таблиц, газет и свидетельств. Но в кладовой общественной памяти все эти эмпирические данные хранятся, как само собой понятно, в уже сокращенном, в сведенном к абстрактному выражению виде. Они уже выражены в речи, в терминологии, в цифрах, в таблицах и тому подобных «абстрактных» формах. Специфическая задача теоретика, который из всей этой информации о действительности исходит, заключается, конечно, не в том, чтобы придать этому «абстрактному» выражению еще более абстрактную форму. Напротив, его работа всегда начинается с критического анализа и переосмысливания абстракций эмпирической ступени познания, с критического преодоления этих абстракций, и движется вперед через критику односторонности и субъективности этих абстракций, через разоблачение заключенных в них иллюзий, с точки зрения действительности в целом, в ее конкретности. В этом смысле (но и только в этом) переход от эмпирической стадии познания к рациональной также выглядит как переход «от абстрактного к конкретному».

Конечно, с известной точки зрения, восхождение от познания простой товарной формы к пониманию таких развитых форм буржуазного «богатства», как процент, выглядит и как движение от «конкретного» к абстрактным формам его обнаружения на поверхности явлений. Процент, например, выражает на своем безлично-количественном языке сложнейшие глубинные процессы капиталистического производства. В проценте прибавочная стоимость обретает крайне «абстрактную» форму своего обнаружения, проявления. И эта абстрактно-количественная форма объясняется только из ее конкретного содержания. Но это также говорит о том, что любой абстрактный момент действительности находит свое подлинное объяснение только в конкретной системе породивших его условий, и только через нее может быть правильно понят. Тем самым и процент оказывается понятым конкретно (научно) лишь в итоге, лишь в результате, в то время как на поверхности явлений он выступает как весьма «абстрактная» форма.

Все это также следует учитывать.

В связи с тем, что Маркс сформулировал свои идеи относительно метода восхождения от абстрактного к [127] конкретному в ходе прямой полемики с его гегелевской интерпретацией, целесообразно кратко критически осветить эту последнюю. По контрасту с ней особенно рельефно и наглядно выступит материалистический характер метода Маркса. [128]

1 Ленин В.И. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, с. 216.

2 Christen oder Bolschewisten. Stuttgart, 1957, S. 89.

3 Маркс К. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, с. 5.

Гегелевское понимание конкретного

Гегель, как известно, был первым, кто понял процесс разлития знания как исторический процесс, подчиненный не зависящим от воли и сознания людей, законам... В качестве закона, управляющего всеобщим ходом развития знаний, он обнаружил закон «восхождения от абстрактного к конкретному».

Прежде всего этот закон обнаруживается им в качестве простого эмпирически, констатируемого факта – факта прогрессирующего развития духовной культуры человечества. Бесспорно верно, что духовная культура, духовный мир человека постепенно становится все богаче, все сложнее и многообразнее и в этом смысле – конкретнее. При этом духовный мир человека остается, несмотря на всю его сложность, единым миром, который управляется одними и теми же законами и представляет собой, таким образом, подлинное единство во многообразии.

Движение от абстрактного к конкретному выступает у Гегеля прежде всего как та эмпирически бесспорная естественная форма, в которой совершается процесс построения «царства духа». Естественно, что вначале это «царство» (сфера человеческой культуры) несложно, бедно сложившимися формами, т.е. крайне абстрактно, а с течением времени становится все сложнее, богаче, разнообразное – конкретнее.

В этом, как нетрудно понять, нет пока еще ничего ни диалектического, ни идеалистического.

Идеализм, но одновременно и специфически гегелевская диалектика, начинается дальше, там, где Гегель ставит вопрос о движущих пружинах развития «царства духа», сфере сознания. Специфической особенностью гегелевской философии является то, что идея развития в полной мере применяется лишь к явлениям сознания.

Природа, вне и независимо от духа существующая, по его мнению, не развивается. Она противостоит [128] сознанию как от века и навеки одинаковая, застывшая во времени картина. В активном рассматривании этой неподвижной картины, этого царства вещей, вечно стоящих в одних и тех же отношениях друг к другу, сознание и осуществляет свою беспокойную деятельную природу. Сама деятельность, осознания как таковая и заключает внутри себя движущую пружину своего собственного развития.

Дух выступает как единственная конкретность, т.е. как единственная развившаяся и продолжающая развиваться система живых взаимодействующих и взаимопереходящих друг в друга явлений. Природе эта особенность, по его мнению совершенно несвойственна. Природа для него насквозь абстрактна, насквозь метафизична по самой своей сути: все ее явления находятся *рядом* друг с другом, *обособлены* друг от друга, «внеположны» друг другу. Она сама в себе, как выражается Гегель, распадается на свои абстрактные моменты, на обособленные, существующие *рядом* друг с другом и независимо друг от друга вещи, предметы, процессы. В природе, в лучшем случае, лишь смутно отражается, просвечивает подлинная диалектика.

Здесь ярко обнаруживается идеалистический характер гегелевской, философии: метафизическую ограниченность современного ему естествознания, *знания о природе*, он прямо и непосредственно приписывает *самой природе*, притом в качестве *вечного* ее свойства.

Но там, где современное ему естествознание уже робко начало осознавать диалектику самих вещей, он тоже видит «намек» на действительную конкретность, на живое диалектическое взаимодействие явлений. Так, он видит несовершенную форму конкретности в органической жизни. Здесь он обнаруживает живое взаимодействие, связывающее все члены животного организма в единую систему, внутри которой каждый отдельный член имеет смысл и существует лишь благодаря своему взаимодействию с другими, а вне этого взаимодействия вообще не может существовать. Отрезанная рука, разлагается, перестает быть рукой даже по внешней форме. Отдельно, абстрактно, она существовать не может.

Здесь Гегель видит слабое подобие той конкретности, которую он считает исключительным достоянием духовного мира. А в царстве химизма, по его мнению, внутреннее [129] взаимодействие еще слабее, хотя намеки на него тоже уже имеются. Здесь кислород, например, может существовать и существует рядом с водородом, и не будучи обязательно связан с ним в воде. В организме такое отношение невозможно – рука не может существовать отдельно от головы, и голова и рука существуют только через свою взаимосвязь, только внутри этой взаимной связи и обусловленности. Частица, обладающая лишь механическими свойствами, остается тою же самой, ничуть не изменяется сама по себе от того, в какую именно механическую связь с другими такими же частицами она вступит. Обособленная, извлеченная из этой связи, т.е. абстрагированная, она по-прежнему останется той же самой и не испортится, не сгниет как рука, абстрагированная от тела.

Гегелевская система природы и строится как система ступеней, начиная от абстрактной сферы механизма до относительно конкретной сферы органической жизни. Всю пирамиду венчает «дух», как сфера, весь смысл которой заключен именно в *конкретности*, в абсолютной взаимообусловленности всех его явлений.

В чем ложность этого гегелевского построения?

Прежде всего в том, что он принимает исторически ограниченные представления естествознания своего времени, действительно не заключавшие еще в себе сознательной диалектики, за абсолютные характеристики самой природы.

Тот же факт, что природа в целом есть действительно развивающаяся единая система форм движения материи, взаимно обуславливающих друг друга, что именно природа в целом, включая человека, есть реальная, *объективная конкретность*, – этот факт Гегель мистифицирует в виде своей системы, внутри которой абстрактное, т.е. «механизм», есть обнаружение *духовной конкретности*.

Своей имманентной конкретности, т.е. реальной взаимообусловленности явлений внутри природного целого, он не признает ни за одной из форм движения, кроме движения мыслящего разума, кроме сферы понятия.

Подобным же образом Гегель рассматривает и сферу экономической жизни общества. Для него это сфера «нужды и рассудка», сфера, где взаимодействуют обособленные друг от друга единичные индивиды, каждый из которых вступает в связь с

другим только потому, что ему [130] нужно сохранить себя именно как единичного, как абстрактного индивида, как своеобразный общественный атом.

Здесь тоже нетрудно заметить, что Гегель метафизическую ограниченность современной ему политической экономии (он прекрасно знал английских теоретиков) принимает за метафизический, за абстрактно-рассудочный характер *самой экономической сферы*. В сфере экономической жизни, в сфере гражданского общества царствует и управляет *рассудок*, т.е. в гегелевской терминологии, абстрактно-односторонняя форма сознания.

Противоположности в этой сфере остаются непосредственными, непримиренными, они сталкиваются друг с другом, отталкивают друг друга и остаются теми же самыми метафизическими противоположностями. Поэтому внутри этой сферы невозможно действительное развитие. Здесь от века и навек воспроизводится одно и то же отношение, вечное отношение потребности к способам ее удовлетворения.

Поэтому единственно возможная форма перехода к высшему, в лоне которого все абстрактные крайности экономической сферы находят свое разрешение, – это переход к *правовой действительности*. Право и предстает как та высшая конкретность, которая в сфере экономической жизни *проявляется* раздробленной на свои абстрактные моменты.

Здесь видно, как Логика Гегеля, его диалектическое, но вместе с тем идеалистическое по самому своему существу представление о конкретном и абстрактном служит целям апологетики существующего. Если в естествознании гегелевское представление увековечивает данный уровень знаний о природе, то в социологии оно поддерживает апологетическое отношение к экономической форме собственности и к праву, эту собственность санкционирующему.

Отношение Гегеля к политической экономии стоит рассмотреть пристальнее. Это показательно вдвойне: с одной стороны, именно здесь и как раз в понимании конкретности четко проступает противоположность идеалистической диалектики Гегеля материалистической диалектике Маркса, а с другой стороны, не менее ярко проступает тот факт, что идеалистическая диалектика целиком оправдывает метафизический характер мышления классиков буржуазной экономии (Смита, Рикардо и др.) и притом [131] тем, что отрицает подлинно диалектический характер самого предмета политической экономии, объявляя его сферой, в

которой абстрактно-рассудочные определения полностью соответствуют характеру предмета.

Иными словами, *идеализм* диалектики Гегеля дает в итоге тот же самый результат, который у Смита, Рикардо и Сэя является следствием *метафизичности* их способа исследования.

Что в его подходе прежде всего бросается в глаза? Тот факт, что сфера экономической жизни для него не есть конкретная сфера, не есть система взаимодействия людей и вещей, исторически развившаяся и могущая быть понятой как действительно конкретная сфера.

Для него экономика является только одним из многих проявлений «конкретного духа», т.е. абстрактным обнаружением какой-то более высокой природы человека. И эта «более высокая» природа, односторонне проявляющаяся также и в виде экономической жизнедеятельности, есть не что иное, как *целесообразно действующая воля* – субстанция права и экономической жизни, политики и всего прочего. Целенаправленная (разумная) воля выступает как конкретная субстанция, абстрактно-односторонне проявляющаяся в своих порождениях, в своих модусах – в экономике, праве, политике и т.д. А раз взята такая исходная точка, раз всеобщей конкретной субстанцией всех форм общественной жизнедеятельности представлена целенаправленная разумная воля (или просто разум, ибо воля у Гегеля есть форма существования разума в человеке), то, естественно, он и в экономике усматривает только то, что может быть истолковано в качестве *проявления* разумной воли, в качестве одного из многих ее обнаружений, в качестве одностороннего (абстрактного) проявления разума и воли общественного индивида.

Поэтому все определения экономики, все категории экономической жизни – стоимость, прибыль, заработная плата и др. – предстают как абстрактные модусы разумной воли, как частные, как особые формы ее общественного бытия. В экономике разум выступает в такой форме, которая не соответствует его всеобщей природе, а соответствует *лишь одному*, *лишь одностороннему*, абстрактному ее обнаружению. Конкретная всеобщая воля создает адекватную своей природе форму только в виде права и [132] государства. Государство и есть, по Гегелю, конкретная реальность всеобщей воли, обнимающая собой все частные, особенные, а потому абстрактные формы своего же обнаружения, в том числе и экономику, сферу «потребностей», «систему потребностей».

Внутри же экономики всеобщая конкретная субстанция всего человеческого – разумная воля – выступает крайне односторонне, выявляет себя крайне абстрактно. Сфера экономической

жизнедеятельности людей и не есть поэтому *конкретная* система взаимодействия людей и вещей, возникшая и развивавшаяся *независимо от воли и сознания* индивидов. Она не может составить собой предмета особой науки, а может рассматриваться только в системе всеобщих определений разумной воли, т.е. внутри философии духа, внутри философии государственного права. Здесь она и выступает как одна из особых сфер деятельности разума, как абстрактная форма разума, действующего в истории.

Теперь нетрудно усмотреть полярную противоположность точки зрения Маркса точке зрения Гегеля на экономику, на характер ее диалектической взаимосвязи со всеми остальными проявлениями общественной жизни, ее роли в составе общественного целого.

В данном пункте Маркс противостоит Гегелю прежде всего как *материалист*. Но самое интересное здесь заключается и том, что именно *материализм* дает ему возможность развить более глубокий взгляд и на диалектику предмета.

Для Маркса сфера экономического взаимодействия людей выступает как в полной мере *конкретная* сфера общественной жизни, обладающая своими специфическими *имманентными* законами движения. Иными словами, она предстает во всей ее относительной самостоятельности от всех других форм общественной жизнедеятельности людей и как раз поэтому выступает как предмет особой науки. При этом система экономического взаимодействия людей выступает как исторически возникшая и исторически развившаяся система, все стороны которой взаимно связаны друг с другом единством происхождения (генетически).

При этом важно подчеркнуть, что система экономических отношений выступает как система не только [133] *относительно*, но и *абсолютно* самостоятельная и независимая от воли и сознания индивидов, хотя и складывается при активнейшем участии их воли и сознания. Сам характер этого участия сознательной воли в процессе складывания системы определен не со стороны «природы духа», не заранее и извне, а опять-таки самой же системой экономических отношений, внутри которой оказываются люди, наделенные волей и сознанием. Иными словами, сами воля и разум предстают здесь как модусы какой-то иной субстанции, как ее абстрактные проявления, как ее порождения. Все определения воли и сознания индивидов, втянутых в процесс развития экономических отношений, внутри которой оказываются люди, наделенные волей и сознанием. Иными словами, сами воля и разум предстают здесь как модусы какой-то иной субстанции, как ее абстрактные проявления, как ее порождения. Все определения воли и сознания индивидов, втянутых в процесс развития

экономической системы, буквально выводятся из характера внутреннего самодвижения системы в целом, понимаются как *продукты* движения этой системы.

Таким образом, с этой точки зрения, все выглядит как раз наоборот, если сравнивать с гегелевской конструкцией, все поставлено с головы на ноги. И именно материализм выступает здесь как главная причина и условие того обстоятельства, что диалектика проведена в понимании экономики в полной мере, гораздо шире и глубже, нежели это вообще возможно сделать с гегелевских позиций.

Для Гегеля категория конкретности применима только там и тогда, где и когда речь идет о сознательной воле и ее продуктах, лишь в сфере духа и его порождений.

С точки зрения Маркса, эта важнейшая категория диалектики применима в полной мере *везде, в любой сфере природного и общественного бытия*, независимой от какого бы то ни было духа, а уже на этой основе – и к явлениям жизни самого духа, т.е. к развитию любой сферы общественного сознания, в том числе и мышления, сферы логики.

Согласно гегелевской конструкции, в соответствии с ее идеалистической исходной точкой, ни одна форма движения в природе не может быть понята как *конкретная* форма, как исторически возникшая саморазвивающаяся система внутренне взаимодействующих явлений. Любая такая сфера лишь тогда приобретает какое-либо отношение к конкретности, когда она вовлекается в русло духовного процесса, когда ее удастся истолковать в качестве порождения духа, в качестве модуса духовной субстанции. Качество конкретности оказывается исключительным, [134] *монопольным* достоянием саморазвивающегося духа, природа сама по себе (в том числе материальная сторона человеческого общественного бытия) конкретностью в своем существовании совершенно не обладает. Взаимосвязь, в глазах Гегеля, вообще возможна только чисто идеальная, лишь духом, лишь понятием положенная.

Поэтому категория конкретности, одна из центральных категорий диалектики, выхолащивается у него настолько, что ее уже невозможно применить в естественной науке или в материалистическом понимании общества. Короче говоря, категория конкретности, а следовательно, и диалектика вообще, которая немыслима без этой категории, оказывается неприменимой ни к чему, кроме сферы духа. Ко всему же остальному она применима лишь постольку, поскольку это остальное истолковывается чисто идеалистически, как одно из проявлений

всеобщего духа, как одностороннее (абстрактное) обнаружение конкретного духа – «конкретной полноты и богатства» абсолютного духа, абсолютной идеи.

Эта идеалистическая ограниченность гегелевского понимания конкретности, узость этого понимания неразрывно связана с тем представлением, что природа есть нечто неразвивающееся, что развитие принадлежит лишь духу.

Конкретность и в самом деле неразрывно связана с развитием, притом с развитием диалектическим, с «саморазвитием через противоречия». Последнее Гегель видел только в сознании и нигде больше. Отсюда и узость его понимания конкретности, понимания, которое во всей его узости затем распространяется на всю область природы.

С этим связано и гегелевское толкование способа восхождения от абстрактного к конкретному. В его устах это значит, что вся реальность, включая и природу и историю, есть процесс «восхождения духа» к самому себе, процесс, проходящий ряд ступеней от «механизма», как сферы чисто абстрактного обнаружения духовности, к конкретному человеческому духу. Восходит же к самому себе дух абсолютный, нечеловеческий, божественный. Как таковой этот дух конкретен сам по себе и до того, как он односторонне, абстрактно обнаружил себя в виде «механизма», «химизма» и «организма». [135]

Поэтому «чистая логика» в системе Гегеля и предпослана рассмотрению природы. Природа же предстает как ряд ступеней, в которых конкретный логический дух все полнее и конкретнее обнаруживает себя вовне, в форме пространства и времени.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному совпадает поэтому у Гегеля с процессом порождения мира логической идеей. Здесь, таким образом, закон духовного воссоздания мира силами и средствами мышления непосредственно выдается за закон создания этого мира творческой мощью понятия.

В основе этой гегелевской иллюзии, как показал Маркс, лежит просто-напросто односторонний взгляд философа-логика на действительность. Гегеля, как логика ex professo, интересует везде и прежде всего «не логика дела, а дело логики». А с этой точки зрения, человек рассматривается только как субъект логически-теоретической деятельности, внешний же мир – только как объект, только как материал, который эта деятельность обрабатывает. В логике такая абстракция в известных границах правомерна, и пока логика не забывает про эти границы, ничего идеалистического в такой абстракции еще нет.

Однако Гегель своей постановкой вопроса упраздняет эти границы. Он рассматривает мышление не только и не просто как одну из способностей человека, но и как субстанциональный первоисточник всех остальных человеческих способностей и видов деятельности, как их сущностную первооснову. Способность практически изменять внешний мир, природу вне человека, он также толкует как проявление мыслящего начала в человеке. Реальный процесс практического изменения мира предстает в его философии как следствие и проявление чисто духовной, в конечном счете чисто логической деятельности, а вся материальная культура человечества – как продукт мышления, как «опредмеченное понятие», как «инобытие понятия».

Но ведь в действительности ближайшей основой развития мышления является не природа как таковая, а как раз изменение природы общественным человеком, практика. Если же эта предметно-практическая основа мышления представлена как продукт мышления, как мышление в его предметном осуществлении, то получается, [136] что мышление только по видимости имеет дело с предметностью, а на самом деле, в сущности, только с самим собой, со своим же собственным «инобытием». Логические определения, т.е. те определения, которыми внешний предметный мир обязан мышлению, начинают казаться абсолютными и единственно истинными определениями этого мира.

Точка зрения логики и превращается у Гегеля в абсолютную и всеобъемлющую точку зрения. Если сущность человека усмотрена в мышлении, а сущность предметной действительности – в том, что она продукт мышления, «отчужденное понятие», то и закон развития мышления выступает как закон развития реального мира. Поэтому-то «человек» и «мышление в понятиях» для Гегеля оказываются полными синонимами, точно так же, как «мир» и «мир в понятии», «логически освоенный мир». Закон, на самом деле определяющий только деятельность теоретически мыслящей головы, превращается в верховный закон развития и практики человека и предметного мира.

Реальным предметом гегелевской логики на самом деле везде остается – вопреки его иллюзиям – только процесс теоретического освоения мира, процесс мысленной репродукции мира. Поскольку Гегель исследует этот предмет, он и приходит к действительным открытиям. Постольку же, поскольку он принимает этот предмет не за то, что он на самом деле есть, а за нечто большее – за процесс становления самого мира, постольку он встает на путь неправильного понимания не только мира, но и самого мышления. Он лишает себя всякой возможности понять самый процесс мышления. Раз действительные условия, рождающие логическую

деятельность, изображены как ее же собственные продукты и последствия, то она просто повисает в воздухе, или, точнее, «в эфире чистого мышления». Становится совершенно необъяснимым самый факт возникновения мышления и законы его развития. Оно лишается какого бы то ни было вне его лежащего основания. Это основание и усматривается в нем самом. Поэтому Гегель вынужден в итоге толковать логическую способность – способность различения и соединения понятий – как своего рода «дар божий», как деятельность саморазвивающегося «понятия», «в себя углубляющегося и из себя развивающегося». Необъяснимой [137] остается и закономерность восхождения от абстрактного к конкретному, выявленная Гегелем в движении теоретического познания. На вопрос: почему же мышление движется так, а не как-нибудь иначе, гегелевская философия дает ответ по существу тавтологический: такова уж первозданная и несотворимая природа мышления. Тавтология перестает здесь быть только тавтологией и оборачивается идеалистической ложью.

В этот пункт и направляет свои критические удары Маркс, показывая, что объяснения здесь по существу нет никакого, а если отсутствие объяснения выдается за объяснение, то это и равнозначно идеализму.

Отсекая гегелевское представление о мышлении как о творце предметного мира, Маркс, однако, не отвергает того закона, который Гегель выявил в движении теоретического знания, хотя и дал ему ложное идеалистическое толкование. Реально, указывает Маркс, способ восхождения от абстрактного к конкретному есть не что иное, как лишь способ, с помощью которого человеческое мышление усваивает вне его и независимо от него существующую конкретную действительность. Как таковой, этот способ предполагает, во-первых, существование неосмысленной конкретности, во-вторых – практически-предметную деятельность общественного человека, развивающуюся независимо от мышления, и, в третьих, – непосредственно-чувственную форму отражения объективной конкретности в сознании, т.е. эмпирическое сознание, созерцание и представление, формирующееся опять-таки совершенно независимо и до специальной теоретической деятельности. Иными словами, теоретическому мышлению предпосылается существование не только предметного мира, но и другая форма сознания, непосредственно образующаяся в ходе чувственно-практической деятельности, – *практически-духовный способ освоения мира*, как ее называет Маркс.

У Гегеля все эти предпосылки теоретического мышления изображены как его продукты и следствия. Маркс ставит вещи на свои места.

С этой материалистической точки зрения, как показал Маркс, метод восхождения от абстрактного к конкретному может и должен быть понят вполне рационально, без всякой мистики, как тот способ, с помощью которого мышление только и может воссоздать в понятии, в [138] движении понятий, вне и независимо от него существующую, исторически сложившуюся конкретность, мир, существующий и развивающийся вне и независимо от мышления. [139]

Взгляд Маркса на процесс развития научного познания

Вопрос об отношении абстрактного к конкретному в мышлении встал перед Марксом, как известно, в свете другого, более общего вопроса: «как развивать науку?» 1.

Уже в самой формулировке вопроса предполагается взгляд на научное развитие, как на естественный исторический процесс. Марксу вообще всегда был решительно чужд тот левацкий взгляд на развитие духовной культуры, который игнорирует все предшествующие завоевания человеческой мысли. В науке, как и прочих областях духовной культуры, действительное движение вперед всегда осуществляется путем дальнейшего развития того ценного, что создано всем предшествующим развитием, а не на пустом месте, не локковской «tabula rasa», а теоретически развитой головой.

Само собой разумеется, что усвоение результатов предшествующего теоретического развития – это не простое наследование готовых формул, а сложный процесс их критического переосмысливания с позиции их соответствия фактам, жизни, практике. Новая теория, какой бы революционной она ни была по своему содержанию и значению, всегда рождается в ходе критической переработки завоеваний предшествующего теоретического развития. Это обстоятельство подчеркивал и Ленин в борьбе против левацких взглядов пролеткульта, согласно которым пролетарскую культуру следует развивать «прямо из жизни», отбросив в сторону, как ненужный хлам, все завоевания человеческой мысли.

Чем революционнее теория, тем в большей степени она является подлинной наследницей прошлого теоретического развития, тем в большей степени она усваивает «рациональные зерна», накопленные наукой до нее. Это необходимый закон развития науки, теории. Новое теоретическое понимание эмпирически данных [139] фактов всегда и везде возникает только в ходе революционно-критической переработки старого теоретического понимания этих фактов.

«Сведение критических счетов» с ранее развитыми теориями есть вовсе не побочное, второстепенной важности занятие, а необходимый момент разработки самой теории, момент теоретического анализа фактов. И «Капитал» совсем не случайно имеет такой подзаголовок, второе название: «Критика политической экономии».

Здесь анализ понятий, развитых всей предшествующей историей политической экономии, совпадает органически, по существу, с анализом упрямых фактов экономической действительности. Эти два аспекта научно-теоретического исследования совпадают, сливаются в один процесс. Ни один из них не мыслим и не возможен без другого. Как критический анализ понятий невозможен помимо и вне анализа фактов, так и теоретический анализ фактов невозможен, если нет понятий, через которые они могут быть выражены. Диалектическая логика Маркса полностью учитывает значение этого обстоятельства.

Уже поэтому в диалектике совершается сознательное, преднамеренное совпадение индуктивного и дедуктивного моментов, как неразрывных, взаимопредполагающих моментов исследования.

Старая логика более или менее последовательно понимала под индукцией процесс анализа *эмпирических фактов*, процесс образования аналитических определений факта. Поэтому индукция и казалась если не единственной, то, во всяком случае, *основной* формой достижения нового знания. Дедукция же рассматривалась главным образом как процесс анализа понятия, как процесс установления различий внутри понятия. В качестве таковой она представлялась по преимуществу как процесс и форма *разъяснения, изложения* готового знания, знания, которое уже имеется в голове, а не как форма образования нового знания, новых понятий. Дело в том, что человек (при том, разумеется, условии, если он действительно осмысливает факты) всегда приступает к анализу эмпирических фактов не с «пустым» сознанием, а с сознанием, развитым в ходе образования. Иными словами, он всегда приступает к фактам с точки зрения тех или иных понятий. Хочет он того или не хочет, без этого он вообще не может активно осмыслить, [140] понять факты, а может, в лучшем случае, лишь пассивно созерцать их.

В самом простом обобщении индукция неразрывно связана с дедукцией: человек выражает факты в *понятии*, а это значит, что новое аналитическое определение фактов образуется одновременно как новое – более конкретное – определение того понятия, с точки зрения которого он осмысливает эти факты. В противном случае аналитическое определение факта вообще не образуется.

Хочет того человек или не хочет, но каждое новое индуктивное определение факта образуется им в свете того или иного готового, так или иначе усвоенного им от общества понятия, в свете той или иной системы понятий. И тот, кто полагает, что он выражает факты «абсолютно непредубежденно», без всяких «заранее принятых» понятий, – тот на самом деле не свободен от них. Напротив, он неизбежно оказывается рабом как раз самых плоских и вздорных понятий.

Свобода и здесь заключается не в устранении от необходимости, а в сознательном овладении ею. Подлинная непредубежденность состоит не в том, чтобы выражать факты вообще без всяких «заранее принятых» понятий, а в том, чтобы выражать их с помощью сознательно усвоенных *правильных* понятий.

Относительно философских категорий это обстоятельство прекрасно показал в своей критике эмпиризма Энгельс: естествоиспытатель, который кичится своей «свободой» от всяких логических категорий, как правило, оказывается в плену самых пошлых представлений о них. Сам он, единолично, «из фактов», образовать их не в состоянии, – это было бы претензией совершить то, что может совершить лишь человечество в его развитии. Поэтому на деле он всегда заимствует логические категории из философии. Вопрос заключается в том, из какой именно: то ли из скверной модной системы, то ли из системы, представляющей собой действительную вершину развития, из системы, основывающейся на исследовании всей истории человеческого мышления и его завоеваний.

Это относится, разумеется, не только к понятиям философской науки. То же самое происходит с категориями любой науки. Человек никогда не начинает мыслить [141] «с самого начала», «прямо из фактов». Без идеи в голове вообще не увидишь факта, – говорил И.П. Павлов. Бессмысленное «созерцание» и безыдейная «индукция» – это такая же фантазия, как и «чистое мышление».

Эмпирик, полагающий, что он мыслит только фактами, на самом деле всегда «...оперирует преимущественно традиционными представлениями, устаревшими большей частью продуктами мышления своих предшественников...» 2. Эмпирик поэтому легко путает абстракции с реальностью, реальность с абстракциями, субъективные иллюзии легко принимает за объективные факты, а объективные факты и выражающие их понятия – за абстракции и иллюзии. Как правило, он в виде определений фактов конкретизирует ходячие абстракции.

Следовательно, сама «эмпирическая индукция» совершается как процесс конкретизации тех представлений и понятий, с которыми

приступают к рассмотрению фактов, т.е. как дедукция, как процесс наполнения исходных понятий новыми, более детальными определениями, полученными из фактов путем абстракции.

В материалистической диалектике рационально «снята» старая противоположность дедукции и индукции. Дедукция перестает быть способом формального выведения определений, заключенных а priori в понятии, и превращается в способ действительного развития знаний о фактах в их движении, в их внутреннем взаимодействии. Такая дедукция органически включает в себя эмпирический момент – она совершается именно через строжайший анализ эмпирических фактов, через индукцию. Но в данном случае названия «дедукция» и «индукция» выражают лишь внешнее, формальное сходство метода материалистической диалектики с соответствующими методами рассудочной логики. На самом деле это и не индукция, и не дедукция, а нечто третье, заключающее в себе как свои «снятые моменты» и то и другое. Здесь они осуществляются одновременно, как взаимно предполагающие противоположности, которые именно своим взаимодействием образуют новую, более высокую форму логического развития. [142]

И эта более высокая форма, органически сочетающая в себе процесс анализа фактов с процессом анализа понятий, и есть тот метод восхождения от абстрактного к конкретному, о котором говорит Маркс. Это и есть та логическая форма развития знания, которая единственно соответствует объективной природе предмета. Дело в том, что лишь с ее помощью объективная конкретность может быть воспроизведена в мышлении как реальность, исторически возникшая и развившаяся. Никаким иным способом этого проделать нельзя.

Как таковой, способ восхождения от абстрактного к конкретному ни в коем случае не есть лишь способ изложения готового, заранее как-то иначе полученного знания, как это не раз пытались представить ревизионисты учения Маркса, извращавшие метод «Капитала» в духе плоского неокантианства.

Так, например, истолковывает способ восхождения от абстрактного к конкретному Р. Гильфердинг. Приведя выдержку из «Введения» к марксовской работе «К критике политической экономии» («Если идти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же – абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления»), Гильфердинг комментирует ее так: «Уже из этого видно, как неправильно приравнивать дедукцию и индукцию, как равноценные источники познания. Дедукция есть скорее лишь способ научного изображения, который действительно сможет перейти, в конце концов, от общего к изображению частного лишь

при том условии, если в мышлении ему предшествовала «индукция» 3. Называя способ восхождения от абстрактного к конкретному дедукцией и толкуя его крайне односторонне, только с точки зрения его внешнего сходства с традиционно понимаемой дедукцией, Р. Гильфердинг отрицает за ним достоинство метода исследования реальных фактов и сводит его лишь к форме систематического изложения готового знания – знания, которое якобы должно быть предварительно получено другим, а именно индуктивным путем. [143]

В том же направлении рассуждает в предисловии к своей «Теории капиталистического хозяйства» и известный австромарксист Карл Реннер. Он сводит существо способа восхождения от абстрактного к конкретному, примененного в «Капитале», к «манере изложения немецких философов», усвоенной-де Марксом от современной ему эпохи. Поскольку эта манера изложения стала якобы совершенно чуждой нынешним поколениям читателей, Реннер и считает целесообразным заменить ее иной манерой изложения. «Я не знаю ни одной книги, которая обязана была бы своим происхождением такой массе опыта, как «Капитал» Маркса, – говорит Реннер, – еще меньше я знаю книг, изложение которых, несмотря на это, было бы столь дедуктивно и абстрактно» 4. Поэтому Реннер считает целесообразным «изложить» содержание теории Маркса в другой манере – в манере, которая «исходит из фактов опыта, непосредственно наблюдаемых, систематизирует их и затем постепенно возводит на ступень абстрактных понятий» 5, т.е. индуктивно. В этом случае, полагает Реннер, манера изложения будет соответствовать способу исследования, в то время как в «Капитале» одно-де противоречит другому.

В результате Реннер совершенно некритически обобщает эмпирические явления современного капитализма в том их виде, в каком они выглядят на поверхности, а затем выдает свои обобщения за теоретическое выражение сущности этих явлений. На этом пути он открывает, например, что рабочий, покупая акции, приобщается тем самым к собственности на общественные средства производства, в результате чего совершается автоматическая «демократизация капитала», «социализация» общественного производства, делающая излишней революцию. Тем самым Реннер показывает, что дело не только в манере изложения. Под видом изменения манеры изложения он жульнически подменил *метод* Маркса, метод исследования явлений, способом апологетики.

Столь же мало способ восхождения от абстрактного к конкретному может быть истолкован как способ чисто логического синтеза готовых (заранее, чисто аналитическим [144] путем полученных) абстракций в систему. Представление о том, что в ходе познания сначала будто бы совершается «чистый» анализ, в

ходе которого вырабатываются многочисленные абстракции, а уже затем столь же «чистый» синтез принадлежит к числу таких же фантазий метафизической гносеологии, как и представление об индукции без дедукции.

Обосновывая этот взгляд, иногда приводят в качестве примера развитие науки в XVII-XVIII вв. Но при этом невольно совершают насилие над фактами. Если даже согласиться с тем, что для этого периода действительно характерна аналитическая форма отношения к фактам (хотя синтез на самом деле, вопреки иллюзиям теоретиков, осуществлялся и здесь), то нельзя забывать, что это не первая ступень в научном развитии человечества и что сам «односторонний анализ», характерный для этой эпохи, предполагает в качестве своей предпосылки древнегреческую науку. Для античной же науки – для действительно первой стадии научного развития Европы – гораздо характернее как раз «обобщенно синтетический» взгляд на вещи. И если уж ссылаться на историю метафизики XVII-XVIII вв., то не следует забывать, что она сама есть не первая, а скорее вторая великая эпоха развития мышления. Но в таком случае скорее синтез, а не анализ выступает как исторически первая стадия переработки фактов в мышлении.

Пример, таким образом, доказывает как раз обратное тому, что хотели с его помощью доказать.

Анализ и синтез есть (и всегда были) такими же неразрывными внутренними противоположностями процесса мышления, как и дедукция с индукцией. Если та или иная эпоха переоценивала одно в ущерб другому, то это не следует возводить в закон, которому мышление должно подчиняться впредь, в логический закон, в рецепт, согласно которому каждая наука якобы должна сначала пройти «чисто аналитическую» стадию развития, а уже после нее, на ее основе приступить к синтетической.

Но именно на таком представлении основывается мнение, что способ восхождения от абстрактного к конкретному может быть применен лишь там и тогда, когда полностью закончен предварительный процесс «воспарения» конкретного к абстрактному. [145]

Способ восхождения от абстрактного к конкретному есть прежде всего способ анализа реальных эмпирических фактов. Как таковой он органически включает в себя в качестве своей внутренней необходимой противоположности «обратное» движение, – каждый отдельный шаг на этом пути есть не что иное, как акт восхождения от чувственно-данной конкретности к ее абстрактно-теоретическому выражению. Поэтому-то процесс восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении есть в то же время и

постоянно возобновляющееся движение от конкретного в созерцании и представлении к конкретному в понятии.

Абстрактные определения чувственно-данных фактов, которые на пути восхождения к конкретной истине синтезируются в систему, в ходе самого движения и образуются. Они ни в коем случае не берутся готовыми в качестве продуктов предшествующей, якобы чисто аналитической, стадии логического познания.

И если в утверждении, согласно которому восхождение от абстрактного к конкретному предполагает чисто аналитическое сведение чувственно-эмпирической конкретности к абстрактному выражению как особую, по времени и по существу предшествующую фазу логической деятельности, имеется какой-то смысл, то этот смысл заключается в том, что теоретическое рассмотрение действительности предполагает уже наличие развитого словарного запаса, стихийно сложившуюся терминологию, систему абстрактно-общих представлений. Эта «чисто аналитическая» стадия отражения предметной действительности в сознании есть лишь предпосылка логически-теоретической деятельности, но не ее первая фаза.

Итак, можно подытожить: способ восхождения от абстрактного к конкретному – это специфическая форма деятельности мышления, логической переработки созерцания и представления в понятия. Это ни в коем случае не искусственный прием, не манера изложения готового знания, не формальный способ соединения готовых абстракций в систему.

Это прежде всего «естественный» закон теоретического развития человечества, выявленный философией, а затем превращенный в сознательно применяемый способ развития теории. [146]

Каждое отдельно взятое «индуктивное» обобщение (формула которого: от конкретного в созерцании к абстрактному в мышлении) на деле всегда осуществляется в контексте общего движения познания, – и в этом смысле является лишь «исчезающим моментом» в ходе общего движения к конкретной истине. Тем самым восхождение от абстрактного к конкретному в мышлении и диалектика мышления – это неразрывно связанные вещи.

Не случайно Ленин, тщательно выписав длинное определение пути от абстрактного к конкретному, данное Гегелем в последнем разделе «большой» логики, характеризует его так:

«Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика» 6.

Определение, цитируемое Лениным как раз и характеризует процесс мышления как процесс восхождения от абстрактного к конкретному:

«...Познание катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что последующие определенности становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как течение от некоторого другого к некоторому другому. В абсолютном методе понятие сохраняется в своем инобытии, всеобщее – в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» 7.

Именно эти разделы гегелевской Логики, в которых излагается идея восхождения от абстрактно-всеобщей определенности предмета к все более и более конкретному ее наполнению, Ленин в своих конспектах выделяет как [147] разделы, в которых менее всего сказывается идеализм, где речь идет прежде всего о диалектическом методе.

«Замечательно, что вся глава об “абсолютной идее” почти ни словечка не говорит о боге (едва ли не один раз случайно вылезло “божеское” “понятие”) и, кроме того, *это NB*, почти не содержит специфически *идеализма*, а главным своим предметом имеет *диалектический метод*. Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* – это крайне замечательно. И еще одно: в этом самом *идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше идеализма, всего больше материализма*. “Противоречиво”, но факт!» 8

При диалектическом взгляде на процесс познания способ восхождения от абстрактного к конкретному, от всеобщего теоретического определения *предмета*, данного в созерцании и представлении, ко все более конкретным его определениям и выступает как форма теоретически-правильной переработки эмпирических фактов в понятии. Так его рассматривает и Маркс во «Введении» к работе «К критике политической экономии», и Ленин в своих замечаниях и оценках по поводу последней главы гегелевской Логики. [148]

-
- 1 **Маркс К.** К критике политической экономии, с. 233.
 - 2 **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения, т. XIV, с. 599.
 - 3 **Гильфердинг Р.** Историческая подготовка политической экономии Маркса / Основные проблемы политической экономии. Москва, 1922, с. 235 (курсив наш. – Э.И.).
 - 4 **Реннер К.** Теория капиталистического хозяйства. Москва – Ленинград, 1926, с. XIX.
 - 5 Там же.
 - 6 **Ленин В.И.** Философские тетради, с. 202.
 - 7 **Гегель Г.В.Ф.** Сочинения, т. VI. Москва, Соцэкгиз, 1939, с. 315.
 - 8 **Ленин В.И.** Философские тетради, с. 205.

Материалистическое обоснование способа восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса

В качестве всеобщего закона, которому подчиняется процесс научного развития, способ восхождения от абстрактного к конкретному был сформулирован Гегелем. Но только у Маркса, давшего материалистическое обоснование этому закону, он стал служить действительным методом развития *конкретно-научного* знания, в то время как у Гегеля (и именно вследствие идеалистического его толкования и применения) он выступал исключительно как способ построения спекулятивной науки наук, абсолютной системы «мира в целом».

Маркс не только обосновал этот закон в общетеоретическом плане. Он реально применил его в разработке одной из конкретных наук – политической экономии. [148] Созданный с его помощью «Капитал» и включает в себе конкретное, развернутое практическое доказательство необходимости этого способа, его реальное материалистическое обоснование, как метода единственно соответствующего диалектике развития предметной объективной действительности.

Анализ «Капитала» с точки зрения примененного в нем метода исследования и должен показать конкретное существо способа восхождения от абстрактного к конкретному.

Этот способ должен быть показан как такой, который только и может обеспечить разрешение центральной задачи научного исследования, как она рисуется с точки зрения материалистической диалектики, – задачи прослеживания конкретной

взаимообусловленности явлений, создающих своим взаимодействием *систему*, исторически возникшую, развившуюся и продолжающую развиваться все новые и новые формы своего существования, все новые и новые формы внутреннего взаимодействия.

Никаким иным методом эту задачу разрешить нельзя. Любой другой способ не соответствует объективной природе предмета, который с его помощью духовно воспроизводится.

Крайне ошибочным было бы усматривать необходимость метода восхождения от абстрактному к конкретному лишь в том, что сознание человека не может охватить сразу всю сложность предмета, что ему поневоле приходится «восходить» от неполного, одностороннего (абстрактного) представления о предмете к все более полному и всестороннему знанию о нем. Такое объяснение было бы просто крайне недостаточным. Точнее, это не объяснение, а просто ссылка на общеизвестный факт. Что сознание действительно таково – это само собой очевидно. Но все свойства и особенности сознания сами еще нуждаются в материалистическом объяснении. Кроме того, такая ссылка на природу сознания вообще еще ровно ничего не объясняла бы в специфике способа восхождения от абстрактного к конкретному, как способа научно-теоретического исследования. Простое ознакомление с предметом, с явлением и системой явлений тоже протекает как процесс постепенного, последовательного усвоения все новых и новых деталей, подробностей, как процесс перехода от одностороннего, бедного представления о предмете к многостороннему [149] (но по-прежнему чисто эмпирическому) представлению о нем. Процесс накопления эмпирических сведений, посредством которого действительность делается известной, но не делается еще *познанной*, тоже протекает как процесс развития от одностороннего знания к знанию всестороннему.

Это толкование, таким образом, отмечало бы лишь то абстрактно-одинаковое, что процесс теоретического воспроизведения конкретности в понятии имеет с процессом простого эмпирического ознакомления с явлениями, и не выражало бы специфики ни того, ни другого.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ *отражения* конкретной действительности в мышлении, а отнюдь не способ ее *сотворения* силой мышления, как то изображал Гегель. Именно поэтому вовсе не от мышления зависит – с чего начинать и в каком порядке продолжать логическое развитие понятий этим способом. Как показал Маркс, это зависит исключительно от того отношения, в котором стоят друг к другу различные стороны конкретного целого. Способ логического

развития должен поэтому соответствовать способу внутреннего расчленения этого целого, диалектике становления конкретности вне мышления, то есть, в конечном счете, историческому развитию этой конкретности, хотя, как мы это ниже покажем, такое совпадение не является простым, зеркально-мертвым, и касается лишь всеобщих моментов развития.

Формула материализма в теории познания и логике как раз обратна вышеприведенной: предмет таков, что ему соответствует лишь такая, а не какая-нибудь иная форма деятельности сознания, предмет таков, что лишь при помощи этого способа он может быть отражен в сознании.

Иными словами, вопрос о способе логической деятельности и здесь превращается в исследование *объективной природы предметной реальности*, в дальнейшее раскрытие категории конкретности как *предметной* категории, выражающей всеобщую форму существования действительности.

И здесь царствует принцип совпадения логики, теории познания и диалектики: вопрос на первый взгляд чисто логический по существу является вопросом о всеобщих формах, в которых совершается становление и развертывание объективной конкретности. [150]

Материалистическое обоснование правильности и необходимости способа восхождения от абстрактного к конкретному может заключаться только в показе тех реальных всеобщих законов, которым одинаково подчиняется в своем становлении любая конкретная система взаимодействующих явлений (товарно-капиталистическая система общественных отношений или солнечная система, химическая или биологическая форма взаимодействия и т.д.).

Но здесь мы опять сталкиваемся с известной уже диалектической трудностью – диалектика сказывается и в постановке вопроса о самой диалектике. Выяснить и теоретически выразить всеобщие законы становления *любой* конкретности, по-видимому, невозможно на пути индуктивного обобщения, на пути абстрактного отвлечения того общего, того одинакового, что имеют между собой товарно-капиталистическая система с солнечно-планетной, а биологическая форма взаимодействия в природе с электромагнитной, химической и т.д.

Поставить вопрос так, значит поставить перед собой абсолютно неразрешимую по самой ее природе задачу. Ведь всех случаев конкретного взаимодействия в бесконечной природе не знает не только автор работы, а и человечеству в целом до этого еще весьма

далеко. И тем не менее мы стоим перед задачей вскрыть именно *всеобщие* законы становления любой объективной системы конкретного взаимодействия. Иными словами, мы возвратились снова к одной из «вечных» проблем философии: возможно ли, а если возможно, то как, выработать на основе исследования ограниченного, по необходимости конечного круга фактов, реально-всеобщее, бесконечное обобщение.

По счастью, философия никогда и не пыталась реально добыть такое понимание на индуктивном пути. Реальное развитие науки и философии давно *практически* разрешало и разрешает эту «антиномию», кажущуюся принципиально неразрешимой лишь тогда, когда она формулируется метафизически.

На самом деле человечество не только в философии, но и в любой области познания добывало всеобщие, «бесконечные» обобщения и выводы не путем *абстракции* того одинакового, что имеют между собой все возможные случаи, а путем *анализа* хотя бы одного типичного случая. [151]

В этой связи достаточно вспомнить слова Энгельса в «Диалектике природы»:

«Замечательный пример того, насколько основательны претензии индукции – быть единственной или хотя бы основной формой научных открытий, дает термодинамика. Паровая машина является поразительнейшим доказательством того, что можно из теплоты получить механическое движение. 100 000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина, но они все более и более заставляли физиков заняться объяснением этого. Сади Карно первый серьезно взялся за это, но не путем индукции. Он изучил паровую машину, анализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает в *чистом* виде, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти ненужные для главного процесса побочные обстоятельства и создал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую так же нельзя построить практически, как нельзя, например, провести практически геометрическую линию или поверхность, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неприкрытом виде» 1

Не индукция, направленная на поиски абстракции, выражающей общее для всех частных случаев, а углубленный *анализ* одного частного случая, направленный на то, чтобы выявить искомый процесс в его «чистом» виде, – таким был и путь философии везде и всегда, где и когда она действительно приходила к объективным открытиям. Путем индукции и абстракции пытались идти разве

что люди, подобные Конту и Спенсеру. Но зато и результаты их стараний оказались соответствующими.

Философия всегда решала свои специфические проблемы, существенно отличные от стремления отыскать то абстрактно-общее, что крокодил имеет вместе с Юпитером, а солнечная система – с богатством. У философии всегда были свои серьезные проблемы, в ходе решения которых она и шла к раскрытию всеобщих закономерностей [152] всего существующего, к раскрытию содержания категорий.

Маркс, как известно, подверг критическому анализу гегелевскую систему всеобщих категорий вовсе не путем сравнения этих категорий с тем общим, что человечество имеет с атомным ядром, а они оба вместе – со строением большой вселенной.

Критическое преодоление гегелевской системы категорий свершилось путем ее критического сопоставления преимущественно с одним (но, и все дело в этом, с типичным) случаем диалектического развития – с диалектикой общественных отношений производства на одной из ступеней их развития.

Критическое преодоление исторически развитых философией всеобщих категорий с точки зрения углубленного анализа хотя бы одного типичного случая – это и есть тот реальный путь, на котором всегда свершалась эволюция в понимании содержания всеобщих категорий.

К анализу единичного с точки зрения всеобщего всегда реально и сводится основная задача теоретического анализа всеобщего. Надо только суметь выделить в единичном то, что составляет не единичность и особенность этого случая, а его всеобщность. Именно в этом пункте как раз и требуется максимально сознательное отношение к абстракции и к путям ее получения. Ведь самая обычная ошибка теоретического исследования и заключается в том, что за всеобщую форму единичного факта принимают то, что на деле относится лишь к данному стечению преходящих обстоятельств, внутри которых дана созерцанию эта реально-всеобщая форма.

И поскольку речь заходит о том, чтобы более полно раскрыть содержание такой всеобщей категории, как конкретность, то задачу не только можно, но и нужно решать на пути исследования хотя бы одного типичного случая живой диалектически развившейся системы внутренне взаимодействующих объективных явлений.

Типичнейшим случаем такой саморазвивающейся, относительно самостоятельной системы (конкретности) является система

товарно-капиталистических отношений между людьми. Ее мы и возьмем в качестве того непосредственного частного случая конкретности вообще, в котором могут и должны быть выявлены всеобщие контуры всякой [153] конкретности. Материал из других областей мы будем привлекать к рассмотрению лишь постольку, поскольку он сам по себе характерен.

Выбор этого материала определяется не субъективным капризом или личными склонностями. Гораздо более веское обстоятельство в пользу такого выбора заключается в том, что ни одна другая конкретность еще не постигнута мышлением с такой полнотой, с какой постигнута эта. Ни одна другая система конкретного взаимодействия не предстает еще перед нами во всей сложности и полноте ее внутренней диалектики, во всей сложности ее структуры, как система товарно-капиталистических отношений, раскрытая в «Капитале» и других произведениях классиков марксизма-ленинизма, – именно поэтому на этом материале и целесообразнее всего рассматривать всеобщие характеристики всякой конкретности, раскрывать категорию конкретности вообще.

Такой способ рассмотрения вполне совпадает с тем, что делал в своей познавательной практике сам Маркс.

Когда Маркс поставил перед собой задачу раскрыть всеобщий закон капитализма как такового, как исторически определенной системы общественного производства, он вовсе не пошел по пути индуктивного сравнения всех без исключения случаев капиталистического развития, имевшихся на земном шаре в его время. Он поступил по-иному, поступил, как диалектик: он взял *самый характерный и самый развитый случай*, а именно английскую товарно-капиталистическую действительность и ее теоретическое отражение в английской экономической литературе, и развернул *всеобщую* экономическую теорию, главным образом, на основе детального исследования этого *одного случая*.

Он понимал при этом, что всеобщие законы развития капитализма одни и те же для любой страны, и что Англия, как страна дальше других ушедшая по пути капиталистического развития, показывает все явления в наиболее отчетливом виде. В ней все то, что в других странах имеется в виде слабого и очень трудно различимого намека, в виде не до конца выявившейся тенденции, перекрываемой и осложняемой побочными внешними обстоятельствами, предстало в наиболее развитой и классически четкой форме. К материалам, характеризующим [154] капиталистическое развитие других стран, Маркс обращался лишь в определенных случаях (для анализа ренты он привлек, например, много материалов из экономического развития русской деревни). Но этот путь – путь выявления непосредственно общего между

различными случаями капиталистического развития – не был столбовой дорогой, на которой он разворачивал *всеобщую* теорию капиталистического развития. Столбовой дорогой его исследования все время оставалось исследование английской экономической действительности и конструктивная критика английской политической экономии.

Теми же соображениями следует, очевидно, руководствоваться и при постановке вопроса о категориях диалектики. Ведь именно товарно-капиталистическая действительность, теоретически раскрытая в «Капитале» и других примыкающих к нему работах (как самого Маркса, так и его лучших учеников и последователей, прежде всего Энгельса и Ленина), предстает перед нами как наиболее полно развернутая картина исторически возникшей и развившейся конкретности, как типичнейший случай конкретности вообще. При этом именно «Капитал» представляет собой до сих пор непревзойденный образец сознательного применения диалектического метода, диалектической логики во всем объеме ее содержания. Он показывает многим наукам их завтрашний день, показывает в классически четкой форме все те стороны метода, которые в других науках столь последовательно еще не реализованы.

Следует отметить также, что конструктивная критика предшествующих теорий, представляющая собой неотъемлемый момент теоретической разработки научных проблем современности, предполагает, что критическому усвоению подвергается доброкачественный теоретический («мыслительный») материал, действительно высшие образцы теоретического понимания той действительности, которая в данном случае выступает в качестве предмета внимания и исследования.

Когда речь шла о разработке экономической теории, тогда главными теоретическими оппонентами, в ходе спора с которыми Маркс разворачивал свое понимание действительности, были *классики* буржуазной политической экономии, а не современные Марксу представители вульгарной экономии и «профессорской формы разложения» [155] теории. Современниками Маркса эти последние были лишь по времени, а не с точки зрения теоретического проникновения в предмет. В отношении теории они стояли бесконечно ниже классиков и никак не представляли собой достойной серьезного оспаривания теоретической противоположности. И, разворачивая свое теоретическое понимание действительности в форме серьезного спора с классиками, Маркс лишь высмеивает, по ходу дела, таких «теоретиков», как Сениор, Бастиа, Мак-Куллох, Рошер и т.п. Сводить критические счеты с этими последними можно было только тогда,

когда теоретическое понимание предмета в его решающих моментах было по существу уже развернуто.

Когда же речь заходит о философских категориях, о категориях диалектики, то *классическая* буржуазная философия и по сей день остается единственно достойным и серьезным теоретическим оппонентом философии диалектического материализма, что, разумеется, не только не снимает с повестки дня задачу самой острой и беспощадной борьбы с современными реакционными системками, но и помогает обнажить их пустоту, их стремление трусливо спрятаться от больших философских проблем.

Маркс, Энгельс и Ленин относились к Гегелю или Фейербаху принципиально иначе, чем к Шопенгауэру или Конту, к Маху или Богданову. Резко критикуя спекуляции мелких и пошлых идеалистов, они никогда не старались искать там «рациональное зерно».

Разоблачая путаную софистическую аргументацию махистов, Ленин прежде всего сводит ее к тому классически ясному и принципиальному выражению, которого оспариваемая позиция достигла у Беркли и Фихте. И это не только полемический прием, но и самый верный способ *теоретически* обнажить сущность позиции. С другой стороны, когда перед Лениным вставала задача дальнейшей разработки материалистической диалектики, он оставляет в стороне махистов, как *теоретических* современников Беркли, и возвращается к критическому анализу «Науки логики» Гегеля, как подлинной вершины буржуазной мысли в области понимания всеобщих законов природы, общества и человеческого мышления.

Итак, можно подытожить сказанное: подлинное, конкретное обоснование способа восхождения от абстрактного [156] к конкретному, как единственно правильного в научном отношении метода логического развития, как метода, единственно соответствующего объективной диалектике, следует искать в «Капитале» Маркса, в анализе его логической структуры.

В «Капитале» последовательно и систематически осуществлено то совпадение логики, теории познания и диалектики, которое является отличительной чертой метода исследования Маркса, то совпадение индукции и дедукции, анализа и синтеза, которое характеризует способ восхождения от абстрактного к конкретному. Рассмотрим вопрос прежде всего в его конкретно-экономическом выражении, чтобы перейти затем к выводам общеметодологического, логического порядка.

Поставим такой вопрос: возможно ли вообще теоретически понять (воспроизвести в понятии) объективную сущность таких явлений, как прибавочная стоимость и прибыль, если до этого и независимо от этого не проанализирована категория стоимости? Можно ли понять деньги, не зная закономерностей, которым подчинено движение простого товарного рынка?

Тот, кто читал «Капитал» и знаком с проблематикой политической экономии, знает, что это – неразрешимая задача.

Можно ли образовать понятие (конкретную абстракцию) капитала на пути чисто индуктивного обобщения тех абстрактных признаков, которые наблюдаются в любом из различных видов капитала? Будет ли такая абстракция удовлетворительной в научном отношении? Будет ли такая абстракция выражать внутреннее строение капитала вообще, как специфической формы экономической реальности?

Стоит поставить вопрос так, чтобы можно было ответить на него только отрицательно.

Такая абстракция, конечно, выразит то одинаковое, что имеют между собой промышленный, банковский, торговый, ростовщический капитал. Она, безусловно, избавит нас от повторений. Но этим и исчерпывается ее реальный познавательный смысл. Она не выразит конкретной сущности ни одного из этих видов капитала. Но столь же мало она выразит конкретное существо их взаимной связи, их взаимодействия. Как раз от этого в ней и произошло отвлечение. Но ведь именно конкретное взаимодействие конкретных [157] явлений составляет, с точки зрения диалектики, предмет и цель мышления в понятиях.

Значение общего противоречиво, указывал Ленин, – оно омертвляет живую реальность, но в то же время является единственно возможной ступенью к ее постижению. Но в данном случае, как нетрудно понять, общее *только* омертвляет конкретное, только отходит от него и не является одновременно шагом к нему. Именно *от конкретного* такое общее абстрагируется, как от «несущественного».

Конкретную всеобщую природу капитала (любого капитала – и промышленного, и банковского, и торгового) такая абстракция также не выражает.

«Капитал» нагляднейшим образом демонстрирует то обстоятельство, что конкретную экономическую природу торгового капитала – как конкретной стороны товарно-капиталистического целого – принципиально нельзя понять, выразить в теоретической

абстракции, если предварительно не понят в его внутренней структуре промышленный капитал.

Рассмотрение промышленного капитала в его имманентных определениях совпадает с раскрытием сущности капитала вообще. Столь же несомненно, что промышленный капитал не может быть понят раньше, чем понята стоимость.

«...Легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять *ni l'un, ni l'autre* [ни того, ни другого]» 2.

Подчеркнем, что речь идет о том, чтобы *понять* (выразить в *понятии*), ибо создать абстракцию прибыли вообще, разумеется, можно. В последнем случае достаточно свести эмпирически наблюдаемые явления прибыли к абстрактному выражению. Такая абстракция будет вполне достаточной для того, чтобы уверенно *отличить* явления прибыли от других явлений, «узнать» прибыль. Это с успехом проделывает каждый предприниматель, прекрасно умеющий отличить прибыль от заработной платы, от денег и тому подобного.

Но предприниматель при этом не понимает, что такое *прибыль*. Он в этом вовсе и не нуждается. Он на практике поступает как инстинктивный сторонник позитивистской [158] философии и эмпирической логики. Он просто придает обобщенное выражение явлениям, важным и существенным с его точки зрения, с точки зрения его субъективной цели, и это обобщенное выражение явлений прекрасно служит ему на практике в качестве понятия, позволяющего ему уверенно отличать прибыль от не-прибыли. И как завзятый позитивист он искренне считает метафизической схоластикой, оторванным от жизни мудрствованием все разговоры о внутренней природе прибыли, о сущности, о субстанции этого дорогого его сердцу явления. Предпринимателю в условиях товарно-капиталистического производства вовсе и не требуется все это знать. «Каждый может употреблять деньги как деньги, не зная, что такое деньги» 3.

Узкопрактический рассудок, как подчеркивал Маркс, органически враждебен и чужд *пониманию* (ср. замечание по адресу Ф. Листа в гл. 1 «К критике политической экономии»).

Предпринимателю даже вредно умствовать над вопросом о том, что такое *прибыль*. Пока он будет пытаться это понять, другие, более пронырливые и практически ловкие дельцы урвут и его долю прибыли. И делец никогда не променяет реальную прибыль на понимание того, что она такое.

Но в науке, в мышлении, важно как раз *понимание*. Наука, мышление в понятиях, только и начинается там, где сознание не просто выражает и пересказывает стихийно навязываемые ему представления о вещах, а старается целенаправленно и критически проанализировать как вещи, так и представления о них.

Понять явление – значит выяснить его место и роль внутри той конкретной системы взаимодействующих явлений, внутри которой оно с необходимостью осуществляется, и выяснить как раз те особенности, благодаря которым это явление только и может играть такую роль в составе целого. *Понять явление* – значит выяснить способ его возникновения, «правило», по которому это возникновение совершается с необходимостью, заложенной в конкретной совокупности условий, значит проанализировать [159] сами условия возникновения явления. Это и является общей формулой образования *понятия, понимания*.

Понять прибыль – значит выяснить всеобщий и необходимый характер ее возникновения и движения внутри системы товарно-капиталистического производства, выявить ее специфическую роль в совокупном движении всей системы в целом.

Именно поэтому конкретное понятие и возможно осуществить только через сложную систему абстракций, выражающих явление в совокупности условий его возникновения.

Политическая экономия, как наука, исторически и начинается только там, где неоднократно повторяющиеся явления («прибыль», «зарботная плата», «процент» и т.д.) не только фиксируются с помощью общепонятных и общепринятых наименований (это происходит до науки и вне науки, в сознании практических участников производства), а постигаются конкретно, путем анализа их места и роли в составе системы.

Итак, *понять* (выразить в понятии) *прибыль* принципиально невозможно, если предварительно и независимо от нее не понята прибавочная стоимость и законы ее возникновения.

Почему это невозможно? Если мы в общетеоретической форме ответим на этот вопрос, то мы тем самым и покажем реальную необходимость способа восхождения от абстрактного к конкретному, его применимость в любой области знания.

Обратимся поэтому к истории политической экономии. [160]

1 **Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, с. 437-438.**

2 **Маркс К. Капитал. Госполитиздат, 1955 т. I, с. 222.**

3 **Маркс К. Теории прибавочной стоимости, т. III, изд. 4. Партиздат, 1936, с. 127.**

Индукция Адама Смита и дедукция Давида Рикардо. Точки зрения Локка и Спинозы в политической экономии

Логические коллизии в развитии политической экономии остались бы непонятными, если бы мы не установили реальные связи между нею и современной ей философией. Категории, в которых английские экономисты сознательно осмысливали эмпирические факты, коренились в философских системах, имевших в то время распространение. [160]

Характерным фактом, глубоко повлиявшим на развитие экономической мысли в Англии, было то, что одним из первых теоретиков политической экономии оказался не кто иной, как классик эмпиризма в философии Джон Локк.

«Взгляды Локка имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений» 1.

Взгляды Локка оказались опосредующим звеном между философией английского эмпиризма (со всеми слабостями последнего) и возникавшей теорией богатства. Через Локка политическая экономия и восприняла основные методологические принципы эмпиризма, в частности и в особенности односторонне аналитический, односторонне индуктивный метод, точку зрения «сведения» сложных явлений к их простым составляющим.

Однако, как и в естествознании той эпохи, реальная познавательная практика исследования экономических явлений даже у самого Локка существенно расходилась с той теорией познания, которую мог рекомендовать и рекомендовал последовательный эмпиризм. Тот способ, которым на самом деле, вопреки своим односторонним гносеологическим иллюзиям, теоретики-экономисты образовывали теоретические определения вещей, не совпадал с эмпирически-индуктивной логикой. Сознательно применяя односторонне аналитический метод, теоретики на деле, не отдавая себе в том ясного отчета, исходили из целого ряда теоретических предпосылок, которые по существу противоречили принципам узко эмпирического подхода к вещам.

Логика чистого эмпиризма неспособна была справиться с задачей разработки теоретического взгляда на явления экономической действительности уже потому, что реальная экономическая действительность представляла собой сложнейшее переплетение буржуазно-капиталистических форм собственности с сословно-феодалными. [161]

Прямое индуктивное обобщение эмпирических фактов дало бы в этих условиях (в лучшем случае) лишь правильное описание результатов взаимодействия двух не только различных, но и прямо противоположных и враждебных друг другу принципов собственности. Во внутреннюю «физиологию» буржуазной частной собственности эмпирически-индуктивный метод Локка проникнуть не позволил бы.

Известно, что и сам Локк не просто обобщал то, что видел, а активно выделял в эмпирических фактах лишь те их формы и моменты, которые, по его мнению, «соответствовали вечной, истинной природе человека».

Иными словами, сама задача абстрактно-аналитического выделения простейших составляющих, задача аналитического разложения эмпирических фактов, предполагала и тут вполне определенный всеобщий критерий, согласно которому одни формы экономики выделяются как «истинные», как «соответствующие природе человека», а другие – устраняются как «неистинные». Буржуазно-индивидуалистическое представление о «природе человека» и служило для всех буржуазных теоретиков таким критерием. Локк же, как известно, был одним из основоположников этого взгляда.

Ясно, что это всеобщее и исходное основоположение буржуазной науки, с точки зрения которого мерялись эмпирические факты, столь же мало могло бы быть получено путем эмпирической индукции, как понятие атома. Буржуазно-капиталистическая собственность в эпоху Локка отнюдь не была всеобщей и господствующей формой собственности. Эмпирически-всеобщим фактом она не была, и представление о богатстве как исходное представление буржуазной политической экономии само по себе не могло образоваться путем индуктивного обобщения «всех без исключения» частных случаев и видов собственности.

В его образовании реально принимали участие совсем иные, нежели чисто логические, соображения. И здесь стихийный общественный разум оказывался сильнее, чем каноны рассудочной логики.

Иначе говоря, политическая экономия с самого рождения оказалась перед той же самой логической проблемой, перед которой стоял в своей области Ньютон: для того чтобы [162] сделать хотя бы единственное индуктивное обобщение, экономист должен был обладать каким-то (хотя бы и невысказанным) пониманием всеобщей истинной природы (субстанции) рассматриваемых явлений.

И подобно тому, как Ньютон положил в основу всех своих индукций представление о том, что только геометрически определяемые формы фактов суть единственно объективные их формы, – экономисты молчаливо предполагали, что лишь те формы экономики, которые соответствуют принципам буржуазной частной собственности, суть единственно истинные формы.

Все остальные формы экономических отношений молчаливо устранялись как плод субъективного заблуждения людей, как формы, не соответствующие подлинной, истинной, естественной и потому объективной природе человека. В состав теории вводились лишь те определения фактов, которые прямо и непосредственно вытекали, «выводились» из «вечной и естественной» природы «человека», – на самом деле из специфической природы частного собственника, буржуа.

Все теоретики буржуазной политической экономии, таким образом, должны были исходить и реально исходили из вполне определенного всеобщего основоположения, из четкого представления о субстанции, об общей объективной природе частных случаев и форм экономики.

Это представление о субстанции – как и в естествознании – не могло быть получено путем эмпирической индукции. Но локковская гносеология молчала как раз в этом решающем пункте – в вопросе о путях познания субстанции, о путях образования всеобщего исходного основоположения науки. И это основоположение, представление о субстанции богатства, экономистам (в том числе и самому Локку) приходилось вырабатывать чисто стихийно, без ясного представления о путях его получения.

Но так или иначе, английская политическая экономия практически все-таки разрешила эту трудность, открыв (уже в лице В. Петти) эту всеобщую субстанцию экономических явлений, субстанцию богатства, *в труде, производящем товары*, в труде, который совершается с целью отчуждения его продукта на свободном рынке. [163]

Поскольку экономисты реально исходили из этого, более или менее ясно осознаваемого представления о всеобщей субстанции

богатства, постольку их обобщения имели теоретический характер и отличались от чисто эмпирических обобщений любого купца, ростовщика или рыночной торговли.

Но это означало, что теоретический подход к вещам совпадал со стремлением понять различные частные формы богатства как модификации одной и той же всеобщей субстанции.

Однако тот факт, что классическая политическая экономия в своих сознательных методологических убеждениях примыкала к философии Локка, сказался сразу же и притом в очень показательной форме. Это привело к тому, что собственно теоретическое исследование фактов постоянно переплеталось с простым некритическим воспроизведением эмпирических представлений.

Ярче всего это видно в трудах Адама Смита. Первый из экономистов, четко выразивший понятие труда как всеобщей субстанции всех экономических явлений, он развернул теорию, в которой собственно теоретическое рассмотрение фактов все время переплетается с крайне нетеоретическим описанием эмпирии с точки зрения человека, насильно втянутого в процесс производства и накопления стоимости.

«Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чужому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, повествует и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, – оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются [164] один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат» 2.

Сам Смит, разумеется, не замечал противоречия между тем и другим способом отражения действительности в абстракциях. Здесь нетрудно узнать в нем человека, который чисто по-локковски представляет себе процесс познания. Локковская теория познания как раз и игнорировала различие между теоретической абстракцией (понятием) и простой эмпирической абстракцией, простым

выражением в речи чувственно констатируемых сходств и различий.

Решающий шаг вперед по сравнению с А. Смитом сделал, как известно, Давид Рикардо. Философски-исторический смысл совершенного им шага заключался прежде всего в том, что он впервые сознательно и последовательно различил задачу собственно теоретического рассмотрения эмпирии (задачу ее выражения в понятии) и задачу простого описания и каталогизирования явлений в том их виде, в каком они непосредственно даны созерцанию и представлению.

Рикардо прекрасно понимал, что наука (мышление в понятиях) имеет дело с теми же самыми эмпирическими фактами, что и простое созерцание и представление. Но в науке эти факты должны рассматриваться с более высокой точки зрения – с точки зрения их внутренней связи. У Смита это не выдерживалось строго и последовательно. Рикардо же требовал неукоснительного ее проведения.

Взгляд Рикардо на природу научного исследования гораздо больше напоминает метод Спинозы, чем гносеологию эмпирика Локка: это последовательно выдерживаемая точка зрения субстанции. Каждое отдельное экономическое образование, каждая отдельная форма богатства должны быть не просто описаны, но поняты в качестве модификации одной и той же всеобщей субстанции.

И в данном отношении Рикардо и Спиноза правы против Смита и Локка.

Маркс с классической ясностью и категоричностью расценил роль Рикардо в развитии теории политической экономии: «...появляется Рикардо и кричит науке: «Стой!» [165] Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы – для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса – есть определение *стоимости рабочим временем*. Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, – отношения производства и обмена, – соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; вообще насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а, стало быть, также и сами эти проявления – соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки; дать себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением. В

этом именно и состоит великое историческое значение Рикардо для науки...» 3.

Иными словами, точка зрения Рикардо заключалась уже не в сведении сложных явлений к ряду их простых составляющих, а в выведении всех сложных явлений из одной простой субстанции.

Но это поставило Рикардо перед необходимостью сознательно отказаться от того метода образования теоретических абстракций, который рекомендовала науке локковская логика. Эмпирическая индукция не соответствовала вставшей перед Рикардо задаче. Перед ним стояла задача *выведения* теоретических определений из одного строго продуманного принципа – из трудового понимания природы стоимости.

Если Адам Смит – поскольку он в действительности давал нечто большее, нежели простое описание фактов – бессознательно и стихийно на каждом шагу вступал в противоречие со своими собственными философскими установками, усвоенными от Локка, и делал не совсем то, и даже совсем не то, что думал, то Рикардо вполне сознательно встал на путь теоретической дедукции категорий.

Строго дедуктивный характер его мышления давно вошел в поговорку в политической экономии. Но лишь [166] Марксу удалось правильно расценить смысл этой дедукции, показать ее как естественное логическое выражение решающего достоинства теоретического подхода Рикардо к вещам – его стремления понять все без исключения формы буржуазного богатства как более или менее сложные и отдаленные продукты труда, производящего товары, труда, производящего стоимость, а все категории политической экономии – как модификации категории стоимости.

От Смита его отличает стремление рассматривать эмпирические факты последовательно и неуклонно с одной и той же точки зрения, строго зафиксированной в определениях исходного понятия, – с точки зрения трудовой теории стоимости.

У Смита эта точка зрения тоже присутствует, и именно поэтому он теоретик. Но она не является у него *единственной* точкой зрения, и в этом пункте Рикардо решительно возражает Смицу. У Смита теоретическое рассмотрение фактов (т.е. их анализ с точки зрения трудовой теории стоимости) то и дело уступает место чисто эмпирическому их описанию.

Рикардо же стихийно нащупал верный взгляд на природу теоретического анализа фактов. Отсюда его стремление к строго дедуктивному рассмотрению явлений и категорий.

В таком понимании дедукции, как нетрудно понять, нет еще ничего ни метафизического, ни идеалистического, ни формально-логического. В данном понимании дедукция равнозначна отрицанию эклектики в отношении к фактам. Это значит, что раз установленное понимание всеобщей природы, субстанции, всех особенных и единичных явлений должно оставаться одним и тем же на всем протяжении исследования и давать руководящую нить для понимания любого особенного и единичного явления.

Иными словами, дедукция в данном понимании (но только в данном!) является синонимом действительно *теоретического* отношения к эмпирическим фактам.

Известно, что именно отказ от попыток развить всю систему экономических категорий из одного установленного принципа (из трудовой теории стоимости) явился первым формальным признаком разложения школы Рикардо в политической экономии. Представители так [167] называемой «вульгарной экономии», а в еще большей степени той «ученовинегретной и бессистемной компиляции», которую Маркс заклеил презрительным названием «профессорской формы разложения теории», восстали прежде всего как раз против дедуктивной манеры исследования учителя. Для них неприемлемо было то, что составляло решающее преимущество Рикардо как теоретика – его стремление понять каждую особенную категорию как превращенную форму стоимости, как сложную модификацию труда, создающего товар.

Принцип «вульгарной» и «профессорской» формы теоретизирования заключался в следующем: не удастся вывести понимание реальных явлений из одной, общей им всем основы (в данном случае из трудовой теории стоимости), не упираясь тотчас же в противоречие, – значит вообще не нужно пытаться это делать, значит надо ввести еще один принцип объяснения, еще одну «точку зрения». Не помогает? Значит надо ввести второй, третий принцип. Надо-де учитывать и то и это, и пятое и десятое. «Дело не в противоречиях, а в полноте».

Не объясняется реальная рыночная стоимость (цена) капиталистически произведенного товара количеством затраченного на его производство необходимого рабочего времени? Ну что ж, значит не следует упрямствоваться в односторонности. Почему не допустить, что стоимость проистекает не из одного единственного всеобщего источника, как полагал Рикардо, а из многих различных источников? Труд? – Да, и труд. Но не только труд. Нельзя недоучитывать и роли капитала, и роли естественного плодородия почвы; надо принять во внимание и капризы моды, и случайности спроса, и влияние времен года (валенки стоят дороже зимой, чем летом), и многое, многое другое, вплоть до влияния на

рыночную конъюнктуру периодических изменений числа пятен на Солнце. Ни одну другую манеру теоретизирования Маркс не высмеивал так презрительно, как манеру «вульгарной» и «профессорской» псевдотеории. Эта эклектическая манера объяснять сложное явление множеством факторов и принципов, никак внутренне между собой не связанных, представляет собой, по меткому выражению Маркса, «настоящую могилу для науки». Теории, науки, мышления в понятиях здесь уже нет. Есть лишь перевод на доктринерский язык [168] экономической терминологии ходячих поверхностных представлений и их систематизация.

Дж.М. Кейнс, признанный гением и классиком всей современной официальной «наукой» капиталистического мира, вообще уже не позволяет себе говорить о «стоимости». По его мнению, это – миф, пустое слово. Единственной «реальностью» он признает только рыночную цену. Последняя же, согласно его теории, определяется стечением самых разнообразных обстоятельств и факторов, среди которых «труд» играет десятистепенную роль. Норма процента целиком зависит-де от эмоций владельцев капитала и является фактом чисто психологическим. Но и этого Кейнсу мало: «еще точнее, пожалуй, было бы назвать норму процента не в высшей степени психологическим феноменом, а феноменом в высшей степени условным» 4.

Кризис перепроизводства, согласно понятиям Кейнса, – «это простое следствие нарушения деликатного равновесия самопроизвольного оптимизма. Оценивая перспективы инвестиций, мы должны поэтому принимать во внимание нервы, склонность к истерии и даже несварение желудка и реакцию на перемену погоды у тех, от самопроизвольной деятельности которых они, главным образом, зависят» 5.

Ни о какой теории, ни о какой науке здесь, конечно, говорить уже не приходится. И если «вульгарная экономия» занималась преимущественно переводом ходячих поверхностных представлений на доктринерский язык, полагая, что вырабатывает «понятия», то современная буржуазная «наука» за понятия выдает уже иррациональные эмоции капиталиста, их схоластическое выражение. Дальше, как говорится, ехать уже некуда.

Маркс ясно показал, что после Рикардо, своей вершины, буржуазная мысль в области политической экономии вступила в фазу деградации. Разумеется, эта деградация маскируется высокими фразами, призывами к «трезвому», «индуктивно-эмпирическому изучению фактов» и пр. Противопоставляя свою «индукцию» – «дедуктивному методу Рикардо», представители разложения буржуазной политэкономии просто-напросто ратуют за эклектику против строгой теории. [169]

Для них неприемлемо его стремление понять все без исключения категории с последовательно выдержанной точки зрения трудовой теории стоимости, ибо, как они могли убедиться, эта точка зрения в тенденции своей неизбежно приводит к пониманию системы буржуазной экономики как системы неразрешимых антагонизмов и противоречий. Движущим мотивом этого отношения к Рикардо и к его дедуктивному методу является здесь просто апологетическое отношение к действительности.

Итак, Рикардо приходит к необходимости избрать дедуктивный способ рассмотрения эмпирических фактов вовсе не из своей приверженности к рационализму. Такой метод развития теоретических определений принимается им потому, что он единственно соответствует его стремлению понять систему буржуазной экономики не как совокупность более или менее случайных отношений людей и вещей, но как единую связную во всех своих проявлениях систему. Любую частную, особенную форму отношений производства и распределения богатства Рикардо хочет вывести из трудовой теории стоимости, из теории, выражающей всеобщую субстанцию, реальную сущность всех экономических явлений.

Это стремление Рикардо составляет его абсолютное достоинство как теоретика. Отказ от этого стремления равнозначен вообще отказу от теоретического отношения к эмпирическим фактам. Уже здесь, таким образом, прорисовывается то обстоятельство, что способ мышления, исходящий из всеобщего теоретического выражения действительности, как из строго выверенного основоположения, способен обеспечить теоретическое отношение к эмпирическим фактам. В противном случае мысль неизбежно соскальзывает на рельсы эклектического эмпиризма.

Эмпирический момент в исследовании Рикардо отнюдь не отвергает. Напротив, он понимает, что подлинное понимание эмпирически данных фактов, подлинный (а не эклектический) эмпиризм может быть осуществлен только в том случае, если эмпирические факты рассматриваются не с произвольно выбранной точки зрения, а с точки зрения, которая сама по себе теоретически обоснована как единственно верная и объективная.

Так, стихийно подчиняясь логике вещей, Рикардо приходит к тому отправному пункту теории, который [170] Марксом был впоследствии принят уже сознательно. Но тот факт, что Рикардо приходит к такой точке зрения на действительность и на способы ее воспроизведения в понятии чисто стихийно, не отдавая себе ясного отчета о диалектике «всеобщего, особенного и отдельного», с которой он на самом деле столкнулся, не остается без последствий.

Те сознательные философские представления, которыми он располагал об отношении дедукции к индукции, всеобщего к особенному, сущности к явлению и т.д., конечно, не остались в стороне от реального процесса познания, который им осуществлялся. Они влияли на ход его исследования весьма существенно и в определенных пунктах прямо предопределяли неудачу его поисков.

То, что Рикардо делал реально, – это вовсе не дедукция в том ее смысле, в каком ее только и понимала метафизическая логика его эпохи, – это вовсе не спекулятивное выведение понятия из понятия. В его руках это прежде всего способ, метод теоретического выражения эмпирических фактов, эмпирических явлений в их внутреннем единстве. Как таковой этот способ включает в себя эмпирическую индукцию. Но то обстоятельство, что это совпадение дедукции и индукции осуществляется в его методе чисто стихийно, не остается для него безнаказанным. В тех случаях, когда ему приходится отдавать себе отчет в том методе, которым он исследует факты, он вынужден прибегать к современному ему пониманию дедукции и индукции, вопроса об отношении всеобщего к особенному, закона к формам его проявления и т.д. А метафизическое понимание категорий логики и путей воспроизведения реальности в мышлении сразу же дезориентирует его, как теоретика.

Проанализируем ход мысли Рикардо, чтобы это показать. Его метод заключается в следующем. Из определения стоимости количеством рабочего времени он исходит как из всеобщего основоположения всей системы. Но затем он прямо и непосредственно пытается приложить это всеобщее основоположение к каждой из особенных категорий с целью проверить – согласуются они с этим всеобщим основоположением или нет.

Он везде стремится показать непосредственное совпадение экономических категорий с законом стоимости. [171]

Рикардо вполне в духе современной ему метафизической логики и философии предполагал, что всеобщее определение, положенное им в основание дедукции, есть непосредственно родовое понятие, т.е. абстрактно-общее понятие, заключающее в себе признаки, непосредственно общие для всех обнимаемых им явлений, и ничего более. Отношение понятия стоимости к понятиям денег, прибыли, ренты, заработной платы, процента и т.д. ему кажется родовидовым отношением между понятиями. Согласно этому представлению, основывающемуся на метафизическом понимании отношения всеобщего к особенному и единичному, в определение понятия стоимости должны входить только такие признаки,

которые одинаково общи и деньгам, и прибыли, и ренте, и каждой из остальных категорий. В духе того же представления он считает, что любая особенная категория не исчерпывается признаками, выраженными в определениях всеобщего понятия, что каждая особенная категория обладает, кроме этих общих определений, еще и дополнительными, видовыми признаками, которые выражают как раз специфику (особенность) каждой частной категории.

Следовательно, подвести любую категорию под всеобщий принцип, под определение всеобщего понятия (в данном случае стоимости) – это еще лишь поддела. Эта операция позволяет рассмотреть в особенной категории лишь то, что уже выражено в виде определений всеобщего понятия. Но далее следует выяснить, какие определения имеются в ней еще и сверх того – те определения, которые выражают не общее, не тождественное, а как раз различное.

В применении к категориям политической экономии это логическое представление выглядит так. Деньги, например, как и все другие категории, есть особая форма стоимости. Следовательно, они (т.е. реальные деньги) подчинены в своем движении прежде всего закону стоимости. Следовательно, к деньгам непосредственно приложима трудовая теория стоимости, иначе говоря, в теоретическое определение денег должны прежде всего войти определения, заключенные в понятии стоимость. Таким образом выводится первое определение денег.

Но ведь совершенно ясно, что конкретная природа денег этим не исчерпывается. Далее, естественно, встает [172] задача понять, что такое деньги именно как деньги, что такое деньги сверх того, что они – такая же стоимость, как и все прочее, почему они деньги, а не просто стоимость.

В этом пункте исследования природы денег и образования необходимых теоретических определений денег как особого экономического явления всякая дедукция, само собой разумеется, прекращается. Дедукция позволила увидеть в деньгах только те теоретические определения их природы, которые уже до этого заключались в понятии стоимости.

А как быть дальше? Как обнаружить в реальных эмпирических явлениях денежного обращения такие теоретические определения, которые выражали бы свойства денег столь же необходимые, как и те, которые «выведены» из понятия стоимости? Как прочесть в реальных деньгах такие характеристики, которые принадлежат им с той же необходимостью, как и всеобщие стоимостные определения, но одновременно составляют отличие денег от всех прочих форм существования стоимости?

В этом пункте дедукция становится невозможной. Приходится прибегать к индукции, имеющей своей целью выделение таких определений, которые одинаково общи всем без исключения случаям движения денег, – специфически общие признаки денег.

Рикардо так и вынужден поступать. Он черпает дальнейшие теоретические определения денежной формы путем непосредственной эмпирической индукции, путем выделения того абстрактно-общего, что имеют между собой все без исключения явления денежного обращения. Он непосредственно обобщает явления денежного рынка, внутри которого одновременно обращаются различные формы денег: и металлические монеты, и золотые слитки, и бумажные деньги и т.д. Он ищет то общее, что металлические деньги имеют с бумажными кредитными билетами, с золотыми и серебряными слитками, с банковскими обязательствами, с векселями и т.п. И в этом заключается роковая слабость его теории денег.

На этом пути Рикардо смешивает теоретические определения денег как денег с теми их свойствами, которыми они на деле обязаны капиталу, совершающему в них свое специфическое движение, не имеющее ничего общего с [173] явлениями денежного обращения как такового. В итоге за законы движения денег он принимает законы движения банковского капитала и обратно – сводит законы банковского капитала к законам простого обращения металлических денег, монеты. А деньги как таковые, как особое экономическое явление, теоретически так и остаются непонятными, вернее, понятыми неверно.

Рикардо сам чувствовал неудовлетворительность такого метода. Он понимал, что чисто эмпирическая индукция, к которой он вынужден в данном пункте прибегать, по самой ее природе не дает и не может давать необходимого вывода о природе денег. И это понимание у него проистекает не из чисто логических соображений. Дело в том, что он постоянно полемизирует с руководителями банков, с финансистами, которые, по его мнению, поступают с деньгами не сообразно с их стоимостной природой, а вопреки ей. В этом он видит причину всех неприятных коллизий и нарушений в сфере денежного обращения. И именно это побуждает его выяснять истинную сущность и природу денег, а вовсе не философски-логический интерес.

Эмпирически данная картина денежного обращения непосредственно являет взору не истинную природу денег, а как раз обратное – несоответствующее природе денег обращение с ними, результаты неправильных действий банков с деньгами. Так что чисто эмпирическая индукция, как прекрасно понимал сам Рикардо, в лучшем случае даст обобщенное выражение

неистинного, несоответствующего природе денег движения и никогда не даст обобщенного выражения такого движения денег, которое соответствует закону их существования.

Иными словами, он хотел найти теоретическое выражение такому движению денег (золота, монет, бумаг, обязательств и т.д.), которое непосредственно отвечает требованиям всеобщего закона стоимости и не зависит (как то происходит в эмпирической реальности) от произвола, своекорыстия и капризов руководителей банков. Истинную природу денег он ищет с той целью, чтобы практик-финансист поступал бы не так, как он поступает до сих пор, а иначе – не вопреки, а в соответствии с требованиями, вытекающими из природы денег.

Эту задачу он и старается решить с помощью дедуктивного выведения теоретических определений денег из закона [174] стоимости, которое одно и может показать необходимые, в самой природе денег заключенные характеристики.

Но дедуцировать специфические отличительные черты денег как таковых, не содержащиеся в теоретических определениях всеобщего закона стоимости, а составляющие особенность денег как *особого вида стоимости*, ему уже не удастся. Специфические черты денег никакими ухищрениями уже не выведешь из определений стоимости. Их волей-неволей приходится получать уже не выведением из всеобщего принципа теории, а чисто эмпирической индукцией, отвлечением абстрактно-общего от всех без исключения форм денежного обращения, включая и металлические, и бумажные деньги, и государственные банковские билеты, и все прочее.

Понимание денег именно поэтому так и осталось одним из самых слабых пунктов теории рикардianской школы.

Дедукция Рикардо в действительности остается чисто формальной дедукцией, которая позволяет вычленишь в явлении лишь то, что уже заключалось в определениях всеобщего понятия, а индукция – по-прежнему чисто эмпирической, чисто формальной, а не теоретической; формальная индукция не позволяет отвлечь от явления те его черты, которые принадлежат ему необходимо, которые связаны с природой явления атрибутивно, а не появились в нем в силу влияния внешних, не связанных с его природой, обстоятельств.

Формальный характер дедукции еще в большей степени сказывается у Рикардо при попытке подвести под закон стоимости такие явления, как прибыль и прибавочная стоимость.

Подводя прибыль под всеобщую категорию стоимости, Рикардо сталкивается с тем парадоксальным фактом, что прибыль, с одной стороны, удастся подвести под категорию стоимости, но, с другой стороны, сверх выявленных всеобщих определений в прибыли остается еще нечто такое, что при попытке выразить его через ту же категорию стоимости вдруг оказывается противоречащим всеобщему закону.

Получается нечто аналогичное тому, как если бы мы, подводя под положение «все люди смертны» некоего Кая, убедились, что он, с одной стороны, подводится под него, но, с другой стороны, его индивидуальная особенность [175] заключается как раз в том и только в том, что этот Кай... бессмертен.

Именно в такое нелепое положение попал Рикардо, когда он попытался вывести теоретические определения прибыли, исходя из закона стоимости, когда он попытался *непосредственно* подвести прибыль под закон стоимости. Сам Рикардо, правда, этого противоречия не заметил, хотя сам же его и выявил. Но это сразу же заметили враги трудовой теории стоимости, в частности, Мальтус.

Известно, сколько стараний затратили сторонники и последователи Рикардо, чтобы доказать недоказуемое – что этого противоречия на самом деле в его системе нет, а если и есть, то получается только вследствие нечеткости выражений учителя, вследствие неотработанности его терминологии и т.д., а поэтому может и должно быть устранено чисто формальными средствами – путем изменения названий, уточнения определений, выражений и т.д. и т.п.

Но именно эти попытки и положили начало процессу разложения школы Рикардо, процессу фактического отказа от принципов трудовой теории стоимости при формальном согласии с ними. Именно потому, что *логическое* противоречие между всеобщим законом стоимости и законом средней нормы прибыли, выявленное теорией Рикардо, есть вполне *реальное противоречие*, все попытки представить его как несуществующее, как продукт нечеткости выражений и неточности определений не могли привести ни к чему иному, кроме фактического отказа от самого существа теории, от ее рационального зерна.

Первым и основным признаком разложения школы Рикардо является фактический отказ от стремления развить всю систему экономических категорий из одного всеобщего принципа, из определения стоимости количеством рабочего времени, из представления о труде, создающем товары, как о реальной субстанции и источнике всех остальных форм богатства.

Одновременно развитие теории после Рикардо прямо и непосредственно приводило к необходимости уяснить диалектику отношения всеобщего закона к развитым формам его осуществления, к особенному. Теория Рикардо в ее развитии подвела к проблеме противоречия в самой сущности определений предмета теоретического исследования. [176] Ни сам Рикардо, ни его правоверные последователи, как известно, так и не смогли справиться с трудностями, в которых обнаруживалась перед мышлением реальная диалектика действительности. Их мышление оставалось по существу метафизическим и, естественно, не могло выразить диалектику в понятии, не отказываясь от своих фундаментальных логических представлений, в том числе и от метафизического понимания проблемы отношения абстрактного к конкретному, всеобщего к особенному и единичному.

Неумение и нежелание сознательно выразить в понятии противоречие, диалектику вещей, обнаруживалось для мышления в виде явных логических противоречий внутри теории. Метафизика же вообще знает только один способ разрешения логических противоречий: устранение их из мышления, истолкование противоречий как продукта нечеткости выражений, определений и т.п., как чисто субъективного зла.

Несмотря на стихийно правильные способы подхода к фактам и к процессу их теоретического выражения, Рикардо сознательно оставался на позициях метафизического метода мышления. Дедукция у него по-прежнему была лишь таким способом развития понятий, который позволял в особенном явлении усмотреть только то, что уже заключалось в большой посылке, в исходном всеобщем понятии и его определениях, а индукция тем самым сохраняла односторонне эмпирический характер. Она не позволяла выделить те черты явлений, которые им принадлежат с необходимостью и образовать теоретическую абстракцию, выражающую явления в их чистом виде, в их имманентном содержании.

Дедукция и индукция, анализ и синтез, всеобщее понятие и понятие, выражающее особенность явления, – все эти категории у Рикардо оставались по-прежнему метафизическими противоположностями, которые ему никак не удавалось связать друг с другом.

Дедукция постоянно вступала у него в противоречие с задачей индуктивного обобщения фактов; аналитические абстракции он никак не мог свести в систему, т.е. синтезировать, не наталкиваясь на логическое противоречие: всеобщее понятие (стоимость) оказывалось в его системе в отношении взаимоисключающего противоречия с особым [177] понятием (прибыль) и т.д. и т.п. Все эти внутренние трещины и привели в итоге под ударами врагов к

разложению трудовой теории стоимости, к бессистемной компиляции, которая может кичиться лишь своей эмпирической полнотой при полнейшем отсутствии теоретического понимания действительной конкретности.

Современная Рикардо философия и логика не давали и не могли дать ему никаких правильных указаний насчет выхода из всех этих трудностей. Здесь требовалась сознательная диалектика, сочетающаяся с революционно-критическим отношением к действительности, – способ мышления, не боящийся противоречия в определениях вещей и чуждый апологетическому отношению к существующему. Все проблемы скрещивались в одной – в необходимости понять систему товарно-капиталистического производства как конкретно-историческую систему, как систему, возникшую, развившуюся и продолжающую развиваться навстречу своей гибели. [178]

1 Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. I. Госполитиздат, 1954, с. 348 (курсив наш. – Э.И.).

2 Там же, ч. II. Госполитиздат, 1957, с. 159.

3 Там же, с. 159-160.

4 Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва, ИИЛ, 1948, с. 195-196.

5 Там же, с. 154.

Дедукция и проблема историзма

Понимая предмет исследования – товарно-капиталистическую экономику – как единое связанное во всех своих проявлениях целое, как систему взаимообуславливающих отношений производства и распределения, Рикардо в то же время не понимал эту систему как исторически возникшую, как исторически развившуюся и продолжающую развиваться органическую совокупность отношений людей и вещей в процессе производства.

Все достоинства способа исследования Рикардо органически связаны с точкой зрения субстанции, т.е. с пониманием предмета как единого, связанного во всех своих проявлениях целого. И наоборот, все недостатки и пороки его способа развертывания теории уходят своими корнями в полное непонимание этого целого как исторически ставшего целого.

Товарно-капиталистическая форма производства представляется ему «естественной», вечной формой всякого производства вообще. С этим были связаны неисторический (и даже более того – антиисторический) характер его абстракции и отсутствие историзма в методе их получения. Дедукция категорий, если она сочетается с неисторическим [178] пониманием предмета, который с ее помощью воспроизводится в понятии, с неизбежностью приобретает чисто формальный характер.

Нетрудно заметить, что дедукция по самой ее форме соответствует представлению о *развитии*, о движении от простого, нерасчлененного, общего – к сложному, к расчлененному, к частному и особенному. Но если предметная реальность, которая воспроизводится в понятиях дедуктивным способом, сама по себе понимается как реальность неразвивающаяся, как вечная и естественная система взаимодействующих явлений, то, естественно, дедукция начинает с неизбежностью представляться лишь искусственным приемом развития мысли. В этом случае логика с необходимостью возвращается к той точке зрения на природу дедукции, которую в классически ясной форме выразил Декарт.

Декарт, приступая к построению своей системы мира, к выведению всех сложных форм взаимодействия в природе из движения простейших, исключительно геометрически определяемых частиц материи, оговаривает свое право на такой способ построения теории следующим образом: «Природу их [т.е. вещей. – Э.И.] гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые» 1.

Но тут же, не желая входить в открытый конфликт с богословским учением о сотворении мира, Декарт делает характерную оговорку: «Однако из всего этого я не хотел заключать, что этот мир создан в таком виде, как я предположил, ибо гораздо более правдоподобно, что с самого его начала бог создал его таким, каким он должен быть» 2.

Для Декарта очевидно, что форма дедукции, которую он сознательно применяет, глубоко родственна представлению о развитии, о возникновении, о происхождении вещей в их необходимости. Поэтому перед ним и встал щекотливый вопрос – как примирить дедукцию с представлением о том, что предмет вечно равен самому себе и ниоткуда не произошел, будучи единожды создан богом.

В аналогичном положении оказывается и Рикардо. Он прекрасно понимал, что только дедуктивное движение [179] мысли может выразить явления в их внутренней связи, что познать эту связь

можно только в рассмотрении постепенного возникновения различных форм богатства из одной общей им всем субстанции – из труда, производящего товары. Но как этот способ рассмотрения увязать с представлением о том, что буржуазная система есть естественная и вечная система, которая реально ни возникать, ни развиваться не может? Рикардо эти два представления, по сути своей абсолютно несовместимые, все же примиряет. И это отражается как раз на методе его мышления, на способе образования абстракций.

Если теория начинает строиться с категории стоимости, чтобы от нее перейти к рассмотрению других категорий, то это можно оправдать тем, что категория стоимости есть наиболее общее понятие, предполагающее и прибыль, и процент, и ренту, и капитал и все остальное, – родовой абстракт, отвлеченный от этих реальных особенных и единичных явлений.

Движение мысли от абстрактно-общей категории к выражению особенностей реальных явлений поэтому и предстает как движение, протекающее исключительно в мысли, но никак не в реальности. В реальности все категории – прибыль, капитал, рента, заработная плата, деньги, и т.д. – существуют одновременно рядом друг с другом, а категория стоимости выражает общее между ними. Как таковая стоимость реально существует лишь в абстрагирующей голове, как отражение того общего, что товар имеет с деньгами, с прибылью, с рентой, с заработной платой, капиталом и т.д. Это родовое понятие, обнимающее все особенные категории, и есть стоимость.

Рикардо здесь рассуждает в духе современной ему номиналистической логики, восстававшей против тезиса средневекового реализма, против представления креационистского толка, согласно которому общее, скажем, животное вообще существует до лошади, лисицы, коровы, зайца, до особенных видов животных, а затем превращается, «расщепляется» на лошадь, корову, лисицу, зайца и т.д.

По Рикардо, стоимость как таковая может существовать лишь «post rem», лишь в качестве умственного отвлечения от особенных видов стоимости (от прибыли, ренты, заработной платы и т.д.) и ни в коем случае не «ante rem», не в виде самостоятельной реальности, предшествующей [180] по времени появления своим особенным видам (капиталу, прибыли, ренте, заработной плате и т.д.). Все же эти особенные виды стоимости существуют вечно, рядом друг с другом и ни в коем случае не происходят из стоимости, так же как лошадь реально не происходит из животного вообще.

Но вся беда в том, что номиналистическая концепция общего понятия, справедливо нападая на главный тезис средневекового реализма, заодно с ним вообще устраняла из реального мира единичных вещей и идею реального развития.

Поскольку Рикардо стоял на точке зрения буржуазии в понимании существа буржуазной экономики, односторонняя и крайне метафизическая концепция номинализма в логике ему и казалась самой естественной и подходящей. От века и навек существуют лишь единичные явления, принадлежащие особенным видам стоимости: товар, деньги, капитал, прибыль, рента и др. Стоимость же есть абстракт, отвлеченный от этих единичных и особенных экономических явлений, «*universalia post rem*» и никак не «*universalia ante rem*». Поэтому стоимость как таковую, стоимость самую по себе в строжайшем отвлечении от прибыли, заработной платы, ренты и конкуренции Рикардо и не исследовал.

Сформулировав понятие стоимости, он сразу и непосредственно переходил к рассмотрению развитых особенных категорий, начинал непосредственно прикладывать понятие стоимости к явлениям прибыли, заработной платы, ренты, денег и т.д.

И это самый естественный логический ход, если реальность, с его помощью воспроизводимая, понимается как вечная система взаимодействия особенных видов стоимости.

Ясно, что если содержание всеобщего понятия, лежавшего в основе всей системы теории, понимать как сумму признаков, абстрактно общих всем особенным и единичным явлениям, то приходится поступать именно так, как поступал Рикардо. Если всеобщее понимается как абстрактно-общее всем без исключения единичным и особенным явлениям свойство, то в случае со стоимостью для того, чтобы получить ее теоретические определения, приходится рассматривать именно прибыль, именно ренту, и отвлекать общее именно от них. Рикардо так и поступал. [181] И именно за это его особенно резко критиковал Маркс, ибо здесь как раз и выражался *антиисторический* подход Рикардо к проблеме стоимости и ее видов.

Основной порок способа исследования Рикардо Маркс видел в том, что он специально не исследовал теоретические определения стоимости как таковой в ее строжайшей независимости от воздействий процесса производства прибавочной стоимости, от конкуренции, прибыли, заработной платы и всех остальных явлений. В первой главе основного труда Рикардо речь идет не только об обмене товара на товар (т.е. о простой форме стоимости, стоимости как таковой), но также и о прибыли, заработной плате, капитале, средней норме прибыли и о тому подобных вещах.

«Мы видим, что если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы противоположный упрек, а именно – в недостаточной силе абстракции, в неспособности при рассмотрении стоимостей товаров забыть прибыли – факт, встающий перед ним из сферы конкуренции» 3.

Но это требование – требование объективной полноты абстракции – невозможно выполнить, не отказываясь, во-первых, от формально-метафизического понимания всеобщего понятия (как простого абстракта от особенных и единичных явлений, к которым оно относится), а во-вторых, не переходя на точку зрения историзма в понимании (в данном случае развития от стоимости к прибыли).

Маркс требует от науки, чтобы та понимала экономическую систему как систему, возникшую и развившуюся, требует, чтобы логическое развитие категорий воспроизводило реальную историю возникновения и развертывания системы.

Но раз так, то и стоимость, как исходный пункт теоретического понимания, наука обязана понять как объективную экономическую реальность, существующую и возникающую раньше, нежели могут вообще возникнуть и существовать такие явления, как прибыль, капитал, заработная плата, рента и т.д. Поэтому и теоретические определения стоимости следует получать не на пути отвлечения того общего, что имеют между собой товар, деньги, [182] капитал, прибыль, зарплата и рента, а на совсем ином пути. Все эти вещи предполагаются *несуществующими*. Они вовсе не существовали от века, а где-то, в каком-то пункте возникли, и это возникновение в его необходимости наука и должна вскрыть.

Стоимость есть реальное, объективное условие, без наличия которого невозможен ни капитал, ни деньги, ни все остальное. Теоретические определения стоимости как таковой и могут быть получены только в рассмотрении некоторой объективной экономической реальности, могущей существовать до, вне и независимо от всех тех явлений, которые позже развились на ее основе.

Эта простейшая объективная экономическая реальность существовала задолго до того, как возник капитализм и все выражающие его структуру категории. Эта реальность – *непосредственный обмен одного товара на другой товар*.

Мы видели, что классики политической экономии именно в рассмотрении этой реальности и выработали всеобщее понятие стоимости, хотя и не представляли себе при этом действительного философского и теоретического смысла своих действий.

Надо полагать, что Рикардо был бы немало озадачен, если бы ему указали на тот факт, что и его предшественники, и он сам выработали *всеобщую* категорию своей науки рассмотрением не абстрактно-общего правила, которому подчиняются все без исключения вещи, обладающие стоимостью, а как раз наоборот, рассмотрением *редчайшего исключения из правила* – непосредственного безденежного обмена одного товара на другой.

И поскольку они делали это, они добыли действительно объективное теоретическое понимание стоимости. Поскольку же они недостаточно строго оставались в пределах рассмотрения этого вполне особого и в развитом капитализме крайне редкого способа экономического взаимодействия, они и не могли понять стоимость до конца.

В этом и заключается *диалектичность* понимания всеобщего у Маркса, диалектика в понимании способа выработки всеобщей категории системы науки.

И нетрудно убедиться в том, что такое понимание возможно только на основе *исторического* по своему существу подхода к исследованию предметной реальности. [183]

Дедукция, поставленная на почву сознательного историзма, становится единственной логической формой, соответствующей точке зрения, понимающей предмет не как готовый, а как исторически возникший и развившийся.

«... Благодаря успехам теории развития даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к “дедукции”, к учению о происхождении – какой-нибудь вид буквально *дедуцируется*, выводится из другого путем происхождения, а доказать теорию развития при помощи простой индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна» 4.

Лошадь и корова, конечно, не произошли из животного вообще, как груша и яблоко не есть продукты самоотчуждения понятия плода вообще. Но несомненно, что и корова и лошадь имели где-то в глубине веков общего предка, а яблоко и груша также есть продукты дифференциации какой-то одной, общей для них обеих формы плода. И этот реальный общий предок коровы, лошади, зайца, лисицы и всех остальных ныне существующих видов животных, конечно, существовал не в лоне божественного разума, не в виде идеи животного вообще, а в самой природе, как вполне реальный, особенный вид, из которого путем дифференциации произошли различные виды.

И эта всеобщая форма животного, если угодно животное как таковое, вовсе не есть абстракция, заключающая в себе лишь то одинаковое, что имеют между собой ныне существующие особенные виды животных. Это всеобщее одновременно есть особенный вид, обладающий не только и не столько теми чертами, которые сохранились у всех его потомков в качестве общего между ними, сколько своими собственными, вполне специфическими чертами, часть которых унаследована потомками, часть совершенно утратилась и заменилась совсем иными. Конкретный образ всеобщего предка, от коего произошли все иные существующие виды, принципиально нельзя сконструировать из тех признаков, которые непосредственно общи всем ныне существующим видам.

Поступать в биологии так, значило бы вставать на тот же самый ложный путь, на котором Рикардо искал определения [184] стоимости как таковой, всеобщей формы стоимости, полагая, что эти определения суть абстракты от прибыли, ренты, капитала и всех других особенных форм стоимости, находившихся перед его глазами.

С представлением о развитии, как о реальном происхождении одних явлений из других, и связано диалектико-материалистическое понимание процесса выведения категорий, процесса восхождения от абстрактного к конкретному, от всеобщего (которое само по себе есть вполне определенное особенное) к особенному (которое также выражает собой всеобщее и необходимое определение предмета).

Исходное всеобщее основание системы теоретических определений (исходное понятие науки), с точки зрения диалектики, выражает собой конкретные теоретические определения *вполне особенного, вполне определенного* типичного явления, чувственно-практически данного эмпирическому созерцанию, в общественной практике и эксперименте.

Особенность этого явления заключается в том, что оно реально (вне головы теоретика) является исходным пунктом развития исследуемой совокупности взаимодействующих явлений, того конкретного целого, которое в данном случае является предметом логического воспроизведения.

Наука должна начинать с того, с чего начинает реальная история. Логическое развитие теоретических определений должно поэтому выражать конкретно-исторический процесс становления и развития предмета. Логическая дедукция и есть не что иное, как теоретическое выражение процесса реального исторического становления исследуемой конкретности.

Но правильное понимание этого принципа предполагает соответственно конкретный, диалектический по существу взгляд на природу исторического развития. Этот важнейший пункт логики Маркса – решение проблемы отношения научного развития к историческому (отношения логического к историческому) – должен быть рассмотрен особо. Без него нельзя ничего понять в способе восхождения от абстрактного к конкретному. [185]

1 Декарт Р. Избранные произведения. Москва, Госполитиздат, 1950, с. 292.

2 Там же.

3 Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. II, с. 184.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, с. 497-498.

Глава четвертая

Логическое развитие и конкретный историзм

О различии логического и исторического способов исследования

Мы уже отмечали то важнейшее обстоятельство, что теоретический анализ эмпирических фактов всегда органически совпадает с критическим анализом понятий, с творческим развитием имеющихся, исторически сложившихся категорий, что новое теоретическое понимание фактов (новая система категорий) всегда и везде возникает не на пустом месте, не «прямо из фактов», как хотелось бы позитивистам и вульгаризаторам, а через строжайшую научную критику имеющейся системы категорий.

Проблема творческой преемственности в развитии теории (проблема исторического развития науки) и выступает на первый план тотчас, как только речь заходит об отношении научного (логического) развития к историческому.

Энгельс в своих рецензиях на книгу Маркса «К критике политической экономии» ясно показал, что проблема отношения логического к историческому непосредственно встает перед теоретиком как вопрос о способе критики имеющейся теоретической литературы: «Критику политической экономии

даже и согласно приобретенному методу можно было проводить двояким образом: исторически или логически» 1. [186]

Но поскольку разработка нового теоретического понимания фактов может совершаться только через критику имеющейся теоретической литературы, то способ критики теоретической литературы по существу совпадает со способом отношения к фактам. Критика теоретических категорий осуществляется путем их сопоставления с реальными эмпирическими фактами. В этом отношении никакой разницы между логическим и историческим способами анализа понятий и фактов нет и быть не может.

Разница состоит в другом. При так называемом историческом способе критики предшествующих теорий эти теории критически сопоставляются с теми самыми историческими фактами, на основе которых они были созданы. Например, если бы Маркс предпочел исторический способ критики теории Рикардо, он должен был бы сопоставлять эту теорию с фактами, современными Давиду Рикардо, т.е. с фактами капиталистического развития конца XVIII – начала XIX вв.

Теория Рикардо, ее категории и законы критически сравнивались бы при этом с фактами более или менее отдаленного прошлого, с фактами неразвитой стадии товарно-капиталистической действительности. Но этот способ критики предполагает, что самые эти факты достаточно хорошо изучены или должны быть изучены. А в этом отношении отсутствовала всякая предварительная работа. Эти факты не были не только научно поняты, но даже просто собраны, подытожены. При этих условиях исторический способ критики был явно нецелесообразен. Он только затянул бы работу.

Поэтому Маркс и предпочел так называемый логический способ критики и соответственно логический способ рассмотрения действительности.

При этом способе исторически предшествующая теория подвергается критическому сопоставлению непосредственно не с теми самыми фактами, на основе которых она возникла, а с фактами, наблюдаемыми на другой исторической ступени развития предмета, – с теми фактами, которые непосредственно имел перед глазами сам Маркс.

Этот способ обладает двумя решающими преимуществами: во-первых, современные Марксу факты были лучше ему известны и при нужде могли быть тщательнее проверены, а во-вторых, они гораздо отчетливее и резче [187] выявляли все тенденции

капиталистического развития, чем факты, современные Давиду Рикардо.

Все то, что в начале XIX в. проступало еще неясно, к середине XIX в. приобрело более зрелую форму выражения, – достаточно указать хотя бы на кризисные явления.

Логический способ поэтому позволяет рассматривать каждое экономическое (поскольку речь идет о политической экономии) явление именно в той точке, где оно достигает максимально полного выражения и развития.

Ясно, что в логическом сопоставлении с реальными фактами развитого капитализма гораздо легче было обнаружить как ложность определенных теоретических положений Рикардо, так и их рациональное зерно. Одновременно достигалось непосредственное выражение современной Марксу действительности. В этом и заключаются два решающих преимущества логического способа анализа понятий и фактов перед историческим.

Но эти преимущества остались бы непонятыми, а сам способ логического анализа остался бы неоправданным с философской точки зрения, если бы мы не показали, как и почему анализ высшей стадии развития сам по себе, не обращаясь к детальному исследованию прошлого (поскольку в одних случаях это крайне затруднено, а в других случаях и вовсе невозможно, как, например, при исследовании космогонических явлений), может дать историческое понимание действительности.

Другими словами, как и почему теоретический (логически систематический) анализ настоящего одновременно может раскрывать тайну прошлого – истории, которая привела к этому настоящему.

Проанализируем сначала два принципиально возможных случая, могущих иметь место в отношении между развитием науки и историей ее предмета.

Первый случай: теория переживает свое развитие в течение такого промежутка времени, который слишком мал для того, чтобы сам предмет мог претерпеть сколько-нибудь существенные изменения. Это случай более характерен для естественных наук – астрономии (космогонии), физики, химии и т.д.

В данном случае применение логического способа анализа понятий и фактов не только правомерно, но [188] и единственно возможно. Здесь различные стадии развития науки имеют дело с

одной и той же исторической ступенью развития предмета, с одним и тем же предметом на одной и той же ступени развития. Так, и Ньютон, и Лаплас, и Кант, и О.Ю. Шмидт исходили из одной и той же стадии развития солнечно-планетной системы.

В этом случае естественно оправдывается применение логического способа критики категорий (соответственно способа теоретического выражения фактов). Старая, прежняя теория и ее категории постигаются как неполное, одностороннее, абстрактное выражение истины. Новая же теория предстает как более полное, более конкретное теоретическое выражение существа тех же самых фактов, того же самого предмета. Естественно, что рациональное зерно прежней теории включается в новую теорию на правах ее абстрактного момента. Отбрасывается лишь представление, что старая теория заключала в себе *исчерпывающее* выражение сущности фактов. Старая теория при этом (конечно, не вся в целом, а лишь ее рациональное зерно) превращается в один из оттенков новой теории, в частный случай всеобщего принципа новой теории.

Здесь право теоретика применять логический способ критики прежних теорий основано на том, что теории и категории, подвергаемые анализу с точки зрения актуально данных фактов, отражали *тот же самый предмет*, который и он имеет ныне перед глазами. Поэтому теоретик и производит очную ставку теорий, созданных сотни лет назад, с фактами, наблюдаемыми сегодня, обычно не вдаваясь в сомнения насчет своего права делать это.

Сложнее дело обстоит во втором случае, когда различные стадии развития науки имеют дело с различными историческими ступенями развития предмета. Здесь сама история науки выступает как своеобразное отражение истории предмета. Перемены в науке отражают крупные исторические перемены в структуре самого предмета. Предмет развивается достаточно быстро, исторические сроки его развития совпадают с историческими сроками развития науки, ее категорий.

Этот случай, как само собой понятно, характернее для наук общественных. Типичным примером этого случая является та же политическая экономия. В этом же [189] положении находится и эстетика, и этика, и гносеология, и правоведение.

Поэтому может возникнуть законное сомнение: а применим ли тут вообще логический способ развития теории?

Как можно сравнивать теорию, категории, развитые сотни лет назад (и даже десятилетия), с фактами, которые наблюдаются сегодня? Ведь в данном случае предмет изменился за эти сроки весьма существенно; даст ли в данном случае эффект применение

логического способа критики категорий? Может быть это поведет лишь к недоразумениям, к тому, что одними и теми же категориями будут выражаться разные вещи, лишь к теоретически бесплодным словопрениям?

Диалектико-материалистическое представление о развитии рассеивает это сомнение. Надо учесть, что и в данном случае наука на всем протяжении ее развития имеет дело с фактами, *относящимися все же к одному и тому же предмету*, хотя этот предмет и предстает перед ней на разных ступенях и фазах его «зрелости». А это непосредственно означает, что те действительно всеобщие и необходимые закономерности, которые составляют «простую сущность» исследуемого предмета, абстрактные контуры его внутреннего строения, остаются одними и теми же на всем протяжении его исторического развития. С другой стороны, те явления и категории, которые имеют место на ранних ступенях развития, но бесследно исчезают на высших, самим фактом своего исчезновения объективно доказывают, что они не принадлежат к числу атрибутивных, внутренне необходимых форм бытия предмета.

Маркс при анализе экономических теорий и категорий, развитых его предшественниками (не только Адамом Смитом и Давидом Рикардо, но даже Аристотелем), уверенно применяет логический способ их критики, обращаясь к историческому способу лишь в отдельных случаях, как к вспомогательному.

Этот способ анализа теорий прошлого является не только допустимым, но и наиболее целесообразным при развитии *общей теории* предмета, так как он сразу же оставляет в стороне все те моменты, которые имеют лишь чисто историческое значение, характеризуют более или менее случайные обстоятельства, внутри которых совершалось развитие предмета, интересующего общую теорию. [190] Логический способ критики и развития теории дает Марксу объективный критерий различения категорий, относящихся к составу внутренней структуры товарно-капиталистического организма, от всех тех моментов, которые связаны с вытесняемыми и разрушаемыми его развитием формами производства, с чисто местными особенностями капиталистического развития в той стране, где непосредственно возникла анализируемая теория, и т.д.

Преимущества логического способа критики предшествующих теорий основываются на том, что более зрелая стадия развития предмета, с которой непосредственно сопоставляются теории прошлого, обнаруживает атрибутивные формы его строения с большей чистотой и отчетливостью, показывает их в обнаженно чистом виде. При этом «...каждый момент можно рассматривать в

той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы» 2, – отмечает преимущество логического способа Ф. Энгельс в своей рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии».

В силу этого мы и можем подвергать критическому анализу, например, гегелевскую Логiku не с точки зрения современных ей, а с точки зрения современных нам фактов развития науки, и результатом такой критики будет как диалектическое освещение этих фактов, так и критически материалистическое понимание категорий гегелевской диалектики, их рационального зерна.

Исходя из этих соображений, Маркс и считает не только правомерным, но и наиболее целесообразным именно логический способ критики предшествующих теорий, способ развития их рационального содержания, не только в естественных науках, где предмет остается неизменным на всем протяжении развития науки, но и в общественно-исторических областях знания. Принципиальной пропасти между естественными и общественными науками в этом отношении нет. К тому же и в естественных науках дело обстоит не так просто, как это могло бы показаться на первый взгляд: хотя Эйнштейн и имел дело с «тем же самым» предметом, что и Ньютон, все же непосредственные факты, из которых он исходил в критике ньютоновской механики, были иными. Чувственно-практическая [191] деятельность общественного человека, эксперимент, «развернули» перед ним «тот же самый» предмет гораздо более полно и всесторонне. Так что и с этой стороны право на применение логического способа критики и развития теории в общественных науках обосновано не меньше, чем в естественных.

Чувственно-практическая деятельность общественного человека и там и здесь оказывается опосредующим звеном между предметом «в-себе» и мыслью теоретика. Именно поэтому в анализе отношения между естественными и общественными науками как раз *практика* выступает тем решающим аргументом, с помощью которого разбивается неокантианская идея о принципиальной пропасти между методами естественных и общественно-исторических наук.

Конечно, исторический способ критики предшественников у Маркса вовсе не исключается. Маркс постоянно прибегает к нему, выявляя те исторические обстоятельства, внутри которых возникла критикуемая им теория. Но все же исторический способ критики играет у него лишь подчиненную, вспомогательную роль. Столбовой дорогой критики и развития теории остается логический способ.

«Чтобы развить законы буржуазной экономики, вовсе не обязательно писать действительную историю производственных отношений. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как таких отношений, которые сами сложились исторически, всегда приводит к некоторым первым соотношениям – каковы, например, эмпирические числовые данные в естествознании, – указывающим на некоторое прошлое, лежащее позади исследуемой системы. Эти указания в сочетании с правильным пониманием настоящего дают тогда также и ключ к пониманию прошлого...» 3, – писал Маркс в 1858 г. [192]

1 Маркс К. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, с. 235.

2 Там же, с. 236.

3 Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. (Rohentwurf). Moskau, 1939, S. 364-365.

Логическое развитие как выражение конкретного историзма в исследовании

Выше мы сформулировали вопрос так: как и почему теоретический анализ (анализ фактов, совершающийся через критику категорий), исходящий из результатов [192] исторического процесса, может сам по себе давать историческое по существу (хотя и логическое по форме) выражение действительности даже в том случае, если реальная (эмпирическая) история, приведшая к этим результатам, непосредственно в деталях и не исследуется.

Ответ на этот вопрос может быть получен только через рассмотрение тех реальных диалектических закономерностей, которым подчиняется всякий действительный процесс развития как в природе и обществе, так и в самом познании, в мышлении. Если мы в исследовании результатов определенного исторического процесса можем открыть «снятую» в них историю их возникновения и развития, если мы можем, исходя из результатов истории, теоретически восстановить общие контуры картины их возникновения, то эта возможность основана прежде всего на том, что объективный результат процесса развития сохраняет в себе в каком-то измененном, «снятом» виде свою собственную историю.

Логическая проблема и здесь оборачивается в проблему того закономерного отношения, в котором находится исторический процесс развития к его собственным результатам. Выше мы

отметили, что действительно всеобщие, действительно необходимые моменты, характеризующие предмет как конкретно-историческое целое, сохраняются в нем на всем протяжении его существования и развития, составляя закон его конкретно-исторического бытия.

Вопрос, стало быть, заключается в том, чтобы выяснить, в каком виде, в какой форме сохраняются на высших ступенях развития предмета исторические условия его возникновения и развития. И здесь мы сталкиваемся с фактом диалектического отношения между исторически предшествующими условиями возникновения предмета и позднейшими, на их основе развившимися следствиями. Диалектика этого отношения состоит в своеобразном «перевертывании» исторически предшествующего в последующее и обратно, условия – в обусловленное, следствия – в причину, сложного – в простейшее и обратно и т.д.

Благодаря этой объективной диалектике получается то парадоксальное на первый взгляд обстоятельство, что логическое изображение законов исторического процесса (логическое по форме и конкретно-историческое по существу понимание фактов) являет собой картину, [193] обратную по сравнению с той, которая представляется «естественной», кажется соответствующей эмпирически констатируемому порядку развития предмета.

Чтобы понять эту диалектику, необходимо принять во внимание прежде всего следующий факт. Любой реальный процесс конкретного развития (в природе, обществе или сознании) всегда начинается не на пустом месте, не в эфире чистого разума, а на основе предпосылок и условий, созданных не им, а другими процессами, подчиняющимися совсем иным законам, и в конечном счете – всем предшествующим развитием мироздания.

Так, человек начинает свою специфическую историю на основе предпосылок и условий, созданных до и независимо от него природой. Возникновение жизни (специфически биологическое развитие) предполагает независимо от нее сложившиеся, притом очень сложные химические образования. Любая качественно новая форма развития не только возникает внутри условий, не ею созданных, но и все свое дальнейшее развитие переживает внутри тех же условий, внутри сложнейшего взаимодействия с ними. Это ясно. Но далее мы и сталкиваемся с трудностью – с диалектическим характером отношения между низшими и высшими формами развития, с объективным изменением их роли внутри этого взаимоотношения.

Дело в том, что исторически позднейший результат, возникший на основе всего предшествующего развития, вовсе не остается

лишь пассивным результатом, лишь следствием. Каждая вновь возникшая (высшая) форма взаимодействия становится новым всеобщим принципом, который подчиняет себе исторически предшествующие ей формы, превращает их в побочные внешние формы своего специфического развития, «в органы своего тела», как выразился Маркс в применении к одному из случаев такого рода. Их движение начинает совершаться согласно законам, характерным для той новой системы взаимодействия, внутрь которой они попали.

Новая, высшая (исторически позднейшая) система конкретного взаимодействия начинает сама, своим собственным движением сохранять и активно воспроизводить все действительно необходимые условия своего движения. Она как бы «порождает из себя» все то, что первоначально было создано не ей, а предшествующим развитием. [194]

Развитие в этом случае и приобретает ту форму спирали, которую мы анализировали в первой части работы как одну из характернейших черт внутреннего взаимодействия, конкретности в подлинном смысле этого понятия.

Необходимо предполагаемое условие исторического возникновения предмета становится при этом необходимо полагаемым следствием его специфического развития.

В этом виде исторически необходимые условия возникновения предмета сохраняются в его структуре на всем пути его развития, его специфического движения. Все же те моменты, которые хотя и присутствовали при рождении новой формы развития, но не были абсолютно необходимыми условиями этого рождения, в итоге не сохраняются, не воспроизводятся. На высших ступенях развития предмета последние не наблюдаются, – они исчезают в ходе его исторического созревания, тонут во мраке прошлого.

Поэтому логическое рассмотрение высшей ступени развития предмета, уже развившейся системы взаимодействия выявляет картину, в которой сохранены все действительно необходимые условия ее возникновения и эволюции и отсутствуют все более или менее случайные, чисто исторические условия ее возникновения.

Поэтому логическому анализу и не приходится «очищать» от чисто исторических случайностей и от исторической формы изображение тех действительно всеобщих и абсолютно необходимых условий, при наличии которых данная система взаимодействия только и могла возникнуть, а возникнув – сохраняться и развиваться. Это «очищение» проделывает за теоретика и до теоретика сам исторический процесс.

Иными словами, сам объективный исторический процесс производит абстракцию, в которой удержаны лишь конкретно-всеобщие моменты развития, очищенные от исторической формы, зависящей от стечения более или менее случайно сложившихся обстоятельств.

Теоретическое выявление именно этих моментов и дает в итоге конкретно-исторические абстракции. Этим принципом уверенно руководствовался Маркс, анализируя категории политической экономии.

Рабочая сила как таковая, как способность к труду вообще принадлежит к числу исторических предпосылок возникновения капитала, точно так же, как и земля, и [195] воздух, и полезные ископаемые. В качестве таковой она и остается лишь предпосылкой возникновения капитала, не являясь одновременно его следствием, его продуктом. Зато капитал активно воспроизводит (рождает как свой продукт) *рабочую силу как товар*, т.е. ту конкретно-историческую форму, в которой рабочая сила функционирует в качестве элемента капитала.

То же происходит и с товаром, и с деньгами, и с торговой прибылью и с рентой и т.д.: как таковые они принадлежат к числу «додиллювиальных» предпосылок капиталистического развития, к числу его «доисторических» условий. Как конкретно-исторические формы бытия капитала, отражающие своим движением его специфическую историю, они суть продукты самого капитала.

В итоге все действительно необходимые условия возникновения капитала наблюдаются на поверхности развитого капитала как его побочные формы, притом наблюдаются в очищенном от исторической формы виде. Воспроизводя их как свой продукт, капитал стирает с них все следы их первоначального исторического облика. Одновременно логический анализ дает указание и историческому исследованию. Он своими выводами ориентирует историка на отыскание действительно необходимых условий и предпосылок возникновения определенного процесса, дает ему критерий для различения существенного от просто бросающегося в глаза, необходимого от чисто случайного и т.д.

Описанная диалектика имеет место, конечно, не только в случае с капиталом. Это – всеобщий закон.

То же самое мы можем наблюдать, например, и в становлении биологической формы движения материи. Первоначально простейшее белковое тело возникает независимо от каких бы то ни было биологических процессов, просто как один из продуктов химизма, притом как очень неустойчивый продукт.

Как, при каких конкретных условиях возникло это простейшее биологическое образование – этого мы с достаточной точностью не знаем и до сих пор. Химия еще не может искусственно создать живого белкового тела, не может создать условий, внутри которых такое тело возникло бы с необходимостью. Это значит, что она точно не знает, какие это условия. [196]

Но зато вполне достоверным, объективно констатируемым фактом является следующее: внутри развитого биологического организма эти условия (причем вся их необходимая совокупность) актуально наличествуют, актуально осуществлены до тех пор, пока организм живет. Эти условия, при которых извне приходящее вещество превращается в белок, в живое вещество, здесь могут быть установлены вполне объективно и строго. Одновременно (исходя из того факта, что не любое вещество может быть ассимилировано организмом) можно открыть и те первоначальные продукты химизма, которые способны при надлежащих условиях превратиться в живое тело.

Тем самым изучение процессов, протекающих в ныне здравствующих организмах, может дать и дает понимание процесса возникновения жизни на земле, правда, в общих контурах.

Итак, логическое развитие категорий, изображающих внутреннюю структуру предмета в том ее виде, в каком она наблюдается на высших ступенях его развития, приводит «в первом приближении» к пониманию истории его возникновения, закона становления этой структуры. Логическое развитие поэтому совпадает с историческим развитием внутренне, по самому существу дела. Но совпадение это глубоко диалектично, и без понимания этой диалектики его добиться нельзя. [197]

Абстрактный и конкретный историзм

Конкретного понимания действительности нельзя достигнуть без исторического подхода к ней. Но и обратно, – историзм, лишенный конкретности, представляет собой чистую фикцию, псевдоисторизм. В наше время в науке не сыщешь человека, который отрицал бы идею развития в ее общей, абстрактной форме. Но точка зрения историзма вообще, не соединенная с диалектической идеей конкретности, неизбежно превращается в пустую фразу. Неконкретный, т.е. абстрактный, историзм не только не чужд метафизическому способу мышления, но и составляет одну из его характернейших черт. Метафизики всегда много и охотно рассуждают о необходимости «исторического подхода» к явлениям, совершают экскурсии в историю предмета, подводят «исторические обоснования» под свои [197] теоретические построения. И отличить конкретный историзм метода

материалистической диалектики от абстрактного историзма метафизиков не так-то легко, как может показаться на первый взгляд.

На точку зрения абстрактного историзма (псевдоисторизма) сползти очень нетрудно. Более того, она как раз и кажется самой естественной. В самом деле разве не кажется естественным, когда хочешь понять предмет исторически, начать рассматривать историю, создавшую этот предмет?

Но эта простая и естественная точка зрения быстро приводит к неразрешимым трудностям. Начнем с того, что любая исторически возникшая вещь имеет за своей спиной, в качестве своего прошлого всю бесконечную историю вселенной. Поэтому попытка понять явление исторически на пути прослеживания всех тех процессов и предпосылок, которые так или иначе предшествуют его рождению, неизбежно поведет в дурную бесконечность и уже поэтому неспособна привести к сколько-нибудь определенному и конкретному результату.

Хочешь – не хочешь, а идя «назад», где-то придется сделать остановку, чтобы хоть с чего-то начать. С чего? Абстрактный историзм никаких преград для субъективизма и произвола здесь выставить не может.

Но этого мало. Точка зрения абстрактного историзма неизбежно и помимо желания приводит к тому, что под видом исторического подхода к делу получается самый грубый антиисторизм. Это понять нетрудно. Буржуазные экономисты, понимающие капитал как «накопленный труд вообще», весьма логично и естественно видят час его исторического рождения там, где первобытный человек взял в руки дубину. Если же капитал понимается как деньги, приносящие из оборота новые деньги, то историческое начало капитала столь же неизбежно усмотрят где-нибудь в древней Финикии. Антиисторическое понимание сущности, природы явления в данном случае оправдывается «историческими» аргументами. И ничего удивительного тут нет – понимание прошлого тесно связано с пониманием настоящего. Прежде чем рассматривать историю предмета, приходится волей-неволей отдать себе отчет в том, что такое тот предмет, историю которого хочешь исследовать. [198]

Результат применения принципа абстрактного историзма таков: за факты истории определенного явления начинают приниматься факты, относящиеся к истории каких-то совсем других явлений, тех самых, которые лишь исторически подготовили его появление. Благодаря этому фокусу данное конкретно-историческое явление превращается в глазах теоретика если не в «вечное», то во всяком

случае очень древнее, гораздо более великовозрастное, веже ли оно есть на самом деле.

Ярчайшим примером такого абстрактно-исторического подхода – понимания, которое исторично по видимости, но антиисторично по существу, – может служить объяснение, данное буржуазными экономистами «первоначальному накоплению».

Буржуазный экономист тоже рассматривает этот процесс «исторически». Он легко согласится с тем, что капитал – не вечное явление, что он где-то и как-то возник. История его возникновения состоит в том, что средства производства какими-то путями сконцентрировались в руках немногих лиц. Как это произошло исторически?

Пути эти чрезвычайно многообразны. Во всяком случае факт остается фактом: сначала средства производства сконцентрировались в руках будущего капиталиста любым путем, кроме эксплуатации наемного рабочего. Здесь играют роль и пресловутая бережливость, и собственный труд человека, впоследствии ставшего капиталистом, и удачные торговые операции, и простой грабеж, и феодальное наследство, и т.д. и т.п.

Буржуазный экономист отсюда и делает вывод: значит, капитал по своему происхождению, а следовательно, по своей сути, вовсе не есть продукт неоплаченного труда наемного рабочего. Наемный же рабочий сам «исторически» произошел из крепостного, бежавшего в город от жестокого феодала, или из разорившегося в силу своего неумения ремесленника, или из бродяги-бездельника. Иными словами, наемный рабочий создан не капиталистической эксплуатацией, а совсем иными процессами. Капиталист же, предоставляющий ему работу, начинает выглядеть как благодетель.

Здесь ясно видно, как историческое по форме объяснение превращается в средство беззастенчивой апологетики существующего положения вещей. Историческое [199] обоснование становится аргументом в пользу антиисторического понимания как процесса первоначального накопления, так и природы капитала. Капитал изображается «вечным» и «естественным» отношением именно «историческими» аргументами. И суть этого фокуса состоит в том, что история создания исторических предпосылок рождения капитала непосредственно выдается за историю самого капитала как конкретно-исторического явления.

Действительным историческим началом развития капитала является, как показал Маркс, тот пункт, начиная с которого капитал начинает строить свое тело из неоплаченного труда наемного рабочего. Только здесь начинается его специфическая, конкретная

история. Первоначально же концентрация средств производства в руках будущего капиталиста может совершаться какими угодно путями, – это не имеет никакого значения для истории капитала как капитала и не относится к бытию человека, им владеющего, как к бытию капиталиста.

Первоначально он присваивает как не-капиталист, и способы, которыми он присваивает здесь продукт труда, вовсе не относятся к истории его как капиталиста. Они находятся где-то за нижней границей истории капитала, подобно тому, как процессы, создавшие предпосылки жизни, – химические процессы – лежат за нижним пределом истории жизни, относятся к области химии, а не биологии.

То же надо иметь в виду и в логике, чтобы не принять за историю понятия историю его предпосылок (абстракции вообще, слова, отражающего по смыслу общее, и т.д.).

Таким образом, становится очевидной важность принципа *конкретного историзма*, обязывающего в каждом случае строго объективно установить тот пункт, в котором начинается действительная история рассматриваемого предмета, подлинное конкретное начало его становления.

Идет ли речь о возникновении товарно-капиталистической системы или об историческом становлении человека, о точке зарождения жизни на земле или о способности мыслить в понятии – проблема остается одной и той же.

Лозунг абстрактного историзма лишь дезориентирует теоретика в этом решающем пункте теоретического анализа. Ведь известно, как часто в науке принимали [200] биологическую предысторию человеческого общества за не до конца развившуюся человеческую форму существования, биологические законы – за абстрактные, простейшие всеобщие законы человеческого развития. Примером того же порядка могут служить и попытки вывести эстетические чувства человека из внешне схожих с ними явлений в животном мире – из «красоты» павлиньего хвоста, расцветки крыла бабочки и тому подобных чисто биологических приспособлений.

Историзм логического метода Маркса – Энгельса – Ленина конкретен. Это значит, что он обязывает говорить не об истории вообще, но каждый раз о конкретной истории конкретного предмета. Это, разумеется, гораздо труднее. Но научное исследование и не может руководствоваться принципом легкости, принципом «экономии интеллектуальных сил», вопреки иллюзиям кантианцев. Научное развитие может руководствоваться только

принципом соответствия предмету, и если предмет сложен, то тут уже ничего не поделаешь.

Логическое развитие категорий, в форме которого совершается построение системы науки, должно совпадать с историческим развитием предмета, как отражение с отражаемым. Сама последовательность категорий должна воспроизводить реальную историческую последовательность, в которой протекает процесс формирования предмета исследования, процесс складывания его структуры.

Это – основной принцип диалектики. Но в том-то и заключается вся трудность, что конкретную историю конкретного объекта не так-то легко выделить из океана реальных фактов эмпирической истории, ибо созерцанию и непосредственному представлению всегда дана не «чистая история» данного конкретного объекта, а сложнейшее переплетение массы связанных между собой процессов развития, взаимодействующих между собой, взаимно изменяющих формы своего проявления. Трудность заключается именно в том, чтобы из эмпирически данной картины совокупного исторического процесса выделить те моменты, которые составляют узловые пункты развития данного, конкретного объекта, данной конкретной системы взаимодействия. Логическое развитие, совпадающее с историческим процессом становления конкретного целого, [201] должно строго установить пункт его исторического начала, рождения и затем проследить его дальнейшую эволюции в ее необходимых закономерных моментах. В этом-то и заключается вся трудность.

Товарно-капиталистическая система, например, возникает не на пустом месте, а на основе и внутри исторически предшествующих ей форм экономических отношений, и ее конкретное развитие совершается в борьбе, в преодоления этих форм. Возникнув вначале в качестве малозаметного, но более жизнеспособного способа экономических отношений, эта система постепенно преобразует в соответствии со своими требованиями, на свой лад, все исторически застигнутые ею при рождении формы производства. Она постепенно превращает ранее независимые и даже враждебные ей формы экономики в формы своего собственного осуществления, подчиняет их себе, частью ломая без остатка, частью продолжает (иногда очень долго) влачить за собой их обломки, которые она не успела разложить, частью развивая до полного значения то, что имелося ранее лишь в виде не до конца выявившейся тенденции.

В результате исторический процесс развития конкретного целого, понятый в его сущности и выражаемый именно логическим развитием, не совпадает с той картиной, которая дана на поверхности явлений, открытой теоретически невооруженному

глазу. Сущность и явления совпадают и здесь лишь диалектически, лишь через противоречие.

Поэтому логическое развитие категорий, имеющее целью отражение реального исторического порядка формирования исследуемой системы взаимодействующих явлений, и не может руководствоваться прямо и непосредственно той последовательностью, в которой на поверхности исторического процесса, открытой эмпирическому созерцанию, появлялись или играли решающую роль отдельные стороны становящегося целого. «...Недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль» 1, – категорически подытоживает методологическое значение этого реального обстоятельства Маркс. [202]

Теоретик же, стоящий на позиции абстрактно понимаемого историзма, руководится именно тем принципом анализа, который Маркс определяет как недопустимый и ошибочный. И когда он рассматривает явления в той последовательности, в какой они исторически, во времени, следуют друг за другом, в последовательности, кажущейся на первый взгляд самой естественной, то он на деле рассматривает их в последовательности, обратной реальной и объективной.

Видимое, мнимое соответствие логического историческому здесь скрывает от теоретика их действительное несоответствие. На поверхности исторического процесса очень часто (гораздо чаще, чем думает эмпирик) подлинная объективная причина явления обнаруживается во времени позже, чем ее собственное следствие.

Например, всеобщий кризис перепроизводства в товарно-капиталистическом мире обнаруживается эмпирически прежде и раньше всего в виде возмущений в сфере банковского кредита, в виде денежного кризиса, потом захватывает торговлю и лишь в самом конце обнаруживает себя в сфере непосредственного производства, как реальный всеобщий кризис перепроизводства. Поверхностный наблюдатель, для которого принцип последовательности явлений во времени является единственным принципом исторического подхода к делу, отсюда и заключает, что причиной, основой и началом всеобщего кризиса являются недоразумения и коллизии в сфере банковских расчетов. Иными словами, самое абстрактное, производное следствие он принимает за действительную основу событий, а объективная основа начинает уже с неизбежностью казаться следствием своего собственного следствия.

Так грубый эмпиризм дает тот же нелепый результат, что и самая рафинированная схоластика. Грубый эмпиризм вообще неизбежно превращается в самую отвратительную схоластику, когда его делают принципом теоретического объяснения событий.

Но с точки зрения науки, с точки зрения действительного историзма совершенно очевидно, что факт перепроизводства на самом деле свершился раньше, чем он успел проявиться в виде возмущений и недоразумений в сфере банковских расчетов, которые лишь отразили на свой лад реально свершившийся факт, но ни в коем случае не [203] создали его. Логическое развитие категорий в системе науки соответствует подлинной, скрытой от эмпирического наблюдения исторической последовательности, но противоречит внешней видимости, поверхностной кажимости этой последовательности.

Правильно выявленный логический порядок развития категорий в системе науки открывает тайну подлинной объективной последовательности развития явлений, сторон предмета, дает возможность и самую последовательность во времени понять так же научно, а не эмпирически, не обывательски. Логическое развитие категорий в науке противоречит временной последовательности именно потому, что соответствует подлинной и объективной последовательности процесса формирования конкретной структуры исследуемого предмета. В этом и заключается диалектика логического и исторического.

«Исторически предшествующее» в ходе развития постоянно превращается в «логически последующее» и наоборот. Ранее родившиеся явления превращаются то и дело в формы проявления процессов, начавшихся гораздо позже. И начало (подлинное начало) новой ветви развития, новой конкретно-исторической системы взаимодействия, не может быть понято как продукт плавной эволюции исторически предшествующих форм. Здесь происходит подлинный скачок, перелом в развитии, в котором начинается принципиально новая конкретно-историческая форма развития.

И это новое направление в развитии может быть понято только из самого себя, из внутренне присущих ему противоречий. Каждый вновь возникший конкретно-исторический процесс имеет свое собственное, конкретно-историческое начало. По отношению к экономическому развитию Маркс выразил это обстоятельство так:

«Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных и отношения которого определяют место и влияние всех остальных. Это – общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это – особый эфир, который

определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося» 2. [204]

Понятно, что этот закон вовсе не ограничивает свое действие общественным развитием, общественными явлениями. В природе развитие тоже протекает так и не может протекать иначе. И здесь новая конкретная форма развития возникает на основе и внутри ей предшествующих, превращается и конкретно-всеобщее «начало» новой системы и как таковая вовлекает эти предшествующие ей (во времени) формы в русло своей специфической конкретной истории.

Отныне историческая судьба этих исторически предшествующих явлений начинает определяться совершенно новыми законами. Химические вещества, вовлеченные в процесс развития жизни, ведут себя в этом процессе вовсе не так, как они вели себя прежде вне и независимо от него. Они подчиняются всеобщему закону этой высшей новой формы, и их движение может быть понято только из законов жизни, из конкретно-всеобщих законов этой высшей и по времени своего рождения позднейшей формы движения материи.

Разумеется, что ни нарушены, ни отменены, ни изменены законы этих простейших форм быть не могут. Но они приобретают здесь лишь подчиненное значение, значение абстрактно-всеобщих законов, которые ровно ничего не могут объяснить в движении того конкретного целого, внешними проявлениями которого они сделались. В процессе развития органической жизни тоже образуется «особый эфир», который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося.

И этот «особый эфир», – т.е. конкретно-всеобщее начало новой, более высокой формы движения, возникшее по времени позже, но ставшее доминирующим началом, – должен быть понят в науке раньше и прежде всего из самого себя, из внутренне присущих ему конкретно-всеобщих противоречий.

Исторически предшествующее, ставшее в силу диалектики побочным, подчиненным моментом новой формы движения, своеобразным материалом, в котором реализуется какой-то новый конкретно-исторический процесс, может быть действительно понято только из конкретно-всеобщего закона высшей формы, в движение которой оно вовлечено.

Это исторически предшествующее может существовать [205] задолго до логически предшествующего, может составлять даже условие возникновения этого логически предшествующего, конкретно-всеобщего явления, превращаясь затем в его проявление, в его продукт.

Рента как форма товарно-капиталистической экономики не может быть понята раньше, чем понят капитал. Но капитал может и должен быть понят в его внутренних противоречиях раньше ренты, хотя рента исторически появилась раньше и даже служила историческим условием его возникновения. Ведь немало помещиков, накопивших феодальную ренту, стали затем использовать ее в качестве капитала. То же самое происходит и с торговой прибылью.

Историческая судьба ренты и торговой прибыли как элементов товарно-капиталистического целого, как форм проявления, как модификаций капитала может быть уподоблена для наглядности судьбе куска мрамора, из которого ваятель высекает статую, изображающую человека.

Данная конкретная форма куска мрамора никоим образом не может быть объяснена из свойств самого мрамора. Она хотя и является формой, принадлежащей куску мрамора, но по своей реальной субстанции вовсе не есть форма мрамора как продукта природы. Он обязан ей не себе, не своей природе, а тому процессу, в который оказался вовлечен, – процессу художественного развития человека.

Мрамор миллионы лет лежал в земле, он родился намного раньше человека, не только раньше ваятеля, но и человечества в целом. Но та конкретная форма, в которой он существует в зале музея, есть продукт человеческого развития, которое началось гораздо позже, чем возник мрамор как таковой, как минерал. Это – деятельная, активная форма какого-то совсем иного процесса, осуществляющегося в мраморе и через мрамор, которая из мрамора как такового понятой быть, естественно, не может.

Аналогично обстоит дело с конкретно-исторической формой бытия ренты, процента, торговой прибыли и тому подобных форм и категорий. В процессе капиталистического производства они суть побочные, подчиненные формы экономики, суть формы проявления прибавочной стоимости, формы, которая появилась гораздо позже по времени, нежели они сами. [206]

Эта конкретно-всеобщая форма и должна быть понята науке раньше, прежде и совершенно независимо от всех других.

Их конкретная история как форм бытия прибавочной стоимости началась только там и тогда, где и когда процесс производства и накопления прибавочной стоимости вовлек их в свое русло, превратил их в органы своего тела, в способ своего осуществления. До этого момента их судьбы не имеют никакого внутреннего отношения к истории капитализма, к той истории, которая

выражается последовательностью категорий политической экономии. Вне истории капитала, рядом с нею, но совершенно независимо от нее, они существовали задолго до этого момента. Но в процесс формирования товарно-капиталистической системы они попали, превратившись в конкретно-исторические формы, в элементы данной системы лишь там, где независимо от них развивавшаяся конкретно-всеобщая форма капитала выразила в них свое движение.

Следовательно, логическое развитие воспроизводит не историю вообще, а конкретную историю данного, конкретно-исторического целого, данной конкретной системы взаимодействующих особым образом явлений.

Этой истории и ее последовательности прямо и непосредственно соответствует логический порядок категорий науки, именно она и выражается в теоретически обобщенной форме. Логическое развитие категорий и их конкретных определений поэтому-то и не может руководствоваться принципом абстрактного историзма (псевдоисторизма), принципом временной последовательности появления различных сторон исследуемого целого в истории.

И наоборот, логическое развитие категорий, руководствующееся тем отношением, в котором элементы исследуемой конкретности стоят друг к другу в развитом предмете, в предмете на высшей точке его развития и зрелости, только и открывает тайну подлинной, объективной последовательности процесса формирования предмета, складывания его внутренней структуры.

Идя этим путем, мы всегда можем открыть действительно естественный, а не кажущийся таковым, порядок развития всех сторон исследуемого конкретно-исторического целого. В этом случае мы добьемся действительно совпадения логического с историческим. В противном случае [207] мы добьемся только расхождения того и другого, получим эмпирически-схоластическое выражение истории, но не объективно-теоретическое ее отражение в понятии.

Исследование системы товарно-капиталистического производства, осуществленное в «Капитале», блестяще подтвердило правоту этого методологического соображения, философского взгляда Маркса и Энгельса на диалектику исторического процесса и на процесс ее теоретического воспроизведения.

Чтобы понять товарно-капиталистическую формацию действительно исторически – в законах ее исторического становления, развития и гибели – Маркс исследовал прежде всего существующее состояние этой формации, исходил из современного

ему положения дел, из отношения, в котором стоят друг к другу различные элементы ее необходимой структуры. С точки зрения этого существующего, фактически констатируемого положения вещей он и подверг анализу понятия и категории политической экономии, критически исследовал эти понятия и развернул на основе этого анализа свое теоретическое понимание фактов, систему теоретических определений.

Каждая из сторон, каждый из элементов структуры товарно-капиталистического организма поэтому и получили свое конкретное теоретическое выражение, были выражены в конкретно-исторической абстракции.

Теоретические определения каждой из категорий политической экономии были образованы Марксом путем прослеживания истории их возникновения, но не эмпирической истории, а истории «снятой» в ее результатах.

Это исследование непосредственно приводило его к пониманию реальных исторически необходимых предпосылок возникновения буржуазной экономики, давая тем самым ключ к теоретическому пониманию и эмпирической истории ее рождения и эволюции. С другой стороны, благодаря этому способу исследования буржуазная формация представала как система исторически-вызревающих предпосылок рождения другой, новой, более высокой системы общественных отношений – социализма, в которую неизбежно разрешается под давлением внутренних противоречий своего развития товарно-капиталистическая система производства материальной жизни. [208]

1 Маркс К. К критике политической экономии, с. 221.

2 Там же, с. 220.

Глава пятая

Способ восхождения от абстрактного к конкретному

в «Капитале» Маркса

Конкретная полнота абстракции и анализа как условие теоретического синтеза

Рассмотрение логической структуры «Капитала», к которому мы теперь обратимся, постоянно сопоставляя ее как с логикой движения мысли Рикардо, так и с теоретическими взглядами предшественников Маркса в области логики, и должно раскрыть нам логику Маркса в ее реальном практическом применении к анализу фактов, к анализу эмпирических данных.

Наша задача состоит в том, чтобы выделить всеобщие, логические моменты движения мысли Маркса в экономическом материале, логические формы, применимые в силу своей всеобщности и в любой другой теоретической дисциплине.

«Капитал», как известно, начинается с тщательнейшего и пристального анализа категории стоимости, т.е. реальной формы экономических отношений, являющейся всеобщей и простейшей формой бытия капитала. Перед умственным взором Маркса находится при этом лишь одно-единственное и, как мы уже отмечали, внутри развитого капитализма крайне редкое фактическое отношение между людьми – прямой обмен товара на товар. Ничего более – ни денег, ни прибыли, ни заработной платы – Маркс на этой ступени исследования [209] товарно-капиталистической системы намеренно не принимает во внимание. Все эти вещи пока предполагаются как несуществующие.

И тем не менее анализ этой одной формы экономических отношений дает – как свой результат – теоретическое выражение объективно-всеобщей формы всех без исключения явлений и категорий развитого капитализма, развитой конкретности – теоретическое выражение стоимости как таковой, всеобщей формы стоимости.

Простейший вид существования стоимости совпадает со стоимостью вообще, а реальное, фактически прослеживаемое развитие этой формы стоимости в другие ее формы составляет объективное содержание дедукции категорий «Капитала». Дедукция в этом понимании утрачивает свой формальный характер, которого она так и не утратила у Рикардо: здесь она непосредственно выражает реальный процесс происхождения одних форм экономического взаимодействия из других.

И это составляет как раз тот пункт, которого не было ни у Рикардо, ни у его последователей из буржуазного лагеря.

Понимание всеобщего понятия, лежащего в основании всей системы категорий науки, примененное здесь Марксом, не может

быть отнесено за счет специфики предмета политической экономии. Оно отражает в себе всеобщую диалектическую закономерность развертывания любой объективной конкретности – природной, общественно-исторической или духовной.

Это понимание имеет значение для любой современной науки. Чтобы дать конкретное теоретическое определение жизни как исходной категории биологии, чтобы ответить на вопрос: «что такое жизнь вообще, жизнь как таковая?», надо поступить так, как поступил Маркс со стоимостью вообще, т.е. конкретно проанализировать состав и способ существования простейшего проявления жизни – простейшего белкового тела. Тем самым только и получится единственно реальная «дефиниция» – раскрытие существа дела.

Тем самым, а вовсе не на пути отвлечения абстрактно-общего от всех без исключения явлений жизни, можно действительно научно, действительно материалистически выразить жизнь в понятии, создать понятие жизни как таковой. [210]

Точно так же и в химии. Понятие «химический элемент» вообще, как таковой не разработаешь на пути отвлечения того общего, того одинакового, что имеют между собой и гелий и уран, и кремний и азот, все элементы менделеевской таблицы. Понятие химического элемента можно получить при детальном рассмотрении простейшего элемента системы – водорода. Водород в данном случае предстает как та простейшая структура, при разложении которой вообще исчезают химические свойства материи, – производим ли мы это аналитическое разложение реально, экспериментально или только «в уме». Водород поэтому есть конкретно-всеобщий элемент химизма. Всеобщие необходимые закономерности, вместе с ним возникающие и вместе с ним исчезающие, суть простейшие закономерности существования химического элемента вообще. В качестве простейших, всеобщих они встретятся и в уране, и в золоте, и в кремнии. А любой из этих сложных элементов может быть в принципе сведен к водороду, что, кстати, происходит и в природе, и в эксперименте с ядерными процессами.

Тут, иными словами, осуществляется то же самое живое взаимопревращение всеобщего и особенного, простейшего и сложного, которое мы наблюдали на примере категорий капитала, где прибыль предстает как развитая стоимость, как развитая простая форма товара, к которой прибыль постоянно «сводится» в реальном процессе движения экономической системы, а потому и в мышлении, воспроизводящем это движение. И здесь, как и везде, конкретное всеобщее понятие фиксирует не пустую отвлеченность,

а реальную, объективную простейшую форму существования всей системы в целом.

«Стоимость вообще» (как таковая), «жизнь вообще», «химический элемент» – все это понятия в полной мере конкретные. Это означает, что отражаемая ими реальность есть объективно существующая сейчас (или когда-либо существовавшая) реальность, и существующая сама по себе, как простейший, далее не разложимый случай данной конкретности. Именно поэтому она и может быть выделена как особый объект рассмотрения, может быть исследована и получена в эксперименте.

Если же понимать стоимость (как и любую другую всеобщую категорию) лишь как отражение [211] абстрактно-всеобщих признаков, которыми обладают все без изъятия *развитые* особенные явления, то ее как таковую невозможно было бы исследовать «самое по себе», в строжайшем отвлечении от всех этих развитых явлений. В этом случае анализ всеобщего был бы невозможен ни в какой другой форме, кроме формального анализа понятия. Ведь в чувственно-данном мире нет и не может быть ни «животного вообще», ни «химического элемента как такового», ни «стоимости» – как отражения абстрактно-всеобщих признаков они действительно существуют лишь в голове.

У Рикардо не возникало и подозрения на тот счет, что стоимость должна быть исследована конкретно по ее форме, что ее вообще можно исследовать как таковую, в строжайшем отвлечении от прибыли, ренты, процента, капитала и конкуренции. Поэтому его абстракция стоимости обладает, как показал Маркс, двояким недостатком: «Его следует упрекнуть, с одной стороны, в том, что он недостаточно, не до конца абстрагирует, так что, когда он, например, рассматривает *стоимость* товара, он с самого же начала включает в ее определение всевозможные конкретные отношения; с другой стороны – в том, что он форму проявления понимает как *непосредственное, прямое* подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает *развития* этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она – абстракция формальная, ложная сама по себе» 1.

Нетрудно сформулировать собственный взгляд Маркса на всеобщую категорию, предполагающийся в этой оценке. Абстракция должна быть, во-первых, *полной*, а во-вторых, не формальной, а *содержательной*. Только в этом случае она будет верной, *объективной*. Что это, однако, значит?

Мы уже показали, что полнота абстракции предполагает, что в ней выражаются непосредственно не абстрактно-всеобщие

признаки, свойственные всем без исключения особым явлениям, к которым всеобщая абстракция относится, а совсем иное – конкретные характеристики объективно простейшего нерасчлененного далее [212] элемента системы взаимодействия, «клеточки» исследуемого целого.

В случае с товарно-капиталистической системой взаимодействия между людьми в процессе общественного производства материальной жизни такой клеточкой оказывается товар, простая товарная форма взаимодействия. В биологии, по-видимому, такой клеточкой является простейшая белковая структура, в физиологии высшей нервной деятельности – условный рефлекс, и т.д.

В этом пункте вопрос о «начале науки», об исходной всеобщей категории, лежащей в основании всей системы конкретных категорий науки, переkreщается с вопросом о конкретности анализа и об объективно-допустимом пределе аналитического расчленения предмета.

Конкретный теоретический анализ предполагает, что вещь аналитически расчленяется не на равнодушные к ее специфике составные части, а на специфически характерные только для этой вещи, внутренне связанные друг с другом необходимые формы ее существования.

В этом отношении аналитический метод Маркса полярно противостоит так называемому односторонне-аналитическому методу, пример применения которого представляет собой классическая буржуазная политическая экономия. Односторонне-аналитический метод, унаследованный экономистами XVII – XVIII вв. от современного им механистического естествознания и философии эмпиризма (непосредственно через Локка), полностью соответствует представлению о предметной реальности как о своеобразном агрегате вечных и неизменных составных частей, одинаковых у любого предмета природы. Познать вещь, значит, с точки зрения этого представления, аналитически разложить ее на эти вечные и неизменные составные части, а затем понять их способ взаимодействия внутри данной вещи.

«Труд», «потребность», «прибыль» в теории Смита – Рикардо в этом отношении представляют собой не менее яркий пример односторонне-аналитических абстракций, в которых погашена вся конкретно-историческая определенность предмета, чем «частица» физики Декарта, чем «атом» Ньютона и тому подобные категории науки того времени. И Смит и Рикардо пытались понять товарно-капиталистическую систему взаимодействия как сложное [213] целое, составными частями которого являются вечные, одинаковые

для любой ступени человеческого развития, реальности: труд, орудия труда (капитал), потребность, прибавочный продукт и т.д.

Такую операцию аналитического расчленения предмета всегда можно проделать и экспериментально и в «уме». Можно аналитически разложить живого кролика на химические элементы, на механические «частички» и т.д. Но, получив на этом пути груды аналитически выявленных составных частей, мы не сможем проделать, исходя из самого детального рассмотрения этих составных частей, обратной операции – никогда не сможем из них понять, а почему они раньше, до аналитического расчленения, давали своим сочетанием именно живого кролика.

Анализ в данном случае умертвил, уничтожил как раз то, что мы хотели бы таким образом понять, – живую, конкретную, специфическую для данной вещи взаимосвязь. Анализ сделал невозможным синтез.

С подобной же трудностью столкнулась буржуазная классическая экономия, теория Смита – Рикардо.

Синтез – понимание необходимой связи абстрактно взятых составных частей предмета (труда, капитала, прибыли и пр.) – оказался невозможным именно потому, что анализ, выявивший эти категории, был анализом *односторонним*: он «разорвал» как раз то, что составляет конкретно-историческую форму связи этих категорий между собой.

Трудность, заключенную в проблеме анализа и синтеза, заметил уже Аристотель. Он прекрасно видел, что односторонне понимаемый анализ сам по себе решить задачи познания никак не в состоянии. Задача познания, замечает он в своей «Метафизике», двояка: надо не только познать, из каких частей вещь состоит, но и познать, почему эти составные части связаны между собой именно так, что они дают своим сочетанием именно данную, конкретную вещь, а не какую-нибудь иную.

Данную в созерцании вещь нетрудно разложить аналитически на ее составляющие: стул – черный, деревянный, четырехногий, тяжелый, с круглым сидением и т.д. и т.п. Это простенький пример эмпирического анализа и одновременно – пример такого же синтеза абстрактных определений в суждении о вещи. [214]

Следует заметить, что в данном случае также происходит непосредственное совпадение анализа и синтеза. В суждении «этот стул – черный» можно увидеть и то и другое. С одной стороны, это чистейший синтез – соединение двух абстракций в суждении. С другой стороны, столь же чистейший анализ – вычленение в

чувственно данном образе двух различных определений. И анализ и синтез *одновременно* протекают в процессе высказывания простейшего суждения о вещи.

Но в данном примере гарантией и основанием правильности анализа и синтеза является непосредственное созерцание, именно в нем выступают соединенными те признаки, которые суждение синтезирует, и в нем же эти признаки даны как различные. Само созерцание является основой и критерием правильности аналитического выделения связываемых в суждении абстракций.

Так что совпадение анализа и синтеза в суждении о единичном факте, в высказывании фактического положения дел, понять нетрудно. Гораздо труднее понять отношение анализа и синтеза в *теоретическом* суждении, которое обязано опираться на более веские основания, нежели простое указание на то, что вещь в созерцании выглядит так, а не иначе.

Суждение «все лебеди – белые» не представляет никакого труда для понимания с точки зрения логики именно потому, что оно не выражает необходимости связи двух определений. Совсем иное – суждение «все предметы природы – протяженны». Если лебедь с одинаковым успехом может быть и не белым, то в суждении «все предметы природы протяженны» осуществлен необходимый синтез двух определений. Не может быть непротяженного предмета природы, как и наоборот, – не может быть протяженности, не принадлежащей предмету природы.

Иными словами, теоретическое суждение связывается из абстракций, каждая из которых выражает определенность, лишившись которой, вещь перестанет быть самой собой, перестанет существовать как данная вещь.

Лебедя можно выкрасить в любой цвет, лишить его белого цвета – от этого он не перестанет быть лебедем.

Протяженности же у предмета природы отнять нельзя, не уничтожив сам предмет природы.

Теоретическое суждение должно поэтому иметь в своем [215] составе только такие абстракции, которые выражают необходимо присущие данному предмету формы его существования.

Где же взять гарантию на тот счет, что в суждении связаны именно такие абстрактные определения?

Эмпирическое созерцание вещи на этот вопрос ответа дать не может. Чтобы отделить необходимую форму бытия вещи от такой, которой может и не быть, – без ущерба для существования вещи

именно как данной конкретной вещи (лебедя, тела природы, труда и пр.), – нужно перейти от созерцания к чувственно-практическому эксперименту, к общественной практике человека во всем ее историческом объеме.

Лишь практика общественного человечества, т.е. совокупность исторически развивающихся форм реального взаимодействия общественного человека с природой, оказывается и основой и критерием истинности теоретического анализа и синтеза.

Как выглядит эта реальная проблема в развитии политической экономии?

Это ясно прослеживается на категории труда и на связанной с ним категории стоимости.

Поскольку категория стоимости закладывается в фундамент всей теории и служит теоретическим основанием всех остальных обобщений, постольку от понимания труда как субстанции стоимости зависит теоретическое понимание всех остальных явлений товарно-капиталистической системы.

Верно ли суждение: «субстанцией стоимости является труд»? Нет. Это теоретическое суждение равноценно по своей теоретической значимости суждению: «человек есть по своей природе частный собственник», утверждению, что быть частным собственником столь же атрибутивно присуще природе человека, сколь телу природы – протяженность.

Иными словами, здесь выявлены в рассмотрении эмпирически данного положения дел абстрактные характеристики, каждая из которых с необходимостью в природе «труда» и «стоимости» вовсе не заключена.

Маркс прекрасно показал, в чем тут дело. Исторически переходящее свойство труда принято здесь за характеристику, выражающую его абсолютную внутреннюю [216] природу. Создает стоимость далеко не всякий труд, далеко не всякая исторически-конкретная форма труда, подобно тому, как частным собственником является вовсе не человек как таковой, а исторически конкретный человек, человек внутри определенной, исторически конкретной формы общественного бытия.

Но как отличить то, что принадлежит исторически определенной форме существования человека, от того, что принадлежит ему как человеку вообще?

Ответ на это может дать только дальнейший анализ той реальности, о которой выносится теоретическое суждение с точки

зрения всей практики человечества. Последняя и выступает как единственный критерий, позволяющий уверенно отвлечь, аналитически выявить такое определение, которое выражало бы атрибутивно принадлежащую предмету форму его бытия.

Эмпирически-всеобщим фактом и во времена Смита – Рикардо, и во времена Маркса было бытие человека в качестве частного собственника. Таким же эмпирически-всеобщим фактом было и свойство труда создавать не просто продукт, а товар, стоимость.

Это эмпирически-всеобщее положение дел классиками политической экономии и фиксировалось в виде суждения «субстанцией стоимости является труд», – труд вообще, без дальнейших теоретических уточнений, выражающих как раз его конкретно-историческую определенность, внутри которой он только и создает не продукт, а товар, не потребительную стоимость, а стоимость.

И поскольку классики политической экономии вырабатывали абстрактно теоретические определения с помощью односторонне-аналитического метода, постольку они в итоге не могли понять, почему же именно труд выступает то в форме капитала, то в форме заработной платы, то в форме ренты.

Эта логическая задача, общая и для естествоиспытателей XVII – XVIII вв. и для Смита – Рикардо, – по самой своей сути неразрешима. Первые пытались понять, как и почему атомы, частицы, монады своим сочетанием порождают то космическую систему, то тело животного; вторые – как и почему труд вообще порождает то капитал, то ренту, то заработную плату.

Теоретический синтез никак не получался ни у тех, [217] ни у других – и не получался именно потому, что анализ их не был конкретным, а расчленял предмет на равнодушные составные части, общие для любой предметной сферы или для любой исторической формы производства.

Труд вообще есть безусловно необходимое условие возникновения и развития ренты, капитала, заработной платы и всех других специфически капиталистических категорий. Но он же является и условием их небытия, их отрицания, уничтожения. Труд вообще столь же безразличен к бытию капитала, как и к его небытию. Он является всеобщим необходимым условием его возникновения, но не является *внутренне* необходимым условием, таким условием, которое одновременно есть столь же *необходимое следствие*. Тут нет формы внутреннего взаимодействия, внутренней взаимообусловленности.

В связи с этим пороком односторонне-аналитических абстракций, выработанных классиками буржуазной науки, Маркс замечает: «Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы – к паровой машине» 2.

Переключаясь с известным афоризмом Фейербаха: «из природы прямо не выведешь даже бюрократа», Маркс и с этой стороны подводит к тому же выводу: все трудности теоретического анализа и синтеза решаются реально на почве категории конкретно-исторического взаимодействия, взаимообусловленности явлений внутри определенного, исторически возникшего и развившегося целого, внутри конкретно-исторической системы взаимодействия.

Иными словами, и анализ-синтез, и дедукция-индукция перестают быть метафизически полярными, а потому и беспомощными логическими формами только на почве *сознательно исторического взгляда* на исследуемую реальность, на основе представления о любой предметной реальности как об исторически возникшей и развившейся системе взаимодействующих явлений.

Такой взгляд и дал Марксу в руки четкий критерий, согласно которому, опираясь на всю рационально понятую историю практики человечества, он уверенно разрешил [218] трудности, связанные с проблемой теоретического анализа и синтеза, теоретической дедукции и индукции.

В практике человечества, взятой во всем ее историческом объеме, Маркс и обрел критерий для различения эмпирического синтеза – и *синтеза теоретического*, аналитических абстракций, фиксирующих всеобщее эмпирическое положение дел, и *теоретических абстракций*, фиксирующих в своей взаимосвязи внутренне необходимую связь выражаемых ими явлений.

И если у Смита – Рикардо (и даже у Гегеля) чисто эмпирический синтез часто выдается за теоретический, если они постоянно выдают исторически переходящую форму явления за его внутреннюю структуру (за его вечную природу) и дедуктивно – из природы вещей – выводят оправдание самой грубой эмпирии, то метод Маркса выставляет строжайшие логические, философские преграды для подобных ходов мысли.

Дедукция и индукция, анализ и синтез оказываются могучими логическими средствами обработки эмпирических фактов именно потому, что они сознательно ставятся на службу исторического по существу подхода к исследованию, что они основываются на диалектико-материалистическом понимании объекта как

исторически возникшей и развертывающейся системы особым образом взаимодействующих явлений.

Поэтому аналитический метод Маркса – метод, восходящий от целого, данного в созерцании, к условиям его возможности, и совпадает с методом *генетического выведения* теоретических определений, с логическим прослеживанием реального происхождения одних явлений из других (денег – из движения товарного рынка, капитала – из движения товарно-денежного обращения, в которое попадает рабочая сила и т.д.). Эта историческая по существу точка зрения на вещи и на процесс их теоретического выражения и позволила Марксу четко поставить вопрос о реальной субстанции стоимостных свойств продукта труда, о всеобщей субстанции всех остальных конкретно-исторических категорий политической экономии.

Но труд вообще, а конкретно-историческая форма труда была понята как субстанция стоимости. А в связи с этим по-новому встал вопрос о теоретическом анализе [219] стоимости по ее форме, – она предстала как конкретно-всеобщая категория, дающая возможность понять теоретически (вывести, дедуцировать) ту реальную конкретно-историческую необходимость, с которой стоимость превращается в прибавочную стоимость, в капитал, в заработную плату, в ренту и все другие развитые конкретные категории.

Иными словами, впервые был полностью раскрыт и проанализирован исходный пункт, отправляясь от которого, можно действительно развить всю систему теоретических определений предмета с логической необходимостью, отражающей необходимость реального генезиса товарно-капиталистической формации.

В чем заключался этот конкретный анализ стоимости по ее форме, тот самый анализ, которого не доставало Давиду Рикардо? Ответ на этот вопрос и должен дать нам ключ к пониманию способа восхождения от абстрактного к конкретному.

Процесс восхождения от всеобщего теоретического определения предмета к пониманию всей сложности его исторически развитой структуры (конкретности) предполагает конкретный и полный анализ *исходной, всеобщей категории науки*. Мы видели, что недостаточная конкретность анализа стоимости у Рикардо предопределила и неуспех его замысла развить всю систему теоретических определений, построить все здание науки на одном, прочно и категорически установленном фундаменте, не дала ему возможности «вывести» даже ближайшую категорию – деньги, не говоря уже обо всем остальном.

В чем же заключается особенность анализа стоимости у Маркса, которая закладывает прочный фундамент теоретического синтеза категорий, дает возможность ему строжайшим образом перейти от рассмотрения стоимости к рассмотрению денег, капитала и т.д.?

Вопрос, поставленный так, сразу наталкивает логику на проблему противоречия в определениях вещи, на проблему, которая в конце концов и включает в себе ключ ко всему остальному. В противоречии, как единстве и совпадении взаимоисключающих теоретических определений, Маркс и открывает разгадку конкретного и путей его теоретического выражения в понятии. К анализу этого пункта мы и перейдем. [220]

1 Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. II. Госполитиздат, 1957, с. 100.

2 Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). Moskau, Verlag für fremdsprachige Literatur, 1939, S. 170.

Противоречие как условие развития науки

Логическое противоречие – наличие взаимоисключающих определений в теоретическом выражении вещи – давно занимало философию. Не было и нет ни одного философского или логического учения, которое в той или иной форме не ставило и по-своему не решало бы этот вопрос. Философию он занимал и интересовал всегда именно потому, что противоречие в определениях – это прежде всего факт, независимый ни от какой философии, факт, который постоянно и с роковой необходимостью воспроизводится в научном развитии, в мышлении человечества, в том числе и внутри самой философии. Более того, противоречие самым недвусмысленным образом обнаруживает себя как ту форму, в которой всегда и везде происходит движение, развитие мысли о вещах.

Древние греки прекрасно понимали, что истина рождается только в борьбе мнений. Критика любой теории всегда направляется на отыскание в ней противоречий. Новая теория всегда утверждает себя тем, что показывает тот способ, которым разрешаются противоречия, неразрешимые с помощью принципов старой теории.

Но если этот эмпирический факт просто описать как факт, то оказывается, что противоречие – это нечто нетерпимое, от чего мышление всегда тем или иным способом старается избавиться. И

вместе с тем, несмотря на все попытки от него избавиться, мышление опять и опять его воспроизводит.

И поскольку философия и логика не просто констатируют и описывают этот факт, а исследуют его, постольку встает вопрос о причинах и источниках его появления в мышлении, о его реальной природе. В философии этот вопрос встает так: допустимо или недопустимо противоречие в истинном выражении вещи? Представляет ли оно собой нечто чисто субъективное, создаваемое лишь субъектом познания, или же оно необходимо возникает в силу природы вещей, выражаемых мышлением?

Именно этот пункт и составляет рубеж между диалектикой и метафизикой. Диалектика и метафизика в конце концов составляют два принципиально противоположных способа разрешения противоречий, неизбежно [221] возникающих в научном развитии, в развитии теоретического знания.

Различие между ними, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что метафизика толкует противоречие как лишь *субъективный* фантом, к сожалению, вновь и вновь появляющийся в мышлении в силу его несовершенства, а диалектика рассматривает его как *необходимую логическую* форму, в которой осуществляется развитие мышления, переход от незнания к знанию, от абстрактного отражения предмета в мышлении ко все более и более конкретному его отражению.

Диалектика и рассматривает противоречие в качестве *необходимой* формы развития знания, в качестве всеобщей логической формы. Только так противоречие и может выглядеть с точки зрения на познание и мышление как на естественно-исторический процесс, управляемый законами, независимыми от желаний человека 1.

К проблеме логического противоречия философию вновь и вновь возвращает развитие знания, развитие науки. Вопрос о противоречии, о его реальном смысле, об источнике и причине его появления в мышлении встает именно там, где наука подходит к систематическому выражению предмета в понятии, где мышлению приходится строить систему теоретических определений. Там, где налицо бессистемное пересказывание явлений, вопрос о противоречии не возникает. Простейшая попытка систематизировать знания сразу же приводит к проблеме противоречия.

Мы уже видели, в каких пунктах исследования с этой проблемой с необходимостью столкнулось развитие теории трудовой стоимости: у Рикардо, помимо его желания, возникает система

теоретических противоречий именно потому, что он старается развить все категории из одного принципа – из принципа определения стоимости [222] количеством рабочего времени. Одни логические противоречия в своей системе он заметил уже сам, другие – со злорадством констатировали враги трудовой теории стоимости.

Основным видом логического противоречия, вокруг которого развернулась борьба за и против трудовой теории стоимости, оказалось как раз противоречие между всеобщим законом и эмпирически-всеобщими формами его собственного осуществления.

Попытки вывести из всеобщего закона теоретические определения развитых конкретных явлений, закономерно и постоянно повторяющихся на поверхности товарно-капиталистического производства и распределения, на каждом шагу стали приводить к парадоксальным результатам.

Явление (скажем, прибыль), с одной стороны, «подводится» под закон стоимости, его необходимые теоретические определения «выводятся» из закона стоимости, но, с другой стороны, его специфическое отличие оказывается заключенным в таком определении, которое прямо и непосредственно и притом взаимоисключающим образом противоречит формуле всеобщего закона.

И это роковое противоречие проявлялось тем острее, чем больше стараний затрачивалось на то, чтобы от него избавиться.

Наличие противоречий вовсе не является «привилегией» политической экономии, исследующей классово-антагонистическую действительность экономических отношений.

Противоречие знакомо любой современной науке. Стоит вспомнить хотя бы обстоятельства, внутри которых родилась теория относительности. Попытки усвоить с помощью категорий классической механики определенные явления, выявленные в экспериментах Майкельсона, привели к тому, что внутри системы понятий классической механики появились нелепые, парадоксальные противоречия, принципиально неразрешимые с помощью ее категорий, – и именно в качестве способа разрешения этих противоречий родилась гениальная гипотеза Эйнштейна.

Но и с появлением теории относительности противоречия, конечно, не исчезли из физики. Можно указать хотя [223] бы на известный парадокс, заключающийся в теоретических определениях вращающегося тела. Теория относительности,

связывающая пространственные характеристики тел с их движением, выразила эту связь в формуле, согласно которой длина тела сокращается в направлении движения тем более, чем скорее движется тело. Это выражение всеобщего закона движения тела в пространстве вошло в математический арсенал современной физики как прочное теоретическое завоевание.

Но попытка с его помощью теоретически обработать, теоретически усвоить такой реальный физический случай как вращение твердого диска вокруг оси приводит к парадоксу. Получается, что окружность вращающегося диска сокращается тем более, чем больше скорость вращения, а длина радиуса, согласно той же формуле, необходимо остается неизменной.

Заметим, что этот парадокс – не просто курьез, а случай, в котором остро ставится вопрос о *физической реальности* всеобщих формул Эйнштейна. Если всеобщая формула выражает объективный закон предметной реальности, исследуемой в физике, то в самой реальности следует допустить объективно парадоксальное соотношение между радиусом и окружностью вращающегося тела, – даже в случае вращения детского волчка, – потому что ничтожность сокращения окружности ничего не меняет в принципиальной постановке вопроса.

Убеждение в том, что в самой физической реальности такого парадоксального соотношения «не может быть», равносильно отказу от признания физической реальности всеобщего закона, выраженного формулой Эйнштейна. А это – путь к чисто инструменталистскому оправданию всеобщего закона. Служит закон теории и практике – ну, и хорошо, и нечего задаваться пустым вопросом о том, соответствует ему что-либо в «вещах в себе» или нет.

Можно привести еще немало примеров, удостоверяющих, что предметная реальность всегда раскрывается перед теоретическим мышлением как реальность противоречивая. История науки от Зенона Элейского до Альберта Эйнштейна независимо ни от какой философии показывает это обстоятельство как бесспорный эмпирически констатируемый факт. [224]

Вернемся к реальности товарно-капиталистического хозяйства и к процессу его теоретического выражения в политической экономии. Этот пример хорош потому, что он чрезвычайно типичен, – он наглядно демонстрирует те тупики, в которые неизбежно приводит метафизическое мышление, стараясь разрешить основную задачу науки – развернуть систематическое выражение предмета в понятия, в системе теоретических определений предмета, в системе, развитой из одного общего

теоретического принципа. Это во-первых. А во-вторых, и это, пожалуй, самое важное, потому, что в «Капитале» Маркса мы находим рациональный выход из трудностей и противоречий, диалектико-материалистическое разрешение тех антиномий, которые разрушили трудовую теорию стоимости в ее классической, рикардианской форме. [224]

1 Необходимо помнить, что и здесь и далее речь идет о тех противоречиях в определениях, которые возникают в ходе самого правильного движения мысли по логике предмета, т.е. о диалектических противоречиях в мышлении. Логических противоречий в узком смысле этого слова, т.е. словесных, надуманных, субъективных противоречий, как отмечал Ленин, быть, конечно, не должно ни в каком исследовании. О выработке правил, освобождающих от таких противоречий, и должна позаботиться формальная логика.

Противоречия трудовой теории стоимости и их диалектическое разрешение у Маркса

Напомним, что логически-теоретические противоречия системы Рикардо – это плод его стремления выразить все явления через категорию стоимости, понять из одного принципа.

Там, где такого стремления нет, нет и противоречий. Формула вульгарной «науки» (капитал – процент, земля – рента, труд – заработная плата) не противоречит ни сама себе, ни очевидным эмпирическим фактам. Однако именно поэтому она не содержит в себе и крупницы теоретического понимания вещей. Противоречий тут нет только потому, что между капиталом и процентом, между трудом и заработной платой, между землей и рентой эта формула не устанавливает вообще никакой внутренней связи, потому, что определения всех этих категорий вульгарная «наука» даже и не пытается вывести из какого-то одного принципа. Они не показаны как необходимые различия, возникающие с необходимостью внутри некоторой общей субстанции, но поняты как модификации этой субстанции. Неудивительно, что никакого внутреннего противоречия здесь нет, а есть только внешнее противоречие между разными внутренне непротиворечивыми [225] вещами. А с таким положением метафизик прекрасно мирится. Они не противоречат друг другу только потому, что вообще не стоят ни в каком внутренне необходимом отношении. Поэтому и формула вульгарной науки имеет приблизительно такую же теоретическую

ценность, какая была свойственна изречениям известного учителя гимназии, любившего постоянно повторять, что лошади кушают овес и сено и что Волга впадает в Каспийское море.

Рикардо, в отличие от вульгарных экономистов, пытался развить всю систему теоретических определений из принципов трудовой теории стоимости. И именно поэтому вся действительность предстает в его изображении как система конфликтов, антагонизмов, антиномически взаимоисключающих тенденции, противоположно направленных сил, которые именно противоположностью своей создают то целое, которое он рассматривает.

Логические противоречия, в которых экономисты и философы из буржуазного лагеря видели признак слабости, свидетельство неразработанности его теории, выражали как раз обратное – силу и объективность его способа теоретического выражения вещей. Рикардо заботился прежде всего о соответствии теоретических положений и выводов реальному положению дел, а уж затем о соответствии известному постулату метафизического мышления, согласно которому предмет не может противоречить сам себе, а его отдельные теоретические определения – друг другу.

Он смело (даже, как говорил Маркс, цинично) выражал реальное положение вещей, и это реально противоречивое положение вещей отражалось в его системе в виде противоречий в определениях. Когда же его ученики и последователи делали своей главной заботой уже не столько теоретическое выражение фактов, сколько формальное согласование уже выработанных определений между собой, подчиняющееся как верховному принципу принципу запрещения противоречий в определениях, то с этого пункта как раз и начинается процесс разложения трудовой теории стоимости.

Анализируя взгляды Джемса Милля, Маркс констатирует: «К чему он стремится – это формально логическая последовательность. С него поэтому – (поэтому! – [226] Э.И.) – начинается разложение рикардианской школы» 1.

Само по себе стремление оправдать теорию Рикардо перед судом канонов формально-логической последовательности проистекает, разумеется, вовсе не из платонической, любви к формальной логике. Стимулом этого занятия является другое – стремление представить систему товарно-капиталистического производства не как исторически возникшую, а потому и могущую превратиться в некоторую другую, более высокую систему, а как от века и навек равную себе, вечную форму производства.

И если то или иное явление, будучи выражено и понято через всеобщий закон стоимости, вдруг встает в отношение теоретического (логического) противоречия с формулой всеобщего закона (определение стоимости количеством рабочего времени), то в глазах буржуазного теоретика это выглядит как свидетельство его несоответствия вечным и неизменным устоям экономического бытия. Старания и направляются на то, чтобы доказать прямое соответствие явления всеобщему закону, который сам по себе понят без противоречия, как вечная и неизменная форма экономики.

Острее всего буржуазные экономисты чувствуют противоречие между всеобщим законом стоимости у Рикардо и *прибылью*. Попытка выразить явления прибыли через категорию стоимости, подвести прибыль под теорию трудовой стоимости уже у Рикардо обнаруживает противоречие в определении. И поскольку прибыль как раз есть «святая святых» религии частной собственности, постольку экономисты и направляют все свои теоретические усилия на то, чтобы согласовать ее определения со всеобщим законом стоимости.

Но если хотят прямо и непосредственно согласовать теоретические определения стоимости с теоретическими определениями прибыли как особой формы, особой модификации (вида) стоимости, то тут открываются два пути.

Первый путь – изменить выражение *прибыли* с таким расчетом, чтобы оно подводилось без противоречия [227] под категорию стоимости, под ее всеобщие определения. Второй путь – изменить выражение *стоимости*, так «уточнить» его, чтобы определения прибыли подводились под него без противоречия.

Эти оба пути вели к разложению школы Рикардо. Для вульгарной политической экономии предпочтительнее был второй путь: путь «уточнения» определений стоимости, ибо лозунгом эмпиризма всегда является: приводи *всеобщую* формулу закона к соответствию с эмпирически бесспорным положением дел, с одинаковым в фактах, в данном случае – с эмпирической формой существования прибыли.

Эта философская позиция кажется на первый взгляд самой очевидной и здравой. Но ее реализация невозможна без принесения в жертву всеобщих теоретических положений трудовой теории стоимости, самого *понятия* стоимости.

Рассмотрим детально, как и почему это с необходимостью получается.

В парадоксальное отношение между теоретическими определениями стоимости и прибыли упирается сам Рикардо. Его закон стоимости гласит, что живой труд, труд человека есть единственный источник стоимости, а время, затраченное на производство продукта, составляет единственную объективную меру стоимости.

Что, однако, получится, если подвести под этот всеобщий закон, который не может быть ни нарушен, ни отменен, ни изменен (поскольку он выражает всеобщую сокровенную природу любого экономического явления), эмпирически бесспорный факт существования прибыли?

Рикардо отчетливо понимал, что одним законом стоимости прибыль не объяснишь, что он не исчерпывает всей сложности ее состава. В качестве второго решающего фактора, во взаимодействии с которым закон стоимости может объяснить прибыль, Рикардо брал закон средней нормы прибыли, всеобщую норму прибыли.

Всеобщая норма прибыли – это чисто эмпирический, а потому бесспорный факт. Суть его состоит в том, что величина прибыли зависит исключительно от совокупной величины капитала и ни в коем случае от той пропорции, в которой капитал делится на основной и оборотный, на постоянный и переменный и т.д. [228]

Этот эмпирически всеобщий закон Рикардо и привлекает для объяснения механизма производства прибыли как фактор, который видоизменяет, осложняет действие закона стоимости. Что это за фактор, откуда он взялся, в каком внутреннем отношении он находится ко всеобщему закону, – все это Рикардо не исследует. Его существование предполагается им абсолютно некритически, как эмпирически бесспорный факт.

Но мало-мальски внимательный анализ сразу обнаруживает, что закон средней нормы прибыли прямо и непосредственно противоречит (притом исключаяющим образом) всеобщему закону стоимости, определению стоимости рабочим временем.

«Вместо того чтобы заранее предполагать эту общую норму прибыли, Рикардо, наоборот, должен был бы исследовать, в какой мере вообще ее существование соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что, вместо того чтобы соответствовать этому определению, она prima facie ему противоречит...» 2

Противоречие это заключается в следующем: закон средней нормы прибыли устанавливает зависимость величины прибыли

исключительно от величины капитала в целом, устанавливает, что величина прибыли абсолютно не зависит от того, какая доля капитала затрачивается на заработную плату, превращается в живой труд наемного рабочего. Но всеобщий закон стоимости прямо утверждает, что новая стоимость может быть продуктом лишь живого труда и ни в коем случае не мертвого, ибо мертвый труд (т.е. труд, опредмеченный ранее в виде машин, зданий, сырья и т.п.) никакой новой стоимости не создает, а лишь пассивно переносит по частям свою собственную стоимость на продукт.

Рикардо и сам видел здесь трудность. Но совершенно в духе метафизического мышления высказывал и толковал ее не как противоречие в определениях закона, а как «исключение из правила». Но это, конечно, дела не меняет, и по этому поводу Мальтус справедливо замечает, что [229] в процессе развития индустрии правило становится исключением и исключение правилом 3.

Так создается проблема, совершенно неразрешимая для метафизического мышления. Всеобщий закон в глазах метафизически мыслящего теоретика может быть оправдан только как эмпирически всеобщее правило, которому подчиняются непосредственно все без исключения явления. Но в данном случае оказывается, что всеобщим эмпирическим правилом становится как раз нечто противоположное всеобщему закону стоимости, как раз отрицание закона стоимости.

Теоретически выявленный всеобщий закон приходит к антиномически неразрешимому противоречию с эмпирически-всеобщим правилом, с эмпирически-всеобщим в фактах. И когда при этом продолжают пытаться все-таки согласовать всеобщий закон с непосредственно-общим, отвлеченным от фактов, то и получают проблему, «разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга... Это просто попытка представить существующим то, чего нет» 4.

Вопрос об отношении всеобщего и особенного, всеобщего закона и эмпирически очевидной формы его собственного проявления (общего в фактах), *теоретической абстракции* и абстракции *эмпирической* и явился в истории политической экономии одним из тех камней преткновения, через который буржуазная теория перешагнуть так и не смогла.

Факты – упрямая вещь. И здесь факт остается фактом: всеобщий закон (закон стоимости) стоит в отношении взаимоисключающего противоречия с эмпирически-всеобщей формой своего собственного проявления, с законом средней нормы прибыли. Непосредственно одно с другим согласовать нельзя именно потому, что такого

согласия, такого соответствия между ними нет в самой экономической действительности.

Метафизически же мыслящий теоретик, столкнувшись с таким фактом как с неожиданным сюрпризом, с парадоксом, неизбежно толкует его как результат ошибок, [230] допущенных мыслью ранее, в теоретическом выражении фактов. Естественно, что и разрешение этого парадокса он ищет на пути чисто формального анализа теории, на пути «уточнения понятий», «исправления выражений». Постулат, согласно которому предметная реальность не может сама по себе, внутри себя противоречить самой себе, для него высший и непререкаемый закон, в угоду которому он готов принести в жертву все на свете.

Разоблачая полнейшую антинаучность подобных установок, полнейшую несовместимость их с теоретическим подходом к делу, Маркс замечает:

«Противоречие между общим законом и развитыми далее конкретными отношениями должно здесь разрешаться... путем прямого подчинения и непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И это именно должно быть достигнуто путем словесной *фикции*, путем изменения правильных названий вещей. Здесь в действительности получается словопрение, так как реальные противоречия, которые не разрешены реально, должны быть разрешены фразами» 5.

Закон запрещения противоречия в определении торжествует, но зато погибает теория, превращаясь в чистое словопрение, в систему семантических фокусов.

Констатация противоречий в теоретических определениях предмета сама по себе вовсе не составляет «привилегии» сознательной диалектики. Диалектика вовсе не заключается в стремлении нагромождать противоречия, антиномии и парадоксы в теоретических определениях вещей. Это с гораздо большим успехом (правда, вопреки своему намерению) проделывает метафизическое мышление.

Напротив, диалектическое мышление возникает тогда, когда метафизическое мышление окончательно и безвыходно запутывается в противоречиях с самим собой, в противоречиях одних своих выводов с другими.

Стремление избавиться от противоречий в определениях путем «уточнения» названий и выражений есть метафизический способ разрешения противоречий в теории. Как таковой он в итоге приводит не к развитию теории, а к ее разложению. Поскольку же

жизнь заставляет все-таки [231] развивать теорию, то в конце концов всегда оказывается, что попытки построить теорию, в которой не было бы противоречий, приводят к нагромождению новых противоречий, но только еще более нелепых и неразрешимых, нежели те, от которых по видимости избавились.

Так что, повторяем, задача не может состоять в простом доказательстве того факта, что предметная реальность всегда раскрывает себя перед теоретическим мышлением как живое и требующее своего разрешения противоречие, как система противоречий. В XX в. этот факт доказывать уже не приходится, новые примеры тут уже ничего прибавить не могут. Ныне это факт очевиден для самого закоренелого и убежденного метафизика.

Но метафизик наших дней, отправляясь от этого факта, все старания направляет на то, чтобы оправдать этот факт как результат органических недостатков познавательной способности человека, как результат «неотработанности» понятий, определений, относительности, нечеткости терминов, выражений и т.п. С фактом противоречия метафизик ныне примиряется, но лишь как с неизбежным субъективным злом – не более. Он по-прежнему – как и во времена Канта – не может допустить, что в этом факте выражается внутренняя противоречивость самих вещей «в себе», самой объективной предметной реальности. Поэтому-то метафизика в наши дни и стала на службу агностицизму и субъективизму релятивистского характера.

Диалектика исходит из прямо противоположного взгляда. Она базирует свое решение проблемы прежде всего на том, что сам предметный мир, объективная предметная реальность есть живая система, развертывающаяся через возникновение и разрешение своих внутренних противоречий. Диалектический метод, диалектическая логика обязывают не только не бояться противоречий в теоретическом определении объекта, но прямо и непосредственно требуют целенаправленно отыскивать и точно фиксировать эти противоречия. Но не для того, разумеется, чтобы нагромождать горы антиномий и парадоксов в теоретических определениях вещи, а для того, чтобы отыскать их рациональное разрешение.

А рациональное разрешение противоречия в теоретическом определении может состоять только в том, чтобы [232] проследить тот способ, которым они разрешаются движением самой предметной, объективной реальности, движением и развитием мира вещей «в себе».

Вернемся к политической экономии, чтобы посмотреть, как разрешает Маркс все те антиномии, которые, вопреки своему

сознательно философскому намерению, зафиксировала школа Рикардо.

Прежде всего Маркс отказывается от попыток непосредственно и прямо согласовать всеобщий закон (закон стоимости) с эмпирическими формами его собственного обнаружения на поверхности явлений, т.е. с абстрактно-всеобщим выражением фактов, с непосредственно-общим, которое может быть индуктивно усмотрено в фактах.

Такого прямого и непосредственного совпадения того и другого, как показывает Маркс, нет в самой действительности экономического развития. Между всеобщим законом и его собственным эмпирическим обнаружением есть на самом деле отношение взаимоисключающего противоречия. Закон стоимости на самом деле – а вовсе не только и не столько в голове Рикардо – прямо противоречит закону средней нормы прибыли.

И при попытке все же доказать их прямое и непосредственное совпадение «грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» 6.

Поняв в конце концов невозможность это проделать, эмпирик всегда в таком случае сделает вывод о неправильности формулировки всеобщего закона, начнет «исправлять» ее. На этом пути буржуазная наука и выхолостила теоретический смысл рикардianского закона стоимости, утратила, как отмечал Маркс, и самое понятие стоимости.

Эта утрата понятия стоимости происходит так: для того, чтобы согласовать закон стоимости с законом средней нормы прибыли и другими противоречащими ему [233] неопровержимыми явлениями экономической действительности, Мак-Куллох изменяет понятие труда как субстанции стоимости. Вот его определение труда:

«Труд мы можем с полным правом определять как род действия, или операции, безразлично, выполняется ли он людьми, низшими животными, машинами или силами природы, которые стремятся к тому, чтобы вызвать известный результат» 7.

С помощью такого определения труда Мак-Куллох и избавляется от противоречий Рикардо.

«И у других хватило смелости говорить, что жалкий Мак разбил Рикардо наголову... Мак, который теряет само понятие труда!» 8 – квалифицирует это рассуждение Маркс.

А такая «утрата понятия» неизбежна, если хотят построить систему теоретических определений, в которой не было бы противоречий между всеобщим законом и эмпирической формой его собственного обнаружения, проявления.

Принципиально по-иному поступает Маркс. В его системе в теоретических определениях вовсе не исчезают и не ликвидируются те противоречия, которые приводят в ужас метафизика, не знающего иной логики, кроме формальной.

Если взять теоретическое положение из первого тома «Капитала» и непосредственно, лицом к лицу, столкнуть его с теоретическим положением из третьего тома того же «Капитала», то окажется, что между ними по-прежнему сохранилось отношение логического противоречия.

В первом томе, например, показано, что прибавочная стоимость есть исключительный продукт той части капитала, которая затрачена на заработную плату, превратилась в живой труд наемного рабочего, т.е. переменной его части и только ее.

Положение из третьего тома, однако, гласит: «Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала»9. [234]

Противоречие, выявленное уже школой Рикардо, здесь, таким образом, не только не исчезло, но, наоборот, показано как *необходимое* противоречие самой сущности процесса производства прибавочной стоимости. Именно поэтому буржуазные экономисты после опубликования третьего тома «Капитала» с торжеством констатировали, что Маркс не смог разрешить антиномий трудовой теории стоимости, что он не выполнил обещаний, данных в первом томе, и что весь «Капитал» – не более как спекулятивно-диалектический фокус.

Логически-философской подоплекой этих упреков оставалось по-прежнему метафизическое представление, согласно которому всеобщий закон доказывается в фактах только тогда и тем, когда удастся *без противоречия* согласовать его непосредственно с общей эмпирической формой явления, с общим в фактах, открытых непосредственному созерцанию.

Но как раз этого в «Капитале» и нет, и вульгарный экономист вопит, что положения третьего тома опровергают положения первого, поскольку они находятся с ними в отношении взаимоисключающего противоречия. Это положение в глазах эмпирика предстает как свидетельство неистинности закона стоимости, доказательство того, что этот закон есть «чистейшая мистификация», противоречащая действительности и не имеющая с ней ничего общего.

В этом пункте вульгарный эмпиризм буржуазных экономистов нашел поддержку у кантианцев. Например, Конрад Шмидт формально согласен с анализом Маркса, но с той оговоркой, что всеобщий закон стоимости является «в пределах капиталистической формы производства *фикцией, хотя и теоретически необходимой*» 10.

Фикцией, умозрительно-искусственной гипотезой этот закон для кантианцев оказывается опять-таки потому, что он не может быть оправдан через непосредственно общее в эмпирических бесспорных явлениях.

Общее в явлениях – закон средней нормы прибыли – есть как раз нечто прямо противоположное закону стоимости, нечто противоречащее ему взаимоисключающим [235] образом. Поэтому в глазах кантианца он и есть не более, чем искусственно построенная гипотеза, теоретически необходимая фикция, но ни в коем случае не теоретическое выражение объективно-всеобщего закона, которому подчиняются явления.

Конкретное, таким образом, противоречит абстрактному в «Капитале» Маркса, и противоречие это не только не исчезает от того, что между тем и другим установлена целая цепь опосредующих звеньев, но доказывается как необходимое противоречие самой экономической реальности, а не как следствие теоретических недостатков рикардианского понимания закона стоимости.

Логическую природу этого явления можно легко продемонстрировать и на более легком примере, не требующем специальной грамотности в области политической экономии.

При количественно-математической обработке определенных явлений очень часто получается противоречащая себе система уравнений, в которой уравнений больше, чем неизвестных, например:

$$\begin{aligned}x + x &= 2 \\50x + 50x &= 103\end{aligned}$$

Логическое противоречие здесь налицо. Тем не менее эта система уравнений вполне реальна. Реальность его станет очевидной при условии, что под значком x здесь скрывается одна копейка, а сложение копеек происходит не только в голове, и не столько в голове, сколько в сберегательной кассе, начисляющей ежегодно 3 % на вложенную сумму.

В этих конкретных – и вполне реальных – условиях сложение копеек совершенно точно выражается приведенной «противоречивой» системой уравнений. Противоречие здесь является непосредственным выражением того факта, что в реальности всегда подвергаются сложению (вычитанию, делению, возведению в степень и т.д.) не умоэрительно-чистые «количества», а качественно-определенные величины и что чисто количественное прибавление этих величин дает в каком-то пункте качественный скачок, ломающий идеальный количественный процесс, приводит к парадоксу в теоретическом выражении. [236]

Любая наука сталкивается с этим на каждом шагу. Простой пример. Было выяснено, что при понижении температуры газа на 1° его объем уменьшается на $1/273$; в известных пределах поведение газа строго согласуется с этим законом. Однако при очень низких температурах цифры получаются совсем другие. Противоречие между исходным законом и математическим выражением его действия при низкой температуре свидетельствует о том, что где-то появляется новый фактор, вызванный тем же понижением температуры, который корректирует пропорцию, – а вовсе не о «неправильности» противоречащих друг другу цифровых выражений. Наука давно научилась правильно относиться к таким противоречиям. Но нежелание или неумение сознательно применить здесь диалектику приводит к тому, что математика начинает представляться «теоретически необходимой фикцией», чисто искусственным инструментом рассудка.

Современные позитивисты рассуждают о математике, на каждом шагу сталкивающейся с такого же рода парадоксами, совершенно в манере рассуждений Конрада Шмидта о стоимости. «Чистую математику» они оправдывают тоже чисто прагматически, инструменталистски – лишь как искусственно изобретенный способ духовной деятельности субъекта, который почему-то (а почему – неизвестно) приводит к желаемому результату. Основанием такого отношения к математике является опять то реальное обстоятельство, что прямое и непосредственное приложение всеобщих математических формул к реальному количественно-качественному процессу развития явлений, к реальной конкретности, всегда неизбежно ведет к парадоксу, к логическому противоречию в математическом выражении.

Но и в данном случае (как и в политической экономии) данное противоречие вовсе не есть результат неправильностей, допущенных мышлением в процессе теоретического выражения явления. Это есть прямое и непосредственное выражение диалектики самих явлений. Реальное «разрешение» подобного противоречия может состоять только в дальнейшем анализе всех тех конкретных условий и обстоятельств, внутри которых осуществляется явление, в выявлении тех качественных параметров, которые в определенном пункте ломают чисто [237] количественный ряд. Противоречие в данном случае показывает не ложность математического выражения, не ошибочность его, а нечто совсем иное: ложность мнения, согласно которому данное выражение определяет явление исчерпывающим образом.

Уравнение $x + x = 2$, а $50x + 50x = 103$ совершенно точно выражает количественную сторону предположенного нами факта, и кажется нелепым только до тех пор, пока мы не раскрыли конкретное предметное значение неизвестного и не выявили тех конкретных условий, внутри которых происходит сложение этих неизвестных.

Конечно, можно представить себе и такой случай, когда противоречие в уравнении, подобное приведенному, окажется показателем и формой проявления неточностей или неправильностей, допущенных субъектом. Предположим, что реальное значение x объективно, независимо от измеряющего субъекта, от масштаба измерения и от точности измерительного прибора равно, например, 1,0286 и что никакого качественного изменения в результате сложения таких x не происходит. В этом случае логическое противоречие в математическом выражении будет и по происхождению и по предметному значению совсем иным, чем в первом случае. В данном случае оно будет свидетельствовать просто об ошибке или неточности, допущенной при измерении, о недостаточной точности измерительного прибора, о грубости масштаба, и т.д. В данном случае в появлении противоречия виноват субъект и только субъект, который при измерении суммы двух x не смог уловить и выразить разницы между 2 и 2,056, а при измерении суммы ста таких x получил результат, в котором эта разница уже явственно обнаружилась. Здесь логическое противоречие разрешается, естественно, совсем иначе, чем в первом случае.

Однако решить, с каким именно случаем мы столкнулись и на каком пути следует разрешить противоречие, по одной лишь формально-математической структуре уравнения невозможно. В обоих случаях нужен дополнительный конкретный анализ той действительности, в выражении которой появилось противоречие.

Различие диалектики и метафизики в этом пункте состоит вовсе не в том, что метафизика любое противоречие в определениях предмета сразу же объявляет [238] нетерпимым злом, а диалектика любое же противоречие объявляет благом, истиной. Относительно метафизической логики это справедливо. Но диалектика вовсе не заключается в том, чтобы утверждать как раз обратное. Это была бы не диалектика, а та же метафизика с обратным знаком, т.е. софистика.

Диалектика вовсе не отрицает того, что в познании могут появляться и очень часто появляются чисто субъективные противоречия, от которых следует как можно скорее избавляться. Однако решить, с каким именно противоречием мы имеем дело в каждом отдельном случае, нельзя по внешней (формально-математической или словесно-синтаксической) форме уравнения или суждения. Если метафизическая логика в любом случае рассматривает противоречие в определениях как чисто субъективное зло, как результат ошибок и неточностей, допущенных мыслью ранее, то для нее появление противоречия на пути движения мысли становится непреодолимым препятствием. Если на этом пути появилось противоречие, метафизическая логика запрещает развивать мысль дальше, рекомендует вернуться назад и во что бы то ни стало обнаружить в предшествующем рассуждении ошибку, которая привела к противоречию. Пока противоречие не показано как результат ошибки субъекта, мысль не имеет права идти дальше.

Диалектика вовсе не отрицает известной пользы от проверки и перепроверки предшествующего хода размышления, не отрицает и того, что в известных случаях эта проверка покажет встретившееся противоречие как результат ошибки, неточности.

Отрицает диалектика совсем другое, и именно то мнение, будто бы можно выработать такую формулу, которая позволяла бы сразу, минуя всякий анализ знания по его реальному, предметному содержанию, распознать «логические» (т.е. субъективные, из неточности или неряшливости выражения проистекающие) противоречия. Именно такая претензия лежит в основе обеих классических формулировок «запрета противоречия» – как аристотелевской, так и лейбницево-кантовской. Согласно первой, запрету подлежит всякое высказывание, в котором выражено противоречие предмета самому себе «в одно и то же время и в одном и том же отношении». Согласно [239] второй – всякое высказывание (или суждение), которое приписывает понятию противоречащий ему предикат (признак).

Под запрет, выраженный в его аристотелевской редакции, подпадает, как давно выяснено, суждение, выражающее

знаменитый парадокс Зенона относительно летящей стрелы. Именно поэтому все логики, старающиеся придать абсолютный характер запрету в его аристотелевском виде, две тысячи лет пытаются столь же упорно, сколь и безуспешно, изобразить этот парадокс как результат неправильностей в выражении фактов. Они рискуют потратить на это еще две тысячи лет безрезультатных усилий, ибо Зенон высказал в единственно возможной (а потому и единственно «правильной») форме крайне типичный случай диалектического противоречия, заключенного в любом факте перехода, движения, изменения, превращения.

С другой стороны, формула Лейбница – Канта безусловно запретит такое, например, суждение: *идеальное* есть *материальное*, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Это суждение также выражает переход противоположностей друг в друга. Поэтому оно, естественно, определяет субъект через предикат, который непосредственно с ним несоединим. *Идеальное* как таковое непосредственно не есть *материальное*, есть *нематериальное*, как и наоборот.

Всякое высказывание, выражающее самый момент, самый акт перехода (а не *результат* этого перехода только), неизбежно заключает в себе явно или неявно выраженное противоречие, – притом противоречие «в одно и то же время» (а именно во время перехода, в момент перехода) и «в одном и том же отношении» (именно в самом отношении перехода противоположностей друг в друга).

Именно поэтому заранее обречена на провал всякая попытка сформулировать запрет противоречия в виде абсолютно-непререкаемого формального (т.е. безотносительного к конкретному содержанию высказываний) правила. Такое правило либо запретит заодно с «логически-противоречивыми» высказываниями также и все высказывания, выражающие противоречия реального изменения, реального перехода противоположностей, либо заодно со вторыми разрешит и первые. Это совершенно неизбежно, ибо по форме выражения в речи, в высказывании [240] одни от других отличить вообще невозможно. Предметная реальность сплошь и рядом заключает в себе внутреннее противоречие как раз «в одно и то же время и в одном и том же отношении», и высказывание, соответствующее такому положению дел, диалектическая логика расценивает как совершенно правильное, несмотря на все вопли метафизиков.

Таким образом, если противоречие в определениях вещи появилось с необходимостью в результате движения мысли по логике фактов, характеризующих движение, изменение, развитие вещи, переход различных ее моментов друг в друга, – то это – не

«логическое» противоречие, хотя бы оно и обладало всеми формальными признаками такового, а совершенно правильное выражение объективного диалектического противоречия.

В этом случае противоречие оказывается не непроходимым барьером на пути движения исследующей мысли, а, наоборот, трамплином, позволяющим сделать решительный скачок вперед в конкретном исследовании, в процессе дальнейшей переработки эмпирических данных в понятия.

Но этот скачок, характерный для диалектического развития понятий, становится возможным только потому, что в виде такого противоречия перед мышлением всегда вырастает реальная проблема, решение которой осуществляется через дальнейший конкретный анализ конкретных фактов, через отыскание тех реальных опосредующих звеньев, благодаря которым и посредством которых противоречие разрешается в действительности. Так решались всегда действительно серьезные проблемы в науке.

Например, философия диалектического материализма впервые смогла поставить и решить проблему сознания именно потому, что подошла к ней с диалектическим пониманием противоречия. Старый метафизический материализм упирался в данном пункте в явное противоречие. С одной стороны, тезис всякого материализма гласил, что материя (объективная реальность) первична, а сознание есть отражение этой реальности, т.е. вторично. Но если абстрактно взять отдельный изолированный факт целесообразной деятельности человека, то отношение между сознанием и предметностью выглядит как раз обратным. [241] Архитектор сначала строит дом в сознании, а затем приводит объективную реальность (с помощью рук рабочих) к соответствию с разработанным идеальным планом. Если выразить это положение дел в философских категориях, то оно приходит, по видимости, в противоречие с общим тезисом материализма, «логически противоречит» ему. Здесь первично сознание, идеальный план деятельности, а чувственно-предметное воплощение этого плана выступает как нечто вторичное, производное.

Материалисты домарксовской эпохи в философии, как известно, не смогли справиться с этим противоречием. Когда речь шла о теоретическом сознании, они отстаивали точку зрения отражения, тезис о первичности бытия и вторичности сознания. Однако как только речь заходила об активной целенаправленной деятельности человека, метафизический материализм не мог связать концы с концами. Не случайно все материалисты до Маркса были чистейшими идеалистами в понимании истории общества. Здесь ими принимался прямо противоположный исходный принцип

объяснения, никак с принципом отражения не связанный. В теориях французских просветителей мирно соседствовали два непримиренных антиномичных принципа объяснения человеческого познания и деятельности.

Маркс и Энгельс показали, что метафизический материализм постоянно впадал в это противоречие потому, что не видел реального опосредующего звена между объективной реальностью и сознанием, – не понимал роли практики. Отыскав это опосредующее звено между вещью и сознанием, диалектический материализм и решил проблему конкретно, объяснил самую активность субъекта из одного всеобщего принципа, чем и провел принцип материализма полностью в понимание истории. Противоречие тем самым было снято, конкретно разрешено, объяснено в необходимости его появления.

Метафизический материализм это противоречие устранял путем абстрактного сведения определений сознания к определениям материи. Но такое «разрешение» оставляло реальную проблему нетронутой. Факты, которые прямо и абстрактно не подводились под тезис о первичности материи (факты сознательной активной деятельности человека), этим, разумеется, не устранялись из [242] действительности. Они устранялись лишь из сознания материалиста. В итоге материализм не мог окончательно справиться с идеализмом даже внутри своей теории.

Метафизический материализм поэтому и не устранял ту реальную почву, на которой вновь и вновь возникали идеалистические концепции относительно взаимоотношения материи и духа.

Лишь диалектический материализм Маркса – Энгельса – Ленина смог разрешить это противоречие, сохранив исходный тезис всякого материализма, но проводя этот тезис конкретно в понимании процесса рождения сознания из активной практической чувственной деятельности, изменяющей вещи.

Противоречие тем самым было не устранено, не объявлено ложным и выдуманным, а показано как необходимое выражение реального факта в его возникновении. Тем самым идеализм был выбит из самого прочного его убежища – спекуляции на фактах, касающихся активности субъекта в практике и в познании.

Таков и вообще способ разрешения теоретических противоречий в диалектике. Они не отрицаются, не устраняются, а конкретно разрешаются внутри нового, более глубокого понимания этих фактов, в прослеживании всей цепи опосредующих звеньев, которая замыкает взаимоисключающие абстрактные положения.

Метафизик всегда старается выбрать между двумя абстрактными тезисами один, так и оставляя его абстрактным, – в этом и заключается смысл формулы «или – или».

Диалектика же, обязывая мыслить по формуле «и – и», вовсе не ориентирует мышление на эклектическое примирение двух взаимоисключающих тезисов, как это в полемическом задоре часто стараются изобразить метафизики. Она ориентирует на более конкретное исследование фактов, в выражении которых появилось противоречие. В этом конкретном исследовании фактов, в прослеживании всей цепи опосредующих звеньев между реально противоречащими друг другу сторонами действительности диалектика и ищет разрешения противоречия.

При этом каждый из тезисов, ранее абстрактных, превращается в момент конкретного понимания фактов и объясняется как одностороннее выражение реальной противоречивой конкретности предмета, и притом [243] конкретности в ее развитии. В развитии же всегда и везде в определенном пункте появляется новая реальность, которая хотя и развита на основе ей предшествующих форм, но тем не менее отрицает эти предшествующие формы, обладает характеристиками, противоречащими характеристикам менее развитой реальности. [244]

1 *Маркс К. Теории прибавочной стоимости, т. III. Партиздат, 1936, с. 63.*

2 *Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Госполитиздат, 1954, ч. II, с. 168.*

3 Там же, с. 185.

4 *Маркс К. Теории прибавочной стоимости, т. II, с. 65-66.*

5 Там же, с. 66.

6 *Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. I, с. 57.*

7 *Маркс К. Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 140.*

8 Там же, с. 142.

9 *Маркс К. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1955, с. 40 (курсив наш – Э.И.).*

10 См. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. II, с. 495 (курсив наш. – Э.И.).*

Противоречие как принцип развития теории

Проанализируем далее принципиальное отличие процесса вывода (дедукции) категорий в «Капитале» от формально-логической дедукции, т.е. конкретное существо способа восхождения от абстрактного к конкретному.

Мы установили, что понятие стоимости у Рикардо, т.е. всеобщая категория системы науки, есть абстракция, которая не только неполна, но и формальна, в силу чего и неверна. Понимая стоимость как понятие, выражающее то абстрактно-общее, чем обладает каждая из развитых категорий, каждое из конкретных явлений, им обнимаемых, Рикардо и не исследует стоимость специально, в строжайшем отвлечении от всех остальных категорий.

Таким образом уже здесь – в теоретических определениях исходной всеобщей категории и в способах ее определения – содержится, как в зародыше, вся разница между дедукцией категорий у метафизика Рикардо и способом восхождения от абстрактного к конкретному у диалектика Маркса.

Маркс вполне сознательно образует теоретические определения стоимости детальнейшим конкретным анализом простого товарного обмена, оставляя в стороне, как не имеющее отношения к делу, все остальное богатство развитых на его основе явлений и выражающих эти явления категорий. Это и есть, с одной стороны, действительно полная, а с другой стороны, действительно содержательная, а не формальная («родовая») абстракция. И только при таком понимании, предполагающем конкретно-исторический подход к вещам, становится возможным специальный анализ формы стоимости, специальное исследование конкретного содержания всеобщей категории – анализ стоимости не как понятия, а как *конкретной чувственно-данной реальности*, [244] *как простейшей экономической конкретности*.

Стоимость анализируется не как умственное отвлечение общего, а как вполне специфическая экономическая *реальность* фактически находящаяся перед глазами и поэтому могущая быть специально исследованной, как реальность, обладающая своим собственным конкретно-историческим содержанием, теоретическое раскрытие которого и совпадает с выработкой определений *понятия* стоимости.

Маркс показывает, что реальным содержанием формы стоимости является не просто абстрактно-количественное тождество порций труда, как думал Рикардо, а диалектически-противоречивое *тождество противоположностей* относительной и эквивалентной форм выражения стоимости каждого из вступающих в отношение обмена товаров. Именно в раскрытии *внутреннего противоречия* простой товарной формы и заключается тот пункт, по которому

диалектика Маркса противостоит метафизическому способу мышления Рикардо.

Содержание всеобщей категории, конкретного понятия стоимости у Маркса вырабатывается, иными словами, не на основе принципа абстрактного тождества, а на основе диалектического принципа тождества взаимопредполагающих полюсов, взаимоисключающих определений.

Это значит, что содержание категории стоимости раскрывается через выявление внутренних противоречий простой формы стоимости, осуществляющейся в виде обмена товара на товар. Товар предстает в изображении Маркса как живое противоречие реальности, обозначаемой этим термином, как живой неразрешенный антагонизм внутри этой реальности. Товар содержит противоречие внутри себя, в себе самом, в своих имманентных экономических определениях.

Заметим, что внутренней раздвоенностью на взаимоисключающие и одновременно взаимопредполагающие моменты обладает, как показывает Маркс, *каждый* из двух сталкивающихся в акте обмена товаров.

Каждый из них заключает в себе экономическую форму стоимости, как свою имманентную экономическую определенность. В обмене – в акте замещения одного товара другим – эта внутренняя экономическая [245] определенность каждого из товаров *только проявляется, только выражается* и ни в коем случае *не создается*. Это – центральный пункт, от понимания которого зависит не только проблема стоимости, но и логическая проблема конкретного понятия как единства взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих определений.

В явлении реального обмена дана следующая картина: один товар замещается в руках товаровладельца другим, и замещение это – взаимное. Замещение может совершиться только в том случае, если оба взаимозамещающих товара приравниваются друг другу как стоимости. Вопрос поэтому встает так: что такое стоимость?

Что это за экономическая реальность, природу которой выявляет обмен? Как ее выразить в понятии? Фактически совершающийся обмен показывает, что каждый из товаров представляет собой по отношению к своему владельцу лишь меновую стоимость, а никак не потребительную. В руках другого владельца каждый из участников обмена, напротив, видит только потребительную стоимость, т.е. вещь, могущую удовлетворить его потребность. Поэтому он и стремится ею овладеть. И это отношение абсолютно одинаково с обеих сторон.

С точки зрения одного товаровладельца каждый из товаров выступает в различной, и именно в прямо противоположной форме: принадлежащий ему товар (холст) есть *только меновая* стоимость и ни в коем случае не потребительная – иначе он не стал бы ее отчуждать, менять. Другой же товар (сюртук) для него, по отношению к нему есть, напротив, *только потребительная* стоимость, *только эквивалент* его собственного товара.

Во взаимозамещении меновой и потребительной стоимостей, относительной и эквивалентной форм, и заключается смысл реального обмена.

Это взаимозамещение, взаимопревращение полярных, исключающих друг друга, противоположных экономических форм продукта труда есть самое что ни на есть фактическое превращение, происходящее вне головы теоретика и совершенно независимо от нее.

В этом взаимопревращении противоположностей и реализуется и осуществляется *стоимость*. Обмен предстает как та единственно возможная форма, в которой [246] проявляется, выражается в явлении, стоимостная природа *каждого из товаров*.

Фактически ясно, что *проявиться, обнаружиться* эта таинственная природа может только через взаимопревращение противоположностей меновой и потребительной стоимостей, через взаимозамещение относительной и эквивалентной форм. Иными словами, только тем путем, что один товар (холст) выступает как меновая стоимость, а другой (сюртук) – как потребительная, один принимает на себя относительную форму выражения стоимости, а другой – противоположную, эквивалентную. Обе эти формы совместиться в одном товаре не могут, иначе исчезает всякая необходимость в обмене. Отчуждают путем обмена только то, что не представляет собой непосредственно потребительной стоимости, а является только меновой.

Это фактическое положение дел Маркс и фиксирует теоретически: «Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга» 1.

Метафизик, несомненно, обрадуется, прочитав это положение. Два взаимоисключающих определения не могут совместиться реально в одном товаре! Товар может находиться только в одной из взаимоисключающих экономических форм, но ни в коем случае не в обеих одновременно!

Значит, диалектик Маркс отрицает возможность совмещения полярных определений в *понятии*? На первый взгляд действительно может показаться так.

Но ближайший же анализ движения мысли Маркса показывает, что дело обстоит не так просто. Дело в том, что приведенный отрывок венчает собой анализ эмпирической формы обнаружения стоимости и лишь подводит к проблеме стоимости как имманентного содержания каждого из товаров. Выработка понятия, выражающего это последнее, еще впереди. Мышление, фиксирующее пока лишь форму эмпирического обнаружения стоимости, а не внутреннее содержание этой категории, и констатирует тот факт, что каждый из товаров может принимать [247] в этом проявлении стоимости только одну из ее полярных форм, а не обе одновременно.

Но та форма, которую принимает каждый из столкнувшихся товаров, *и не есть стоимость*, а только абстрактно одностороннее *обнаружение* последней. *Стоимость же сама по себе*, понятие о которой только предстоит выразить, есть нечто третье, не совпадающее ни с одной из своих полярных форм, взятых порознь, ни с их механическим сочетанием.

Ближайшее рассмотрение обмена показывает, что зафиксированная выше «невозможность» совпадения в одном товаре двух полярных, взаимоисключающих экономических характеристик есть не что иное, как необходимая *форма обнаружения* стоимости на поверхности явлений.

«Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т.е. через отношение двух товаров, в котором один товар – тот, стоимость *которого* выражается, – непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар – тот, в *котором* стоимость выражается, – непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости» 2.

Поскольку же речь заходит уже не о внешней форме обнаружения стоимости, а о ней самой как об объективной экономической реальности, скрывающейся в каждом из сталкивающихся в обмене товаров и составляющей скрытую, внутреннюю природу каждого из них, постольку дело выглядит иначе.

Принцип, запрещающий непосредственное совпадение взаимоисключающих форм существования в одной и той же вещи в

одно и то же время (а следовательно, и в теоретическом выражении этой вещи), оказывается соблюденным там, где речь идет о внешней эмпирической форме проявления исследуемой реальности, – в данном случае стоимости, – но прямо отрицается там, где речь идет о [248] внутреннем содержании этой реальности, о теоретических определениях стоимости как таковой.

Внутренняя природа стоимости теоретически выражается лишь в *понятии* стоимости. И отличительной чертой марксовского *понятия* стоимости выступает как раз то, что оно раскрывается через тождество взаимоисключающих теоретических определений.

В *понятии* стоимости выражается не внешнее отношение одного товара к другому товару (здесь внутреннее противоречие непосредственно не выступает, а расщеплено на противоречия «в разных отношениях»: «в одном отношении» – к своему владельцу – товар выступает только как меновая стоимость, а в «другом отношении» – к владельцу другого товара – только как потребительная, хотя объективно здесь не два отношения, а одно), но внутреннее отношение товарной формы. Иными словами, товар здесь рассматривается уже *не в отношении к другому товару, а в отношении «к самому себе», рефлексированном через отношение к другому товару.*

В этом пункте заключена тайна марксовской диалектики, и без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики «Капитала», невозможно ничего понять ни в «Капитале», ни в его логике.

В отношении к другому товару лишь проявляется, лишь выражается («рефлектируется») внутренняя сущность каждого из товаров – стоимость. И эта стоимость – объективная экономическая реальность – в обмене не создается, не рождается, а только проявляется, односторонне отражаясь в другом товаре, как в зеркале, которое способно отразить лишь ту сторону, которая обращена к нему. Так и настоящее зеркало отражает только лицо человека, хотя у него есть и затылок.

Будучи «рефлексированной вовне», стоимость и выступает в виде внешних, не совмещающихся в одном товаре противоположностей – меновой и потребительной стоимостей, относительной и эквивалентной форм выражения.

Но при этом каждый из товаров, поскольку он представляет собой стоимость, есть непосредственное *единство* взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих экономических форм. В явлении же (в акте обмена) и в его теоретическом выражении эта [249] конкретная двойственная

экономическая природа всегда и везде выступает как бы распавшейся на два своих абстрактных, противостоящих друг другу момента, каждый из которых взаимно исключает другой и одновременно предполагает его в качестве необходимого условия своего существования, условия, находящегося не в нем самом, а вне его.

В *понятии* стоимости эти абстрактно противостоящие в явлении противоположности вновь объединяются, но объединяются не механически, а именно так, как они объединены в самой экономической реальности товара – в виде живых взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих экономических форм существования *каждого* товара, его имманентного содержания – стоимости.

Иными словами, в *понятии* стоимости фиксируется «внутреннее беспокойство» товарной формы, внутренний стимул ее движения, ее саморазвития – внутренне присущее товару до всякого обмена, вне всякого отношения к другому товару экономическое содержание.

Исходя из выявленного понятия стоимости как живого, диалектически противоречивого совпадения противоположностей внутри каждого отдельного товара, Маркс уверенно и отчетливо вскрывает далее эволюцию простой товарной формы в денежную, процесс порождения денег движением простого товарного рынка.

В чем тут дело, в чем видит Маркс необходимость перехода от простого, прямого, безденежного обмена товара на товар к обмену, опосредованному деньгами?

Необходимость этого перехода выводится прямо и непосредственно из невозможности разрешить противоречие простой формы стоимости, оставаясь в пределах этой простой формы.

Дело в том, что каждый из товаров, вступающих между собой в меновое отношение, представляет живую антиномию. Товар А может находиться только в одной форме стоимости и не может одновременно находиться в обеих. Но если обмен совершается в действительности, то это значит, что каждый из двух товаров взаимно полагает в другом ту самую форму, в которой тот находится не может потому, что он уже находится в противоположной. Ведь другой товаровладелец вынес свой товар на рынок вовсе не для того, чтобы кто-то мог измерять в нем стоимость своего товара. Он сам должен и хочет измерять в другом товаре стоимость своего, т.е. полагать противостоящий ему товар

как эквивалент. Но тот не может быть эквивалентом потому, что уже находится в относительной форме.

И такое отношение абсолютно одинаково с обеих сторон. Владелец холста рассматривает товар – сюртук – только как эквивалент, а свой товар – как только относительную форму. Но владелец сюртука мыслит как раз наоборот: для него холст – эквивалент, а сюртук – только меновая стоимость, только относительная форма. И если обмен все-таки совершается, то это значит (если выразить факт обмена теоретически), что оба товара взаимно *измеряют свою стоимость* и столь же взаимно служат материалом, в котором стоимость измеряется. Иными словами, и сюртук и холст взаимно полагают друг друга в ту самую форму выражения стоимости, в которой они не могут находиться именно потому, что уже находятся в другой.

Холст измеряет свою стоимость в сюртуке (т.е. делает его эквивалентом), а сюртук измеряет свою стоимость в холсте (т.е. делает его эквивалентом). Но ведь и холст и сюртук уже находятся в относительной форме стоимости, оба измеряют свою стоимость в другом и, следовательно, не могут принять на себя форму эквивалента. Но если обмен реально произошел, то это значит, что оба товара взаимно измерили свою стоимость друг в друге, взаимно признали друг друга эквивалентными стоимостями, несмотря на то, что оба уже находились до этого в относительной форме, которая исключает возможность находиться в противоположной, в эквивалентной. Таким образом, реальный обмен и есть реальное, фактически совершающееся совпадение двух полярно исключающих форм выражения стоимости в каждом из товаров.

Но этого же не может быть, скажет метафизик, как же так – выходит Маркс противоречит сам себе? То говорит, что товар не может находиться в обеих полярных формах стоимости, то говорит, что в реальном обмене он вынужден находиться сразу в обеих?

Это не только может быть, но и реально происходит, отвечает Маркс. Это и есть теоретическое выражение того [251] факта, что прямой товарный обмен не может служить такой формой общественного обмена веществ, в которой он мог бы совершаться гладко, без трений, без препятствий, без конфликтов и противоречий. Это есть не что иное, как теоретическое выражение реальной невозможности, в которую упирается само движение товарного рынка, – невозможности обеспечить точное установление пропорций которых затрачивается общественно-необходимый труд в разных отраслях общественно-разделенного труда, связанных между собой только товарным рынком, т.е. точное выражение стоимости.

Прямой обмен товара на товар оказывается неспособным выразить общественно-необходимую меру затраты труда в различных сферах общественного производства (стоимость). Поэтому антиномия стоимости в пределах простой товарной формы так и остается неразрешенной и неразрешимой. Здесь товар *и должен – и не может* находиться в обеих взаимоисключающих экономических формах. Иначе обмен *по стоимости* невозможен. Но он никак не может одновременно находиться в обеих формах. Антиномия безвыходная, неразрешимая в пределах простой формы стоимости.

И весь диалектический гений Маркса проявился как раз в том, что он ее понял и выразил как таковую.

Но – поскольку обмен по стоимости должен все-таки как-то совершаться – постольку антиномия стоимости должна так или иначе находить свое реальное относительное разрешение.

И это разрешение находит само движение простого товарного рынка, порождая деньги, денежную форму выражения стоимости. Деньги в анализа Маркса и предстают как та естественная форма, в которой само движение рынка находит средство разрешения противоречия простой формы стоимости, прямого обмена одного товара на другой товар.

В этом пункте очень прозрачно выступает принципиальное отличие диалектико-материалистического способа разрешать противоречия от всех тех способов, которые известны метафизическому мышлению.

Как поступает метафизик в том случае, если в теоретическом выражении определенной реальности появилось противоречие в определении? Он всегда постарается [252] разрешить его на пути «уточнения понятий», более строгого ограничения терминов и т.д., всегда постарается истолковать его не как внутреннее противоречие, а как внешнее, как противоречие в разных отношениях, с которым метафизика прекрасно мирится. Иными словами, – на пути изменения выражения той же самой реальности, в которой обнаружилось противоречие.

Совершенно по-иному поступает в подобном случае Маркс. Он исходит из того, что в пределах простой формы стоимости установленная антиномия в определениях не разрешена и не может быть разрешена *объективно*. Поэтому нечего искать ее разрешения в рассматривании все той же простой формы стоимости. В пределах прямого обмена товара на товар эта антиномия неразрешима ни объективно (т.е. движением самого товарного рынка), ни субъективно (т.е. в теории). Поэтому нужно искать ее разрешения

не на пути дальнейшего рефлексирования по поводу все той же простой формы стоимости, а на пути прослеживания той объективной стихийной необходимости, с которой сам товарный рынок находит, создает, вырабатывает реальное средство ее относительного разрешения. Таким образом, диалектико-материалистический способ разрешения противоречия в теоретических определениях заключается в прослеживании того процесса, которым само движение реальности разрешает его в новую форму выражения. Если выразить это с объективной стороны, то дело сводится к тому, чтобы посредством анализа новых эмпирических материалов проследить процесс порождения реальности, внутри которой противоречие, выявленное ранее, находит свое относительное разрешение в новой объективной форме своего осуществления.

Так Маркс и поступает в анализе денег. Деньги предстают как тот естественно возникающий способ, с помощью которого начинает совершаться взаимопревращение потребительной стоимости в меновую стоимость и обратно.

Если до появления денег каждый из сталкивающихся в обмене товаров вынужден был одновременно, внутри одного и того же единичного отношения совершать обе взаимоисключающих метаморфозы – из формы потребительной стоимости превращаться в форму меновой стоимости и в тот же самый момент, внутри того же акта [253] совершать обратное превращение, – то теперь это выглядит по-иному. Теперь это двойное превращение осуществляется уже не в форме непосредственного совпадения обеих взаимоисключающих форм, а опосредованно – через превращение в деньги, во всеобщий эквивалент.

Превращение потребительной стоимости в стоимость уже не совпадает непосредственно с противоположным превращением – с превращением стоимости в потребительную стоимость. Обмен товара на товар распадается на два различных, уже не совпадающих в одной точке пространства и времени, противоположных акта превращения. Товар превращается в деньги, а не в другой товар. Потребительная стоимость превращается в меновую – и только, а где-то в другой точке рынка, может быть в другое время, деньги превращаются в товар, стоимость превращается в потребительную стоимость, замещается ею. Совпадение двух полярно направленных превращений теперь в самой реальности обмена распадается на два разных уже не совпадающих ни по времени, ни по месту превращения – на акт продажи (превращение потребительной стоимости в стоимость) и на акт покупки (превращение стоимости в потребительную стоимость).

Деньги полностью монополизировали экономическую форму эквивалента, становятся чистым воплощением стоимости как таковой, а на долю всех других товаров остается только форма относительной стоимости. Они противостоят деньгам лишь как потребительные стоимости.

Антиномия в теоретическом выражении товарного обмена как будто оказалась разрешенной: противоречие (как непосредственное совпадение двух полярно исключающих противоположностей экономической формы) теперь предстало как бы расщепленным между двумя разными вещами – между товаром и деньгами.

Но на самом деле противоречие стоимости с появлением денежной формы стоимости вовсе не испарилось, вовсе не исчезло, а лишь приняло новую форму своего выражения. Оно по-прежнему – хотя и неочевидным образом – остается *внутренним* противоречием, пронизывающим и деньги, и товар, а следовательно, и их теоретические определения.

В самом деле: товар, противостоящий деньгам, стал, как будто, только потребительной стоимостью, а деньги – [254] чистым выражением меновой стоимости. Но ведь, с другой стороны, каждый товар в отношении к деньгам выступает только как меновая стоимость. Он ведь и продается за деньги именно потому, что он не представляет собой потребительной стоимости для своего владельца. А деньги играют роль эквивалента именно потому, что они по-прежнему противостоят любому товару как всеобщий образ потребительной стоимости. Весь смысл эквивалентной формы и заключается в том, что она выражает меновую стоимость другого товара как *потребительная* стоимость.

Первоначально выявленная антиномия простого товарного обмена сохранилась, таким образом, и в деньгах, и в товаре, она по-прежнему составляет простую сущность и того и другого, хотя на поверхности явлений эта внутренняя противоречивость и денежной и товарной формы оказалась погашенной.

«Мы видели, – говорит Маркс, – что процесс обмена товаров включает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» 3.

Маркс от *внешнего* противоречия потребительной и меновой стоимости переходит к выявлению *внутреннего* противоречия, заключенного непосредственно в *каждом* из двух товаров. Для него как раз тот факт, что противоречие предстает вначале как противоречие в разных отношениях (в отношении к одному товаровладельцу – меновая, а в отношении к другому – потребительная стоимость) есть показатель абстрактности, недостаточной полноты и конкретности знания. Конкретность же знания заключается в понимании этого внешнего противоречия как *поверхностного* способа обнаружения чего-то иного. И этим «иным» оказывается *внутреннее* противоречие, совпадение взаимоисключающих теоретических определений в конкретном понятии стоимости. [255]

Пояснить его значение можно, например, сопоставляя анализ стоимости у Маркса и рассуждения о стоимости у английского эмпирика Бэли.

Последний, принимающий внешнюю форму обнаружения стоимости в обмене за ее единственную подлинную экономическую реальность и считающий все разговоры о стоимости как таковой абстрактно-диалектической схоластикой, заявляет: «Стоимость не есть нечто внутренне свойственное и абсолютное». Обосновывает он это заявление тем, что «невозможно обозначить или выразить стоимость товара иначе, как количеством другого товара». «Так же невозможно, как невозможно обозначить или выразить ход мыслей иначе, как рядом слогов, – отвечает ему Маркс. – Отсюда Бэли заключит, что мысль есть не что иное, как – слоги» 4.

Бэли в данном случае старался представить стоимость как отношение одного товара к другому, как внешнюю форму вещи, положенную ее отношением к другой вещи, тогда как и Рикардо и Маркс пытались найти выражение стоимости как *внутреннего содержания* каждой обмениваемой, каждой вступающей в отношение обмена вещи. В виде *отношения* одной вещи к другой только проявляется – и ни в коем случае не создается – ее собственная, имманентно ей присущая стоимость.

Бэли, будучи эмпириком, старается представить внутреннее отношение вещи в себе самой как внешнее отношение вещи к другой вещи.

Рикардо и Маркс – и в этом состоит *теоретический* характер их подхода – стараются через отношение одной вещи к другой разглядеть *внутреннее* отношение вещи к самой себе, – стоимость как сущность товара, лишь проявляющуюся в обмене через внешнее отношение этого товара к другому.

Метафизик всегда старается «свести» внутреннее противоречие вещи к внешнему противоречию этой вещи другой вещи, к противоречию в разных отношениях, т.е. к такой форме выражения, в которой указанное противоречие устраняется из понятия о вещи, Маркс же – как раз наоборот – всегда старается увидеть во внешнем противоречии только поверхностное обнаружение [256] внутреннего противоречия, имманентно свойственного каждой вещи, сталкивающейся с другой в отношении внешнего противоречия. В этом проявляется различие между подлинно теоретическим подходом и эмпирическим описыванием явлений.

Диалектика и заключается в умении разглядеть внутреннее противоречие вещи, стимул ее саморазвития там, где метафизик видит лишь внешнее противоречие как результат более или менее случайного столкновения двух внутренне непротиворечивых вещей.

Диалектика в данном случае обязывает истолковать внешнее противоречие двух вещей как взаимно необходимое проявление внутреннего противоречия каждой из них. Внешнее противоречие предстает как опосредованное через отношение к другому, как рефлексированное через другое внутреннее тождество взаимоисключающих моментов, внутренне противоречивое отношение вещи к себе самой, т.е. как противоречие в одном отношении и в один и тот же момент. Маркс идет от внешнего проявления противоречия к выяснению внутренней основы этого противоречия, идет *от явления к сущности* этого противоречия, в то время как метафизик всегда старается поступать наоборот и опровергает теоретическое выражение сущности вещи с позиций внешней видимости, которую он считает единственной реальностью.

Так поступал Бэли в приведенном нами рассуждении. Так поступает и метафизик, всегда старающийся представить истину противоречия в истолковании его как противоречия в разных отношениях. И это всегда ведет к умерщвлению элементарно теоретического подхода к вещам.

У Маркса стоимость рассматривается не как отношение товара к другому товару, а как отношение товара к себе самому, и здесь-то она и предстает как живое, неразрешенное и неразрешимое внутреннее противоречие. Это противоречие не разрешается от того, что на поверхности явлений оно выступает как противоречие в двух разных отношениях, как два разных превращения – как покупка и продажа. Весь смысл анализа Маркса и состоит в том, чтобы показать, что противоречие стоимости принципиально неразрешимо в пределах простого товарного обмена, что стоимость неизбежно предстает здесь как живая антиномия в себе самой,

сколько ни уточняй [257] понятия, сколько ни рассматривай ее, сколько ни рефлектируй по ее поводу.

Товар как воплощение стоимости и не может одновременно находиться в обеих взаимоисключающих формах стоимости и реально находится одновременно в обеих формах в том случае, если обмен по стоимости все-таки совершается.

В этой теоретической антиномии выражено не что иное, как реальная невозможность, с которой сталкивается каждый миг движение простого товарного рынка. А невозможность есть невозможность. Она не исчезнет от того, что ее в теории изобразят как возможность, как нечто непротиворечивое.

Реальный рынок своим движением оставляет позади форму непосредственного обмена товара на товар. Маркс, рассматривая обширные эмпирические данные, выражающие это движение, переходит к теоретическому анализу тех более сложных форм, при помощи которых рынок осуществляет и одновременно разрешает данное противоречие. В этом и заключается необходимость перехода к деньгам.

Если на дело взглянуть с философской точки зрения, то станет ясно, что в этом выражается *материализм* марксовского способа разрешения противоречий в теоретическом выражении объективной реальности. При указанном способе противоречие разрешается не путем устранения его из теории. Наоборот, этот способ исходит из того, что противоречие в самом объекте не может быть разрешено и не разрешается иначе, как в процессе развития той реальности, которая им чревата, – в другую, более высокую и развитую реальность.

Антиномия стоимости находит свое относительное разрешение в деньгах. Но деньги опять-таки не устраняют антиномии стоимости, а лишь создают форму, в которой эта антиномия по-прежнему осуществляется и выражается. Такой способ теоретического изображения реального процесса и есть единственно адекватная логическая форма, при помощи которой может быть теоретически выражено диалектическое развитие объекта – *его саморазвитие через противоречия*.

Материалистический характер того способа, которым Маркс «разрешал» теоретические противоречия в [258] определении предмета, прекрасно объяснил Энгельс в своих комментариях:

«При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют

разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, когда-либо совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое решение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения и что теперь нам надо развивать две противоположные стороны этого нового отношения и т.д.» 5.

Именно объективная невозможность разрешить противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения его продукта посредством прямого, безденежного обмена товара на товар и выражается теоретически в виде антиномии, в виде неразрешимого противоречия простой формы стоимости, в виде неразрешимого противоречия ее теоретических определений. Именно поэтому Маркс и не пытался избавиться от противоречия в определении стоимости. Стоимость так и остается антиномией, неразрешенным и неразрешимым противоречием, непосредственным совпадением полярно исключающих теоретических определений. Единственный реальный способ ее разрешения – это социалистическая революция, упраздняющая частный характер присвоения продукта общественного труда, присвоения, совершающегося через товарный рынок.

Объективная невозможность разрешить противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения его продуктов при необходимости ежедневно и ежечасно осуществлять общественный обмен веществ через товарный рынок вынуждает изыскивать естественные способы и средства, с помощью которых это можно сделать. Именно это приводит в конце концов к рождению денег. [259]

Как в реальном движении товарного рынка деньги рождаются в качестве естественного средства разрешения противоречий прямого товарного обмена, так и теоретические определения денег в «Капитале» вырабатываются в качестве средств разрешения противоречия в определении стоимости. Здесь перед нами выступает важнейший момент диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному у Маркса, диалектико-материалистической дедукции категорий. Движущим стимулом теоретического развития, движущей пружиной развертывания системы теоретических определений вещи оказывается *внутреннее противоречие* теории. И таковым оно является именно потому и тогда, когда оно *непосредственно* отражает внутреннее противоречие предмета, составляющее внутренний стимул его развертывания, его усложнения, развития форм его существования. И, естественно, что теоретическому выражению этого стимула в понятии предшествует большая и кропотливая работа по подбору и

анализу тех эмпирических данных, которые характеризуют развитие этих форм.

С этой точки зрения, вся логическая структура «Капитала» предстает с новой, принципиально интересной стороны: все движение теоретической мысли в «Капитале» оказывается как бы замкнутым между двумя первоначально выявленными полюсами выражения стоимости.

Уже первая конкретная категория, следующая за стоимостью, – деньги – предстает как реальный способ взаимопревращения полюсов выражения стоимости, как та метаморфоза, через которую оказываются вынужденными проходить два тяготеющих друг к другу – и одновременно взаимоисключающих друг друга – полюса стоимости в процессе их взаимного превращения.

И это объективно ориентирует мышление, когда оно оказывается перед задачей выявить всеобщие и необходимые теоретические определения денег: при рассмотрении всей совокупности эмпирических, конкретно-чувственных данных выделяются и фиксируются только те характеристики, которые с необходимостью полагаются процессом превращения стоимости в потребительную стоимость и обратно, и оставляются в стороне все те эмпирические особенности денежной формы, которые из [260] процесса этого взаимопревращения с необходимостью не вытекают, не выводятся.

Здесь обнаруживается принципиальное различие диалектико-материалистической дедукции категорий и абстрактно-рассудочной дедукции.

Последняя имеет своим основанием абстрактно-общее, родовое понятие. Под него подводится особенное явление, и в его рассмотрении затем прочитываются признаки, составляющие отличительные особенности данного вида. В итоге получается видимость вывода. Например, под абстракцию «лошадь вообще» подводится порода «орловский рысак». В определение этой особой породы вводятся такие ее признаки, которые позволяют отличить орловского рысака от любой другой породы лошадей. Но совершенно ясно, что в абстракции «лошадь вообще» специфические признаки «орловского рысака» вовсе не заключены, и поэтому никак выведенными из него быть не могут. Они пристегиваются к определениям «лошади вообще» чисто механически. А благодаря этому формальная дедукция и не дает никакой гарантии на тот счет, что эти специфические отличия прочитаны правильно, что они с необходимостью принадлежат рассматриваемой породе. Очень может быть, что эти специфические отличия орловского

рысака усмотрены в том, что ему одинаково обще с рысаком из штата Оклахома.

То же самое, как мы видели, получается у Рикардо с его теоретическими определениями денег. Из стоимости в его понимании специфические отличия денежной формы никак не выводятся, не дедуцируются. Он поэтому и не в состоянии отличить действительно необходимые экономические характеристики денег как таковых от тех их свойств, которые эмпирически наблюдаемым деньгам принадлежат благодаря тому, что в них воплощается движение капитала. Поэтому он сплошь и рядом за специфические определения денег принимает характеристики совсем иного явления – процесса обращения капиталов.

Совсем иное получилось у Маркса. То обстоятельство, что стоимость в его теории была понята в движении противоположностей, что теоретическое определение «стоимости вообще» содержит в себе противоречие, позволило ему прочесть в эмпирически наблюдаемых явлениях денежного обращения *именно те и только те* признаки, [261] которые с необходимостью принадлежат деньгам как деньгам и притом *исчерпывающим* образом определяют деньги как специфическую форму движения стоимости.

В теоретическое определение денег у Маркса входят лишь те признаки денежного обращения, которые с необходимостью выводятся из противоречий стоимости, с необходимостью порождаются движением простого товарного обмена.

Это и называется у Маркса *дедукцией*. Нетрудно теперь констатировать, что *такая* дедукция становится возможной только в том случае, если в качестве ее большой посылки лежит не абстрактно-общее понятие, а *конкретно-всеобщее*, понимаемое как единство, тождество взаимопревращающихся противоположностей, как понятие, отражающее реальное противоречие предмета.

При этом необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что в основании этой теоретической дедукции лежит детальнейшее и всестороннее рассмотрение системы эмпирических фактов и явлений, которые составляют экономическую реальность, являющуюся объектом теории.

На этом пути только и могли быть получены действительно полные, и притом не формальные, а *содержательные* абстракции, раскрывающие специфическое существо денежной формы. Маркс и получил теоретические определения денег, «рассматривая процесс *абстрактно*, т.е. *оставляя в стороне обстоятельства, которые*

не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения...» 6.

Обстоятельства, вытекающие из имманентных законов простого товарного обращения, суть именно продукты внутреннего противоречия стоимости как таковой, простой формы стоимости.

Диалектика абстрактного и конкретного здесь проявляется самым очевидным и наглядным образом: как раз потому, что деньги рассматриваются абстрактно, получают конкретные теоретические определения, выражающие конкретно-историческую природу денег как особенного явления.

Под абстрактно-общее понятие «круглое» легко подвести и футбольный мяч, и планету Марс, и шарикоподшипник. Но ни форму мяча, ни форму Марса, ни форму [262] шарикоподшипника нельзя вывести из понятия «круглого вообще» никакими усилиями логической мысли, потому что ни одна из этих форм *не происходит* из той реальности, которая отражена в понятии «круглое вообще», т.е. из реального сходства, тождества всех круглых тел.

А из понятия «стоимости» (в ее марксовском понимании) экономическая форма денег выводится самым строгим образом. И выводится она именно потому, что в объективной экономической реальности, отражаемой категорией «стоимости вообще», заключена реальная объективная необходимость порождения денег.

Эта необходимость есть не что иное, как внутреннее противоречие стоимости, неразрешимое в рамках простого обмена товара на товар. Категория стоимости у Маркса есть конкретно-всеобщая категория именно потому, что она содержит в своих определениях внутреннее противоречие, раскрывается как единство, как тождество взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих теоретических определений.

Конкретность всеобщего понятия у Маркса неразрывно связана с противоречием в его определении. Конкретность есть вообще *тождество противоположностей*, в то время как абстрактно-общее получается по принципу голого тождества, тождества без противоположностей.

Если внимательно рассмотреть движение мысли Маркса от товара, от стоимости вообще к деньгам и сравнить его с аналогичным движением мысли Рикардо, то получится ясная картина различия диалектики и метафизики в вопросе о движущих пружинах процесса развертывания системы категорий.

Рикардо ведет вперед противоречие между неполнотой, бедностью, односторонностью всеобщей абстракции (стоимости вообще) и полнотой, богатством, многосторонностью явлений денежного обращения. Подводя деньги (как и все остальные категории) под всеобщую формулу закона стоимости, Рикардо убеждается, что они, с одной стороны, подводятся под категорию стоимости (деньги – тоже товар), но, с другой стороны, обладают еще многими особенностями, не выраженными в абстракции стоимости вообще. Короче говоря, он видит, что в деньгах, кроме общего, зафиксированного в категории стоимости, есть также и различия, которые он далее и выясняет. И так он поступает [263] по отношению ко всем развитым категориям. Что из этого получается, мы уже выяснили: эмпирия усваивается в теоретически неперевааренном виде.

Иное у Маркса. В «Капитале» движение мысли вперед, к новым и новым определениям стимулируется непосредственно вовсе не противоречием между «неполнотой абстракции» и «полнотой чувственно-конкретного образа» действительности. Такое представление о движущем противоречии теории не выводило бы нас ни на шаг за пределы локковского понимания процесса теоретического осмысления действительности и полностью отождествляло бы метод Маркса с методом Рикардо. Теоретическое развитие категорий в «Капитале» основывается на более конкретном понимании противоречия, непосредственно движущего мысль вперед. Мышление руководствуется здесь таким принципом: *объективное противоречие отражается в виде противоречия субъективного, – теоретического, логического противоречия, – и в таком виде ставит перед мышлением теоретическую проблему, логическую задачу, которая может быть решена только путем дальнейшего исследования эмпирических фактов, чувственных данных.*

Это дальнейшее рассмотрение эмпирических фактов осуществляется уже не вслепую, а в свете строго и конкретно сформулированной теоретической задачи, проблемы. Проблема же каждый раз формулируется в виде логического, т.е. формально неразрешимого противоречия.

Мы уже проанализировали переход от рассмотрения стоимости, к рассмотрению денег и выяснили, что в реальных, эмпирически-данных явлениях развитого денежного обращения Маркс выделяет лишь те и именно те определения, которые делают деньги понятными как средство относительного разрешения внутреннего противоречия товарного обмена. Далее мысль оказывается перед новым теоретическим противоречием, перед новой *теоретической проблемой*: анализ товарно-денежного обращения показал, что эта

сфера не содержит внутри себя условий, при которых обращение стоимости могло бы породить новую, прибавочную стоимость.

«Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной [264] стоимости, и если обмениваются не-эквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости» 7.

Но это обобщение стоит в отношении опять-таки взаимоисключающего противоречия с другим не менее очевидным фактом – с тем, что деньги, пущенные в оборот, приносят прибыль. Этот факт тоже остается фактом, «как ни вертись», притом фактом очень древним, одного возраста с ростовщичеством, а последнее столь же древне, как и сами деньги. Иными словами, анализ товарно-денежной сферы привел к выводу, что ростовщический капитал невозможен. Но он не только не невозможен, но представляет собой факт, систематически встречающийся не только при капитализме, но и во всех более ранних экономических системах – и при рабовладельческом строе, и при феодализме.

И эта новая антиномия – противоречие теоретической мысли самой себе – как раз и заключала *формулировку проблемы*, теоретической задачи, которую Маркс смог решить первый в истории экономической мысли именно потому, что первым правильно поставил вопрос, правильно сформулировал проблему.

Умение правильно поставить вопрос – значит наполовину ответить на него. Старая логика, как известно, вообще не занималась вопросом как логической формой, как необходимой формой логического процесса. И на этом недостатке старой логики умело спекулировал идеализм. Так, Кант констатировал, что природа отвечает нам только на те вопросы, которые мы ей задаем, и превратил этот факт в аргумент в пользу своей апприористической концепции теоретического познания: ответ на вопрос существенно зависит от того, как сформулирован вопрос, а формулирует его субъект.

Умение правильно задавать вопрос, правильно формулировать проблему является одной из важнейших задач диалектико-материалистической логики. Маркс конкретно показал в «Капитале», что значит поставить перед исследованием *конкретный* вопрос и как найти на него соответственно конкретный ответ.

В постановке и решении вопроса о возникновении прибавочной стоимости логика Маркса выступает очень [265] явственно. Вопрос здесь формулируется не произвольно, а на основе объективного анализа законов товарно-денежного обращения. И это происходит в

той форме, что исследование имманентных законов товарно-денежного обращения приводит к *теоретическому противоречию*.

«Итак, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении... Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic salta!* [Здесь Родос, здесь прыгай!]" 8.

Такая форма постановки проблемы у Маркса не случайна и вовсе не есть лишь внешне риторический прием. Она связана с самым существом диалектики как метода конкретного анализа, как метода, который следует за развитием самой исследуемой реальности, развивающейся через противоречия.

Как развитие реальности совершается через возникновение противоречий и их разрешение, так совершается и мышление, воспроизводящее ее развитие. Эта особенность диалектического метода позволяет не только правильно задать вопрос, но и найти его теоретическое разрешение.

Объективное исследование товарно-денежного обращения показало, что эта сфера не содержит внутри себя условий, при которых возможен и – более того – необходим очевидный, бесспорный и повсеместный экономический факт: самовозрастание стоимости. Поэтому мысль направляется на определение того реального экономически необходимого условия, при наличии которого товарно-денежное обращение превращается в обращение *товарно-капиталистическое*.

Это искомое должно строго соответствовать целому ряду условий, должно подводиться под них. И эти условия теоретической задачи выявлены исследованием товарно-денежного обращения как всеобщего основания товарно-капиталистической системы. В этом плане мысль движется в полном смысле дедуктивно – от всеобщего к особенному, от абстрактного к конкретному, что и создает ее целенаправленность.

Маркс так формулирует задачу: прибавочная стоимость возможна без нарушения закона стоимости только [266] в том единственном случае, если удастся найти «...в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, фактическое потребление которого было бы процессом овеществления труда, а следовательно, процессом созидания стоимости» 9.

В этом пункте резко обозначается принципиальная противоположность диалектики Маркса, как диалектики

материалистической, спекулятивно-идеалистической диалектике Гегеля, его методу конструирования реальности из понятия.

Аксиома и непререкаемый принцип гегелевской диалектики заключается в том, что вся система категорий должна быть развита из имманентных противоречий исходного понятия. Если бы развитие товарно-денежного обращения в товарно-капиталистическое изображал правоверный последователь гегелевской логики, он должен был бы – в духе этой логики – доказать, что имманентные противоречия товарной сферы сами по себе рождают все условия, при которых стоимость становится самовозрастающей стоимостью.

Маркс делает как раз обратное: он показывает, что товарно-денежное обращение – сколько бы оно внутри себя ни вращалось – не может увеличить совокупную стоимость обмениваемых товаров, не может создать своим движением условий, при которых деньги, брошенные в обращение, приносили бы с необходимостью новые деньги.

В этом решающем пункте анализа мысль вновь обращается к эмпирии товарно-капиталистического рынка. Именно в эмпирии отыскивается та экономическая реальность, которая превращает движение товарно-денежного рынка в процесс производства и накопления прибавочной стоимости. Единственный товар, который одновременно и подводится под закон стоимости и – без какого бы то ни было нарушения этого закона – делает возможным и необходимым прибавочную стоимость, прямо противоречащую закону стоимости, – это рабочая сила.

Но здесь снова обнаруживается, какую огромную теоретическую важность имеет тот факт, что товар [267] раскрыт Марксом как непосредственное единство, как тождество противоположностей стоимости и потребительной стоимости.

Сущность товара рабочая сила также раскрывается в «Капитале» как непосредственное тождество взаимоисключающих определений стоимости и потребительной стоимости: потребительная стоимость рабочей силы – ее специфическое качество – заключается в том и только в том, что она в ходе ее потребления превращается в свою собственную противоположность – в стоимость.

Экономические определения рабочей силы внутри товарно-капиталистической системы условий производства заключаются в этом единстве взаимоисключающих противоположностей, в их антиномическом совмещении в одном и том же товаре, потребительная стоимость которого состоит исключительно в

способности прекращаться в стоимость, притом в самом акте потребления.

В тот момент, когда рабочая сила фигурирует как потребительная стоимость (акт ее потребления капиталистом), она одновременно выступает как стоимость, овеществляемая в продукте труда. Это опять противоречие в одном и том же отношении, в отношении к процессу производства и накопления прибавочной стоимости, внутреннее противоречие капиталистического процесса.

С точки зрения логики, здесь можно подметить одно важнейшее обстоятельство: *любая конкретная категория «Капитала»* предстает как одна из форм *взаимопревращения* стоимости и потребительной стоимости, т.е. тех двух взаимоисключающих полюсов, которые были выявлены в начале исследования, при анализе «клеточки» исследуемого организма, тех двух полюсов, которые в своем антагонистическом единстве составляют содержание исходной, всеобщей категории, лежащей в основании всей дальнейшей дедукции категорий. Вся дедукция категорий предстает с этой стороны как процесс усложнения той цепи опосредующих звеньев, через которые должны проходить оба полюса стоимости в процессе их взаимного превращения.

Становление капиталистического организма выступает как процесс нарастания «напряжения» между двумя полюсами исходной категории. Путь взаимного превращения противоположностей стоимости и потребительной [268] стоимости становится все сложнее. Если в акте простого обмена товара на товар взаимодействие стоимости и потребительной стоимости совершается как непосредственный акт, то с появлением денег каждый из полюсов должен сначала превратиться в деньги, а уже потом в свою собственную противоположность. Рабочая сила предстает как новое опосредующее звено взаимодействия форм стоимости, как новая форма ее осуществления.

Взаимно тяготеющие друг к другу полюса стоимости остаются двумя крайними точками, между которыми возникают все новые и новые экономические формы. Любая новая экономическая реальность приобретает смысл и значение лишь в том случае, если она служит взаимодействию стоимости и потребительной стоимости, если она становится формой осуществления стоимости как живого антагонистического единства ее внутренних противоположностей.

Стоимость превращается в верховного судью всех экономических судеб, высшим критерием экономической необходимости любого явления, попадающего в процесс ее

движения. Сам человек – субъект производственного процесса – превращается в пассивную игрушку, в «объект» стоимости, которая становится «автоматически действующим субъектом» процесса в целом, «самовозрастающим субъектом этого процесса» 10.

«Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы» 11, – говорит Маркс о роли стоимости в процессе товарно-капиталистического способа производства.

В этих выражениях Маркса нетрудно усмотреть скрытую полемику с самим существом гегелевской философии, с ее фундаментальным обоснованием в «Феноменологии духа». В этом произведении, заключающем всю тайну гегелевской философии, идеалист-диалектик выдвигал такое требование к науке – «постигать и выражать истинное [269] не только как субстанцию, но не в меньшей мере и как субъект» 12.

Субъект для Гегеля равнозначен реальности, развивающейся через противоречия, саморазвивающейся реальности. Но все дело в том, что такого качества Гегель не признавал за объективной реальностью, существующей вне духа и независимо от него. Единственная саморазвивающаяся субстанция для него – это логическая идея; поэтому у Гегеля и предполагается, и обосновывается, что требование «познавать и выражать истинное не только как субстанцию, но не в меньшей мере и как субъект» может быть реализовано лишь в науке о мышлении, лишь в философии, и притом в объективно-идеалистической философии.

Пользуясь в «Капитале» терминологией Гегеля, Маркс тем самым подчеркивает принципиальную противоположность своих философских позиций позициям гегельянства, показывает образец материалистической диалектики как науки о развитии через внутренние противоречия.

И если с помощью философской терминологии выразить существо переворота в политической экономии, произведенного Марксом, то можно сказать так: в его теории впервые была понята *не только субстанция* стоимости – труд (это понимал и Рикардо), но стоимость была понята одновременно *и как субъект* всего развития, т.е. как реальность, развивающаяся через свои внутренние противоречия в целую систему экономических форм. Последнего Рикардо не понимал. Чтобы это понять, надо было стать на позиции *сознательной материалистической диалектики*.

Только на основе такого понимания объективных законов развития, как развития через противоречия, можно понять существо логики исследования, применяемой в «Капитале», существо способа восхождения от абстрактного к конкретному.

На первый взгляд, со стороны внешней формы, это чистая дедукция, движение от всеобщей категории (стоимость) к особенным (деньги, прибавочная стоимость, прибыль, заработная плата и т.д.). Внешне движение [270] мысли очень похоже на традиционную дедукцию – деньги (а затем и прибавочная стоимость и другие категории) выступают как более конкретный образ стоимости вообще, как особенное существование стоимости. Стоимость на первый взгляд может показаться родовым понятием, абстрактно-общим, а деньги и прочее – видами стоимости.

Но анализ обнаруживает, что отношения рода и вида тут нет. В самом деле, – «стоимость вообще» раскрывает свое содержание как непосредственное противоречивое единство стоимости и потребительной стоимости. Деньги же – а особенно бумажные деньги – потребительной стоимостью уже не обладают. Они реализуют в своих экономических функциях только одно из двух определений «стоимости вообще» – функцию всеобщего эквивалента. «Стоимость вообще» оказывается богаче по содержанию, чем ее собственный вид – деньги. Всеобщая категория обладает таким признаком, который отсутствует у особенной категории. Деньги, таким образом, лишь односторонне (абстрактно) реализуют двустороннюю природу стоимости. И тем не менее деньги – более конкретное, более сложное исторически-производное экономическое явление, нежели стоимость. С точки зрения традиционного понимания дедукции, это парадокс и уже не дедукция, а что-то иное.

Это и в самом деле не дедукция в смысле старой логики, а такое движение мысли, которое органически сочетает в себе и переход от всеобщего к особенному, и обратно – от особенного ко всеобщему – движение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

Каждая экономическая реальность, отражаемая категориями «Капитала», – и товар, и деньги, и рабочая сила, и прибавочная стоимость, и рента – все они представляют собой объективно, независимо от процесса их теоретического осмысления и абстрактное и конкретное. Каждая из этих категорий отражает вполне конкретное экономическое образование, явление. И одновременно каждая из них отражает такую реальность, которая лишь односторонне (абстрактно) осуществляет природу того целого, в состав которого она органически входит, являясь исчезающим моментом в движении этого целого, его абстрактным проявлением.

Дедукция же воспроизводит реальный процесс [271] становления как каждой из категорий (т.е. каждого реального экономического образования), так и всей их системы в целом, обнаруживая реальную генетическую связь, генетическое единство там, где на поверхности выступают на первый взгляд несвязанные между собой явления и даже явления, противоречащие друг другу.

Отсюда и проистекает принципиальная разница между формально-логической, силлогистической дедукцией и способом восхождения от абстрактного к конкретному.

В основании первой, в качестве ее большей посылки, лежит абстрактно-общее, родовое понятие, наиболее скудное по содержанию и наиболее широкое по объему. Под такое понятие можно подвести только такие особенные явления, которые не содержат в себе признака, противоречащего признакам всеобщего понятия. Кроме того, под такое понятие нельзя подводить явление, у которого *отсутствует* хотя бы один признак, входящий в определение содержания всеобщего понятия. Такое явление будет расценено с точки зрения старой логики, как относящееся к какой-то другой системе, к другому «роду» явлений.

Аксиома старой дедукции гласит: каждое из особенных явлений, могущих быть подведенными под абстрактно-общее понятие, должно обладать *всеми* признаками, заключенными в определении всеобщего понятия, и не должно заключать в себе признака, противоречащего признакам всеобщего понятия. Только явления, соответствующие этому требованию, старая дедукция и признает относящимися к тому роду явлений, который определен всеобщим понятием. Всеобщее понятие тут оказывается критерием отбора явлений, которые следует учитывать при рассмотрении определенного рода явлений, и с самого начала, как выражаются логики, предопределяет плоскость абстракции, угол зрения на вещи. Но стоит только применить эту аксиому к категориям политической экономии, чтобы сразу стала ясна ее крайняя искусственность и субъективность.

Так, деньги страдают отсутствием одного из атрибутивных признаков «стоимости вообще». Они не обладают непосредственно потребительной стоимостью. Товарно-капиталистическое обращение содержит в себе признак, прямо и непосредственно противоречащий закону [272] стоимости, закону обмена эквивалентов – способность создавать *прибавочную* стоимость, которую не подведешь без противоречия под категорию стоимости. Она поэтому начинает представляться явлением какого-то другого мира, чем сфера движения стоимости.

Подобные парадоксы и приводили в смущение буржуазных экономистов, не признававших иной логики, кроме формальной, и иной дедукции, кроме силлогистической.

Теоретическая задача, объективно поставленная развитием домарксовской политической экономии, состояла в том, чтобы показать, как на основе закона стоимости и без какого бы то ни было его нарушения становятся не только возможными, но и необходимыми явления, прямо и непосредственно противоречащие трудовой теории стоимости.

Мы уже показали достаточно подробно, что эта задача абсолютно неразрешима до тех пор, пока стоимость понимается как *абстрактно-общее, родовое понятие*, и рационально решается при условии, если стоимость раскрыта как *конкретно-всеобщая категория*, отражающая совершенно конкретную экономическую реальность (обмен товара непосредственно на товар), содержащую в себе противоречие.

Такое понимание стоимости и дало Марксу ключ к решению всех тех теоретических трудностей, в которые всегда упирается теоретический анализ, рассматривающий живую действительность, развивающуюся через противоречия.

В самой стоимости, в исходной категории теоретического развития, анализ Маркса обнаруживает возможность тех противоречий, которые на поверхности развитого капитализма выступают очевидным образом, в виде разрушительных кризисов перепроизводства, острейшего антагонизма чрезмерного богатства на одном полюсе общества и невыносимой нищеты на другом его полюсе, в виде непосредственной борьбы классов, находящей свое окончательное разрешение лишь в революции.

В теоретическом изображении это предстает как неизбежный результат развития того самого противоречия, которое заключено в простом товарном обмене, в «клеточке» всей системы, в стоимости, как в зародыше, как в зерне. [273]

Становится понятным, почему стоимость в ходе теоретического развития категорий капиталистической экономики оказывается строгим ориентиром, позволяющим абстрактно выделять лишь такие черты рассматриваемой реальности, которые связаны с нею атрибутивным образом, представляют собою всеобщие и необходимые формы существования капиталистической системы. В состав теоретического изображения этой системы вводятся только такие обобщения, которые могут быть подведены под определения стоимости. Но это подведение, осуществляемое в «Капитале», по самому своему существу чуждо формальному подведению понятий

под понятия. Если рабочая сила подводится под категорию стоимости, то это непосредственно отражает факт реального становления товарно-капиталистической системы отношений.

Анализ этой системы показал, что товарно-денежное обращение представляет собой всеобщую основу, простейшее всеобщее и необходимое условие, без наличия которого капитализм ни возникнуть, ни существовать, ни развиваться объективно не может. Тем самым теоретические определения товарно-денежного обращения показаны в качестве отражения тех объективных всеобщих условий, которым должно удовлетворять все то, что вообще могло или может быть когда-либо включено в процесс движения товарно-капиталистического организма.

Если же явление не подводится под условия, диктуемые законами товарно-денежного обращения, – значит оно не могло и не может вообще включиться в этот процесс, стать формой товарно-капиталистического обмена веществ в обществе.

Таким образом, в определениях стоимости теоретическое мышление обретает строгий критерий различения, отбора тех явлений, тех экономических форм, которые представляют собой формы, внутренне присущие капитализму.

Только то, что *реально*, независимо от мышления, подводится под условия, диктуемые имманентными законами товарно-денежной сферы, только то, что может быть усвоено, ассимилировано этой сферой и может принять на себя экономическую форму стоимости, – только такая реальность и может превратиться в форму движения *капиталистической* системы. Поэтому и мышление, [274] абстрагирующее из безбрежного океана эмпирических фактов лишь ту их конкретно-историческую определенность, которой они обязаны капитализму как экономической системе, вправе абстрагировать только такие черты рассматриваемой реальности, которые подводятся под определения стоимости.

Если же тот или иной факт не подводится под эти определения, не отвечает требованиям, аналитически выявленным в анализе товарно-денежной сферы и теоретически выраженным категорией стоимости, то это первый и категорический признак того, что он объективно не относится к тому роду фактов, на обобщении которых должна строиться теория, система конкретно-исторических определений капитала. Все то, что не может принять на себя форму стоимости, не может превратиться и в капитал.

Весь смысл категории стоимости в теории Маркса и заключается в том, что она отражает всеобщий и необходимый момент, элемент,

«клеточку» капитала, представляет собой всеобщее, абстрактнейшее выражение специфики капитала, хотя одновременно с этим и совершенно конкретный экономический факт, непосредственный обмен товара на другой товар.

В свете этого крайне показателен теоретический переход от рассмотрения товарно-денежной сферы к анализу процесса производства прибавочной стоимости.

На чем основывается строжайшая логическая необходимость этого перехода?

Прежде всего на том, что к анализу процесса производства прибавочной стоимости мысль подходит от определений, выявленных анализом товарно-денежной сферы. И, во-вторых, на том, что в данном случае *аналитически исследуется реальный факт* – тот факт, что деньги, брошенные в капиталистическое обращение, пройдя все его метаморфозы, возвращаются с приращением, приносят прибавочную стоимость. Мысль возвращается к выяснению условий возможности этого факта. Но одно из условий этой возможности, притом абсолютно необходимое, уже выяснено анализом товарно-денежной сферы. Это – закон стоимости, относительно которого показано, что он, с одной стороны, абсолютно всеобщий закон исследуемого целого, но, с другой стороны, не включает в себе всех [275] необходимых условий, при которых объективно возможна прибавочная стоимость.

Какого-то необходимого условия аналитически исследуемого экономического факта по-прежнему недостает. И мысль *целенаправленно* начинает искать это недостающее условие, необходимое условие возможности прибавочной стоимости.

Задача формулируется, как известно, так: это искомое должно быть найдено не путем логического конструирования, а в ряду *реальных экономических фактов, в эмпирической действительности развитого капитализма*. Что это за факт – мы пока не знаем. Но вместе с тем мы уже знаем о нем нечто чрезвычайно важное. Он, во всяком случае, должен быть также товаром, т.е. экономической реальностью, подчиненной безоговорочно закону стоимости, его непререкаемым требованиям. Но этот товар должен обладать одной особенностью: его потребительная стоимость должна заключаться именно в способности превращаться в стоимость в самом акте потребления. Это второе требование, которому должно удовлетворять искомое, есть – как нетрудно понять – аналитически выявленное условие возможности *прибавочной стоимости, капитала*.

Эмпирическое рассмотрение развитого товарно-капиталистического обращения показывает, что этим двум условиям удовлетворяет только одна экономическая реальность, а именно – рабочая сила. Логически правильно поставленный вопрос здесь дает единственно возможное решение: искомое, удовлетворяющее теоретически выявленным условиям, есть рабочая сила.

Этот вывод, это теоретическое обобщение *реальных фактов* обладает всеми достоинствами самой совершенной индукции, если понимать под индукцией обобщение, исходящее из реальных фактов. Но это обобщение одновременно соответствует самым придирчивым требованиям сторонников дедуктивного характера научно-теоретического знания.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному позволяет строго выявить и абстрактно выразить лишь абсолютно необходимые условия возможности объекта, данного в созерцании. «Капитал» в деталях показывает [276] ту необходимость, с которой осуществляется прибавочная стоимость, если имеются налицо развитое товарно-денежное обращение и свободная рабочая сила.

Совокупность всех необходимых условий выступает при этом методе анализа как реальная, как *конкретная* возможность, в то время как развитое товарно-денежное обращение показано как *абстрактная* возможность прибавочной стоимости. Но эта абстрактная возможность для логического мышления выступает как *невозможность*: анализ товарно-денежной сферы показывает, что ее имманентные законы находятся с фактом прибавочной стоимости в отношении *взаимоисключающего противоречия*. Точно так же и исследование природы рабочей силы как таковой обнаруживает, что в ней нельзя видеть источник прибавочной стоимости. «Труд вообще» создает продукт, потребительную стоимость, но ни в коем случае не стоимость.

Научно-теоретическое понимание прибавочной стоимости сводится при этом методе к выяснению таких необходимых условий, которые лишь в их *конкретно-историческом взаимодействии* делают ее возможной. Каждое же из них, рассмотренное абстрактно – вне его конкретного взаимодействия с другим, – принципиально исключает самую возможность прибавочной стоимости. Для мышления это выступает в виде *взаимоисключающего противоречия* между законом стоимости (как абстрактной возможностью факта) и самим фактом – прибавочной стоимостью.

***Реальна только конкретная* возможность, только совокупность всех необходимых условий бытия вещи в их конкретно-**

исторической взаимообусловленности. И только на пути раскрытия этой конкретной совокупности условий мышление может найти действительное разрешение противоречия между всеобщим законом и эмпирической формой его собственного осуществления, между абстракцией и конкретным фактом. Абстрактно выраженный всеобщий закон неизбежно встает с исследуемым фактом в отношении взаимоисключающего противоречия. И в этом, с точки зрения диалектической логики, нет ничего страшного. Напротив, в данном случае логическое противоречие оказывается показателем и признаком того факта, что анализируемый предмет понят лишь [277] абстрактно и не понят конкретно, что не вскрыты еще все необходимые условия, внутри которых он существует. Логические противоречия, необходимо возникающие в ходе познания, разрешаются, таким образом, лишь в ходе развертывания конкретной системы категорий, воспроизводящей предмет во всей полноте его необходимых характеристик, объективных условий его бытия.

Но конкретное понимание вовсе не устраняет без остатка выявленные противоречия. Наоборот, оно детально показывает, что эти противоречия суть логически правильные формы отражения объективной реальности, развивающейся через противоречия. Конкретное теоретическое знание показывает необходимость того обстоятельства, что на основе всеобщего закона – без какого бы то ни было его нарушения, изменения или превращения – возникают явления, прямо и непосредственно ему противоречащие.

При этом все необходимые условия возможности анализируемого явления не просто перечисляются, не просто ставятся рядом друг с другом, а постигаются в их конкретно-исторической взаимосвязи, в генетической связи одного с другим.

Простая механическая сумма условий прибавочной стоимости – развитое товарно-денежное обращение и рабочая сила – еще не составляет реальной, конкретной ее природы. Прибавочная стоимость есть продукт органического взаимодействия того и другого, есть качественно новая экономическая реальность, и ее конкретное понимание не складывается просто из тех характеристик, которые можно было бы получить из рассмотрения товарно-денежного обращения и рабочей силы. Рабочая сила становится фактором производства прибавочной стоимости только в том случае, если она начинает функционировать в той общественной форме, которая развита движением товарно-денежного рынка, – в форме товара. Но экономическая форма товара тоже становится формой движения капитала только в том случае, если подчиняет себе движение рабочей силы. Взаимодействие законов товарно-денежного обращения и рабочей силы рождает некоторую новую

экономическую реальность, которой не содержалось ни в том, ни в другом, взятом порознь, вне их конкретного взаимодействия.

Поэтому движение логической мысли, [278] воспроизводящее необходимые моменты развития прибавочной стоимости, и не может состоять в формальном соединении, синтезировании тех теоретических определений, которые получены в анализе ее составляющих, т.е. определений товарно-денежной сферы, с одной стороны, и товара рабочая сила – с другой. Дальнейшее движение мысли, постигающей прибавочную стоимость, может совершаться только через *новый анализ новых фактов – фактов движения прибавочной стоимости, как особого экономического явления, принципиально несводимого к ее составляющим.*

Но, с другой стороны, это дальнейшее *теоретическое* рассмотрение фактов движения прибавочной стоимости не могло бы совершиться без категорий, развитых в исследовании законов движения товарно-денежного рынка и особенностей товара рабочая сила. Если эти категории предварительно не развиты, то невозможен теоретический анализ эмпирических фактов движения прибавочной стоимости. В этом случае будут достигнуты лишь абстрактные характеристики процесса производства прибавочной стоимости, в которых отразится лишь внешняя видимость этого процесса, а не конкретные теоретические определения.

Теоретический анализ, непосредственно совпадающий с теоретическим синтезом абстрактных определений прибавочной стоимости, выявленных ранее, выражает не абстрактные поверхностные формы ее движения, а те необходимые изменения, которые происходят в движении товарно-денежного рынка тогда, когда в это движение включается такой своеобразный товар, как рабочая сила. Этот своеобразный товар вносит в движение товарно-денежного обращения именно те изменения, которые превращают товарно-денежное обращение в сферу производства *прибавочной стоимости.*

Но и сама рабочая сила при этом берется не в ее вечной (одинаковой для всех формаций) характеристике, а в ее конкретно-исторической определенности *как товара.* Это значит, что в ней вскрывается (и фиксируется в понятии) прежде всего та *исторически-определенная* форма, которую она приобретает лишь внутри сферы товарно-денежного обращения.

Этим и отличается *научно-теоретическое воспроизведение* процесса производства прибавочной стоимости от [279] *абстрактного описания* этого процесса, от простого абстрактного выражения его явлений, данных на поверхности.

Для того, чтобы понять, выразить в понятиях сущность капиталистического производства, труда, производящего прибавочную стоимость, надо предварительно выявить всю ту совокупность необходимых условий, на основе которых *такой* труд вообще становится возможным, а уж затем проследить, какие именно изменения он вносит в самые условия своего осуществления.

Поэтому анализ изменений, вносимых рабочей силой в процесс товарно-денежного обращения, в процесс производства стоимости, предполагает предварительный анализ тех условий, в которые вносится это изменение, т.е. анализ процесса производства *стоимости* – процесса, который *наемный* труд застаёт уже готовым. Без этого процесс возникновения прибавочной стоимости понять принципиально невозможно.

Такой способ осмысления явлений позволяет не просто описать их в том виде, в каком они даны непосредственному созерцанию на поверхности развитой стадии существования, но в полном смысле этого слова *воспроизвести* их становление, проследить процесс их возникновения и развития до нынешнего состояния, и притом только в строго необходимых моментах.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному опирается в этом пункте на то реальное обстоятельство, что действительно необходимые и всеобщие условия *возникновения и развития* предмета сохраняются в каждый данный момент в качестве форм его *существования*. Поэтому мышление может прочесть при анализе развитого предмета «снятую» его историю. И иначе, как с помощью способа восхождения от абстрактного к конкретному, исторический подход к исследованию предмета осуществить невозможно.

Но поэтому картина, которую рисуют наиболее абстрактные разделы теории (например, первая глава «Капитала»), в наибольшей мере расходится с той картиной, которую являет непосредственному созерцанию и представлению развитая стадия процесса. И наоборот, чем больше закономерных влияний, тенденций и воздействий привлекается в ходе восхождения от абстрактного к [280] конкретному, чем конкретнее становится изображение, тем оно ближе и ближе подходит к совпадению с той картиной, которая дана непосредственному созерцанию и представлению.

В итоге «Капитал» К. Маркса показывает не только «экономический скелет» общественного организма, не только его «внутреннюю структуру». В.И. Ленин видел огромное преимущество метода Маркса в том, что, «объясняя строение и развитие данной

общественной формации исключительно производственными отношениями – он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью». «Капитал», отмечает Ленин, показал «всю капиталистическую формацию как живую – с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т.д. и т.п., с буржуазными семейными отношениями» 13.

При этом «Капитал» доказывает, что иными эти фактические отношения не могут быть, пока в основе всей общественной жизни лежит частнособственническая, товарно-капиталистическая экономика, как не может сделаться стройным человек с кривым позвоночником. Исправить эти фактические отношения может только могила. До тех пор, пока действует закон прибавочной стоимости, неизбежны кризисы, неизбежна безработица, неизбежно относительное и абсолютное обнищание трудящихся масс, неизбежны ложь и лицемерие в идеологии, в быту, в личной жизни, ибо все это – лишь внешние формы обнаружения самой глубокой сущности товарно-капиталистического организма – противоречий процесса накопления прибавочной стоимости. Эти противоречия так же органически свойственны капитализму, как белковый обмен – живому телу. Они – не «пятна» на поверхности, а выражение самой его сути. Это и доказывает «Капитал», этому и служит его метод – метод выведения понимания явлений из понимания их всеобщей сущности, – метод восхождения от абстрактного к конкретному. [281]

Приняв метод Маркса, невозможно уже не принять и все выводы «Капитала». Поэтому-то, собственно, так и ненавидят его апологеты современного капитализма. Он доказывает, что кризисы перепроизводства, наличие резервной армии безработных и все подобные формы буржуазного «богатства» суть всеобщие и абсолютные формы процесса производства и накопления прибавочной стоимости, его органические формы, не только следствия, но и необходимые условия протекания этого процесса.

Поэтому буржуазные философы и логики давно стараются дискредитировать метод Маркса, называя его «спекулятивным конструированием», «гегелевской формой мышления», некритически-де перенятой Марксом, и т.д., хотя, как мы старались показать, с гегелевским методом сходства тут чисто внешние, формальные. То «выведение», которое проделывает Маркс, есть просто синоним материалистического метода, метода объяснения духовно-идеологических, политических, правовых, нравственных и

других отношений из отношений материальных, из отношений производства.

В «Капитале» Маркс категорически указывал на это обстоятельство: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод» 14.

Это – тот же самый метод, который указывает задачу научного познания денег не в том, чтобы понять, что деньги – тоже товар, а в том чтобы проследить, как и почему товар превращается в деньги. Это гораздо труднее, но зато и вернее. Этот метод показывает не только те отношения реальной жизни, которые отражены в известных идеологических формах, но и объясняет, почему именно развились как раз такие, а не какие-нибудь другие идеологические, политические, правовые и научные формы. Все эти формы буквально «выводятся» из отношений реальной жизни, из ее противоречий (из «саморазорванности светской основы»). В этом как раз и заключается [282] глубокая разница между марксовской и фейербаховской критикой форм религиозного сознания. В этом и состоит главное преимущество диалектического метода Маркса, Энгельса и Ленина, и одновременно – его материалистический характер, в применении к любой области исследований – от политической экономии до теории познания и эстетики.

«Капитал» Карла Маркса представляет собой настоящую высшую школу теоретического мышления. Ученый любой области может почерпнуть здесь для себя чрезвычайно ценные идеи в отношении метода теоретического исследования. Философы и логики должны облегчить ему доступ в эту сокровищницу. Разумеется, один автор и одна книга лишь в очень малой мере могут решить эту задачу. В силу своей сложности и объема она под силу только коллективу. Данная книга лишь в определенной степени заполняет пробел, имеющийся в нашей философской литературе в этом отношении, развивая и конкретизируя один из разделов работы М.М. Розенталя «Вопросы диалектики в «Капитале» К. Маркса», единственной до сих пор работы, посвященной этому важнейшему и труднейшему вопросу. Дальнейшие исследования в этом плане, надо надеяться, не заставят ждать себя слишком долго. [283]

- 1 **Маркс К.** Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, с. 55.
- 2 Там же, с. 68.
- 3 Там же, с. 110-111.
- 4 **Маркс К.** Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 114.
- 5 **Маркс К.** К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, с. 236.
- 6 **Маркс К.** Капитал, т. I, с. 164 (курсив наш. – Э.И.).
- 7 Там же, с. 170.
- 8 Там же, с. 172-173.
- 9 Там же, с. 173.
- 10 Там же, с. 160-161.
- 11 Там же, с. 161.
- 12 **Hegel G.F.W.** Phänomenologie des Geistes. Leipzig, Verlag von F. Meiner, 1921, S.S. 12-13.
- 13 **Ленин В.И.** Сочинения, т. 1, с. 124.
- 14 **Маркс К.** Капитал, т. I, с. 378.

конец